

ISSN 2072-8522
ISSN (online) 2310-7278

Вестник

МОСКОВСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО
ОБЛАСТНОГО
УНИВЕРСИТЕТА

Серия *Русская филология*

БЕЗЛИЧНО-ИНФИНИТИВНЫЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ
В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ

ОСОБЕННОСТИ НОВООБРАЗОВАНИЙ
С ЭКСПРЕССИВНО-ОЦЕНОЧНОЙ
СЕМАНТИКОЙ В РЕГИОНАЛЬНОЙ
НИЖЕГОРОДСКОЙ ПРЕССЕ

МОДЕЛИ ИНТЕРПРЕТАЦИИ ПРОБЛЕМЫ ВРЕМЕНИ
В СОВРЕМЕННОМ РОМАНЕ: «ЛАВР» Е. ВОДОЛАЗКИНА,
«МИУССКАЯ ПЛОЩАДЬ» М. ГОЛУБКОВА

2017 / № 4

ВЕСТНИК
МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
ОБЛАСТНОГО УНИВЕРСИТЕТА

ISSN 2072-8522 (print)

2017 / № 4

ISSN 2310-7278 (online)

серия

РУССКАЯ ФИЛОЛОГИЯ

Научный журнал основан в 1998 г.

«Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология» включён в «Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание учёной степени кандидата наук, на соискание учёной степени доктора наук» Высшей аттестационной комиссии при Министерстве образования и науки Российской Федерации (См.: Список журналов на сайте ВАК при Минобрнауки России) по Филологическим наукам: группы специальностей Литературоведение (10.01.00) и Языкознание (10.02.00).

The academic journal is established in 1998

«Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Russian philology» is included by the Supreme Certifying Commission of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation into "The List of peer-reviewed academic journals recommended for publishing the essential outcomes of Candidate and Doctoral theses" (See: the online List of journals at the site of the Supreme Certifying Commission of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation) in Philological Sciences: Literary Studies (10.01.00) and Linguistics (10.02.00).

ISSN 2072-8522 (print)

2017 / № 4

ISSN 2310-7278 (online)

series

RUSSIAN PHILOLOGY

BULLETIN
OF THE MOSCOW REGION
STATE UNIVERSITY

Учредитель журнала «Вестник Московского государственного областного университета»:

Государственное образовательное учреждение высшего образования Московской области

Московский государственный областной университет

Выходит 5 раз в год

Редакционно-издательский совет «Вестника Московского государственного областного университета»

Хроменков П.Н. — к.филол.н., проф., ректор Московского государственного областного университета (председатель совета)
Ефремова Е.С. — к.филол.н., начальник Информационно-издательского управления Московского государственного областного университета (зам. председателя)

Клычников В.М. — к.ю.н., к.и.н., проф., проректор по учебной работе и международному сотрудничеству Московского государственного областного университета (зам. председателя)

Антонова Л.Н. — д.пед.н., академик РАО, Комитет Совета Федерации по науке, образованию и культуре

Асмолов А.Г. — д.псх.н., проф., академик РАО, директор Федерального института развития образования

Климов С.Н. — д.ф.н., проф., Московский государственный университет путей сообщения (МИИТ)

Клобуков Е.В. — д.филол.н., проф., МГУ им. М.В. Ломоносова

Манойло А.В. — д.пол.н., проф., МГУ им. М.В. Ломоносова

Новоселов А.Л. — д.э.н., проф., Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова

Пасечник В.В. — д.пед.н., проф., Московский государственный областной университет

Поляков Ю.М. — к.филол.н., главный редактор «Литературной газеты»

Рюмцев Е.И. — д.ф.-м.н., проф., Санкт-Петербургский государственный университет

Хухуни Г.Т. — д.филол.н., проф., Московский государственный областной университет

Чистякова С.Н. — д.пед.н., проф., член-корр. РАО

ISSN 2072-8522 (print)

ISSN 2310-7278 (online)

Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. — 2017. — № 4. — 134 с.

Журнал «Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология» зарегистрирован в Федеральной службе по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия. Регистрационное свидетельство ПИ № ФС77-26173

**Индекс серии «Русская филология»
по Объединенному каталогу «Пресса России» 40718**

© МГОУ, 2017.

© ИИУ МГОУ, 2017.

**Адрес Отдела по изданию научного журнала
«Вестник Московского государственного
областного университета»**

г. Москва, ул. Радио, д.10А, офис 98

тел. (495) 723-56-31; (495) 780-09-42 (доб. 6101)

e-mail: vest_mgou@mail.ru; сайт: www.vestnik-mgou.ru

Редакционная коллегия серии «Русская филология»

Ответственный редактор серии:

Лекант П.А. — д.филол.н., проф., МГОУ

Заместитель ответственного редактора серии:

Шапвалова Т.Е. — д.филол.н., проф., МГОУ

Ответственный секретарь серии:

Самсонов Н.Б. — к.филол.н., доц., МГОУ

Члены редакционной коллегии:

Аврамова В.Н. — доктор филологии, проф., Шуменский университет имени Епископа Константина Преславского (Болгария); **Алексеева Л.Ф.** — д.филол.н., проф., МГОУ; **Аношкина В.Н.** — д.филол.н., заслуженный деятель науки Российской Федерации, проф., МГОУ; **Воропаев В.А.** — д.филол.н., проф., МГУ имени М.В. Ломоносова; **Гусман Т.Р.** — д.филол.н., проф., Гранадаский университет (Испания); **Киселёва И.А.** — д.филол.н., доц., МГОУ; **Колларова Э.** — д.философии, проф., Католический университет в Ружомберке (Словакия); **Копосов Л.Ф.** — д.филол.н., проф., МГОУ; **Леденёва В.В.** — д.филол.н., проф., МГОУ; **Моторин А.В.** — д.филол.н., проф., Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого; **Нагорный И.А.** — д.филол.н., проф., Белгородский государственный национальный исследовательский университет; **Норман Б.Ю.** — д.филол.н., проф., Белорусский государственный университет (Беларусь); **Петров А.В.** — д.филол.н., проф., Северный (Арктический) федеральный университет имени М.В. Ломоносова (г. Архангельск); **Рацибурская Л.В.** — д.филол.н., проф., Нижегородский государственный университет имени Н.И. Лобачевского; **Супрун В.И.** — д.филол.н., проф., Волгоградский государственный социально-педагогический университет; **Титаренко Е.Я.** — д.филол.н., доц., Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского; **Шаталова О.В.** — д.филол.н., проф., МГОУ; **Шеншина В.А.** — д.филол.н., науч. сотр., Хельсинкинский университет (Финляндия).

Журнал включён в базу данных Российского индекса научного цитирования (РИНЦ), имеет полнотекстовую сетевую версию в Интернете на платформе Научной электронной библиотеки (www.elibrary.ru), а также на сайте Московского государственного областного университета (www.vestnik-mgou.ru)

При цитировании ссылка на конкретную серию «Вестника Московского государственного областного университета» обязательна. Опубликованные в журнале материалы могут использоваться только в некоммерческих целях. Ответственность за содержание статей несут авторы. Мнение автора может не совпадать с точкой зрения редколлегии серии. Рукописи не возвращаются.

Founder of journal «Bulletin of the Moscow Region State University»:

Moscow Region State University

Issued 5 times a year

Series editorial board «Russian philology»

Editor-in-chief:

P.A. Lecant – Doctor of Philology, Professor, MRSU

Deputy editor-in-chief:

T.Ye. Shapovalova – Doctor of Philology, Professor, MRSU

Executive secretary of the series:

N.B. Samsonov – Ph.D. in Philology Sciences, Associate Professor, MRSU

Members of Editorial Board:

V.N. Avramova – Doctor of Philology, Professor, University of Shumen Bishop Konstantin of Preslav (Bulgaria); **L.F. Alekseyeva** – Doctor of Philology, Professor, MRSU; **V.N. Anoshkina** – Doctor of Philology, honored science worker of the Russian Federation, Professor, MRSU; **V.A. Voropayev** – Doctor of Philology, Professor, Lomonosov Moscow State University; **R. Guzmán Tirado** – Doctor of Philology, Professor, University of Granada (Spain); **I.A. Kiseleva** – Doctor of Philology, Associate Professor, MRSU; **E. Kollarova** – Doctor of Philosophy, Professor, Catholic University in Ruzomberok (Slovakia); **L.F. Koposov** – Doctor of Philology, Professor, MRSU; **V.V. Ledeneva** – Doctor of Philology, Professor, MRSU; **A.V. Motorin** – Doctor of Philology, Professor, Yaroslav-the-Wise Novgorod State University; **I.A. Nagorny** – Doctor of Philology, Professor, Belgorod State National Research University; **B.Yu. Norman** – Doctor of Philology, Professor, Belorussian State University (Belarus); **A.V. Petrov** – Doctor of Philology, Professor, Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov (Arkhangelsk); **L.V. Ratsiburskaya** – Doctor of Philology, Professor, N.I. Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod; **V.I. Suprun** – Doctor of Philology, Professor, Volgograd State Socio-Pedagogical University; **E.Y. Titarenko** – Doctor of Philology, Associate Professor, Crimean Federal University named after V.I. Vernadsky; **O.V. Shatalova** – Doctor of Philology, Professor, MRSU; **V.A. Shenshina** – Doctor of Philology, Helsinki University (Finland)

The journal is included into the database of the Russian Science Citation Index, has a full text network version on the Internet on the platform of Scientific Electronic Library (www.elibrary.ru), as well as at the site of the Moscow Region State University (www.vestnik-mgou.ru)

At citing the reference to a particular series of «Bulletin of the Moscow Region State University» is obligatory. The materials published in the journal are for non-commercial use only. The authors bear all responsibility for the content of their papers. The opinion of the Editorial Board of the series does not necessarily coincide with that of the author. Manuscripts are not returned.

Publishing council «Bulletin of the Moscow Region State University»

P.N. Khromenkov – Ph.D. in Philology, Professor, Principal of MRSU (Chairman of the Council)

E.S. Yefremova – Ph.D. in Philology, Chef of information and editorial management of MRSU (Vice-Chairman of the Council)

V.M. Klychnikov – Ph.D. in Law, Ph.D. in History, Professor, Vice-Principal for academic work and international cooperation of MRSU (Vice-Chairman of the Council)

L.N. Antonova – Doctor of Pedagogics, Member of the Russian Academy of Education, The Council of the Federation Committee on Science, Education and Culture

A.G. Asmolov – Doctor of Psychology, Professor, Member of the Russian Academy of Education, Principal of the Federal Institute of Development of Education

S.N. Klimov – Doctor of Philosophy, Professor, Moscow State University of Railway Engineering

E.V. Klobukov – Doctor of Philology, Professor, Lomonosov Moscow State University

A.V. Manoylo – Doctor of Political Science, Professor, Lomonosov Moscow State University

A.L. Novosjolov – Doctor of Economics, Professor, Plekhanov Russian University of Economics

V.V. Pasechnik – Doctor of Pedagogics, Professor, MRSU

Yu.M. Polyakov – Ph.D. in Philology, Editor-in-chief of «Literaturnaya Gazeta»

E.I. Rjuntsev – Doctor of Physics and Mathematics, Professor, Saint Petersburg State University

G.T. Khukhuni – Doctor of Philology, Professor, MRSU

S.N. Chistyakova – Doctor of Pedagogics, Professor, Corresponding Member of the Russian Academy of Education

ISSN 2072-8522 (print)

ISSN 2310-7278 (online)

Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Russian Philology. – 2017. – № 4. – 134 p.

The series «Russian Philology» of the Bulletin of the Moscow Region State University is registered in Federal service on supervision of legislation observance in sphere of mass communications and cultural heritage protection. The registration certificate ПИ № ФЧ77-26173

Index series «Russian Philology» according to the union catalog «Press of Russia» 40718

© MRSU, 2017.

© Information & Publishing department of MRSU, 2017.

The Editorial Board address:

Moscow Region State University

10A Radio st., office 98, Moscow, Russia

Phones: (495) 723-56-31; (495) 780-09-42 (add. 6101)

e-mail: vest_mgou@mail.ru; site: www.vestnik-mgou.ru

СОДЕРЖАНИЕ

РАЗДЕЛ I. ЯЗЫКОЗНАНИЕ

<i>Котлярова О.В.</i> КОММУНИКАТИВНАЯ КОМПЕТЕНТНОСТЬ СОВРЕМЕННОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО СЛУЖАЩЕГО	8
<i>Лекант П.А.</i> БЕЗЛИЧНО-ИНФИНИТИВНЫЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ	18
<i>Логачева Е.В.</i> ФОЛЬКЛОРНЫЕ ТРАДИЦИИ И «СКАЗОЧНЫЙ» СИНТАКСИС РАССКАЗА С.А. ЕСЕНИНА «БОБЫЛЬ И ДРУЖОК»	26
<i>Рацибурская Л.В., Замальдинов В.Е.</i> ОСОБЕННОСТИ НОВООБРАЗОВАНИЙ С ЭКСПРЕССИВНО-ОЦЕНОЧНОЙ СЕМАНТИКОЙ В РЕГИОНАЛЬНОЙ НИЖЕГОРОДСКОЙ ПРЕССЕ	34
<i>Шикина Д.С.</i> СПОСОБЫ ВЫРАЖЕНИЯ СУБЪЕКТИВНОЙ МОДАЛЬНОСТИ В РЕКЛАМНОМ ТЕКСТЕ ГЛЯНЦЕВЫХ ИЗДАНИЙ	42
<i>Шкварцова Т.В.</i> ВЕРБАЛИЗАЦИЯ ПОЛОЖИТЕЛЬНЫХ ЭМОЦИЙ В СОВРЕМЕННОМ ПУБЛИЦИСТИЧЕСКОМ ТЕКСТЕ	50
<i>Юй Исин.</i> НАПРАВЛЕНИЕ РАЗВИТИЯ СОВРЕМЕННОГО РУССКОГО ОБРАЩЕНИЯ	58

РАЗДЕЛ II. ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

<i>Архангельская А.В.</i> ЖЕНСКОЕ ЛИЦО НОВГОРОДСКОЙ ПОЛИТИКИ XV ВЕКА В ЛИТЕРАТУРНОМ И ИСТОРИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ Н.М. КАРАМЗИНА И Б. АКУНИНА	68
<i>Егорова Е. Г.</i> ОТ МАРКСИЗМА К ЭКЗИСТЕНЦИАЛИЗМУ: ТВОРЧЕСТВО РИЧАРДА РАЙТА 1940-1950-Х ГГ. В КОНТЕКСТЕ ВЛИЯНИЯ САРТРА И КАМЮ	76
<i>Иваницкий А.И.</i> «МЕЧТА» И «СУЕТА» В ПОЭЗИИ РУССКОГО СЕНТИМЕНТАЛИЗМА: ЛОГИКА СХОЖДЕНИЙ И РАСХОЖДЕНИЙ	87
<i>Кротова Д.В.</i> МОДЕЛИ ИНТЕРПРЕТАЦИИ ПРОБЛЕМЫ ВРЕМЕНИ В СОВРЕМЕННОМ РОМАНЕ: «ЛАВР» Е. ВОДОЛАЗКИНА, «МИУССКАЯ ПЛОЩАДЬ» М. ГОЛУБКОВА	96
<i>Сапченко Л.А.</i> ЛИТЕРАТУРНО-КРИТИЧЕСКАЯ ПОЗИЦИЯ Н.М. КАРАМЗИНА ПЕРИОДА «ВЕСТНИКА ЕВРОПЫ» (1802-1803)	106
<i>Степченкова В.Н.</i> ОСМЫСЛЕНИЕ ТЕМЫ ОТЦОВСТВА В РОМАНЕ Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО «БРАТЯЯ КАРАМАЗОВЫ»	116

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Хамшовски С.А., Волкова Е.П. XXII МЕЖДУНАРОДНАЯ
НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ
«СОВРЕМЕННЫЙ РУССКИЙ ЯЗЫК: ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ
И ПРОБЛЕМЫ ПРЕПОДАВАНИЯ»125

РЕЦЕНЗИИ

Доронина П.Д. РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ:
СЛОВАРЬ ЯЗЫКА ИНТЕРНЕТА.RU / ПОД РЕДАКЦИЕЙ
М.А. КРОНГАУЗА. М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2016. 288 С.....128

CONTENTS

SECTION I. LINGUISTICS

O. Kotlyarova. COMMUNICATIVE COMPETENCE OF MODERN CIVIL SERVANT (BASED ON ANALYSIS OF OFFICIAL BUSINESS CORRESPONDENCE BETWEEN REPRESENTATIVES OF THE ADMINISTRATION OF VLADIMIR REGION).....	8
P. Lekant. IMPERSONAL INFINITIVE SENTENCES IN MODERN RUSSIAN LANGUAGE	18
E. Logacheva. FOLKLORE TRADITIONS AND THE “FAIRY” SYNTAX OF THE STORY “BOBYL AND DRUZHOK” BY S. YESENIN	26
L. Ratsiburskaya, V. Zamaldinov. FEATURES OF NEW FORMATIONS WITH EXPRESSIVE-EVALUATIVE SEMANTICS IN NIZHNY NOVGOROD REGIONAL PRESS	34
D. Shikina. THE WAYS OF EXPRESSING SUBJECTIVE MODALITY IN ADVERTISING TEXTS OF GLOSSY MAGAZINES	42
T. Shkvartsova. VERBALIZATION OF POSITIVE EMOTIONS IN THE MODERN JOURNALISTIC TEXT	50
Yu Yixing. THE DIRECTION OF DEVELOPMENT OF THE MODERN RUSSIAN SALUTATION.....	58

SECTION II. LITERARY STUDIES

A. Arkhangelskaya. THE WOMAN OF NOVGOROD POLITICS OF THE 15th CENTURY IN LITERARY AND HISTORICAL DISCOURSE OF N. KARAMZIN AND B. AKUNIN	68
E. Egorova. FROM MARXISM TO EXISTENTIALISM: THE CREATIVITY OF RICHARD WRIGHT IN 1940-50s, IN THE CONTEXT OF INFLUENCE OF JEAN-PAUL SARTRE AND ALBERT CAMUS.....	76
A. Ivanitskiy “DREAM” AND “VANITY” IN THE RUSSIAN SENTIMENTAL POETRY: LOGIC OF THE CONVERGENCE AND DIVERGENCE.....	87
D. Krotova. THE MODELS OF INTERPRETATION OF TIME PROBLEM IN CONTEMPORARY NOVEL: “LAURUS” BY E. VODOLAZKIN, “MIUSSKAYA SQUARE” BY M. GOLUBKOV	96
L. Sapchenko. LITERARY-CRITICAL POSITION OF N. KARAMZIN IN THE PERIOD OF THE “HERALD OF EUROPE” (1802–1803).....	106
V. Stepchenkova. COMPREHENSION OF PATERNITY IN THE DOSTOEVSKY’S NOVEL «THE BROTHERS KARAMAZOV»	116

SCIENTIFIC LIFE

S. Hamsovszki, E. Volkova. XXII INTERNATIONAL SCIENTIFIC PRACTICAL CONFERENCE «MODERN RUSSIAN LANGUAGE. FUNCTIONING AND PROBLEMS OF TEACHING» 125

REVIEW

P. Doronina. Review of the book: Dictionary of internet.ru language / ed. by M. Krongauz's. M.: AST-PRESS BOOK, 2016. 288 p. 128

РАЗДЕЛ I. ЯЗЫКОЗНАНИЕ

УДК 81.244

DOI: 10.18384/2310-7278-2017-4-8-17

КОММУНИКАТИВНАЯ КОМПЕТЕНТНОСТЬ СОВРЕМЕННОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО СЛУЖАЩЕГО

Котлярова О.В.

*Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации (филиал в г. Владимир)
600017, Владимир, ул. Горького, д. 59А, Российская Федерация*

Аннотация. В представленной статье автор делает предположение, что язык государственной службы отражает уровень речевой культуры современного общества, в связи с чем появляется необходимость изучения коммуникативной компетентности госслужащих. На материале официально-деловой переписки представителей Администрации Владимирской области были выявлены, классифицированы и проанализированы наиболее часто допускаемые ошибки, а также затронут вопрос об этико-коммуникативной компетентности госслужащих. В качестве предложений по улучшению этико-коммуникативной ситуации в системе государственного управления предлагается активно внедрять дополнительные профессиональные программы повышения квалификации и профессиональной переподготовки, направленные на изучение норм современного русского литературного языка, грамотное использование языковых средств, изучение этики общения и официально-делового протокола.

Ключевые слова: коммуникативная компетентность, этическая компетентность, показатели коммуникативной безграмотности.

COMMUNICATIVE COMPETENCE OF MODERN CIVIL SERVANT (BASED ON ANALYSIS OF OFFICIAL BUSINESS CORRESPONDENCE BETWEEN REPRESENTATIVES OF THE ADMINISTRATION OF VLADIMIR REGION)

O. Kotlyarova

*The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration
59A, Gorkogo str., Vladimir, 600017, Russian Federation (Branch in Vladimir)*

© Котлярова О.В., 2017.

Abstract. In the article, the author makes the assumption that the language of the public service reflects the level of speech culture of modern society, and in this connection appears the necessity of studying communicative competence of civil servants. On the material of the official correspondence of the representatives of the administration of the Vladimir region, the most frequent mistakes have been identified, classified and analyzed. Also, the issue of the ethical-communicative competence of civil servants was raised. As proposals for improvement of the ethical-communicative situation in the public administration, the author suggests to actively implement additional professional qualification programs and professional training aimed at the study of the norms of the modern Russian literary language, competent use of language means, studying communication ethics and formal business protocol.

Key words: communicative competence, ethical competence, communicative indicators of illiteracy.

*Но какая гадость чиновничий язык!
Исходя из того положения... с одной стороны... с другой же стороны — и всё
это без всякой надобности.
«Тем не менее» и «по мере того» чиновники сочинили.
Я читаю и отплёвываюсь.
А.П. Чехов*

Основополагающим моментом в решении написания представленной статьи является предположение, что язык государственной службы отражает уровень речевой культуры современного общества, в связи с чем появляется необходимость изучения коммуникативной компетентности госслужащих.

Теоретической платформой изучения данного вопроса стали труды И.А. Стернина, Л.Ф. Быстрых, М.Н. Пановой, Т.С. Медведской, Н.В. Юдиной [1–5].

По мнению большинства исследователей, коммуникативная некомпетентность современного госслужащего заключается в неграмотном изъяснении и составлении документов; чрезмерном усложнении и тяжеловесности делового языка; непонимании простого языка при взаимодействии с гражданами; недостаточно внятная, вежливая и

тактичная коммуникация; отсутствие этических норм по отношению к коллегам, обществу и государству; слабое владение иностранными языками, используемыми в процессе работы с документами на международном уровне.

Для выяснения причин возникновения языковых трудностей мы прибегли к методу форсайт-анализа. На протяжении 2015–2017 гг. при взаимодействии с Администрацией Владимирской области реализовывались форсайт-сессии, включающие классификацию и анализ ошибок, сделанных государственными служащими при осуществлении официально-деловой переписки, и анализ тестирований в рамках дополнительных профессиональных программ повышения квалификации, проведённых Владимирским филиалом РАНХиГС.

Основными задачами проведённого исследования, представленного в

статье, являются определение основных проблем представителей государственного управления в этико-коммуникативной сфере, классификация и анализ ошибок в речевом поведении госслужащего (прежде всего в официально-деловом письменном общении), внесение предложений по улучшению коммуникативной компетентности современных госслужащих.

На наш взгляд, анализируя коммуникативную систему государственного управления, необходимо сказать о двух противоположных языковых тенденциях.

С одной стороны, отметим закрытость системы, некий замкнутый, ограниченный, абстрагированный от других носителей языка коммуникативный вакуум, который сформирован на государственной службе и, попадая в который, любой отдельно взятый индивидуум начинает испытывать «давление системы». Результатом такого давления становится языковая профессиональная деформация. Речь идёт о строго иерархичном общении, о выстраивании коммуникации с помощью определённых строго ограниченных

речевых средств, о клишированности фраз и выражений, свойственных представителям власти, о подражании речи руководителей и мн. др.

С другой стороны, система государственного управления сформирована для взаимодействия представителей власти российского общества с народом. Поэтому языковая система государственного управления, имея специфические профессиональные особенности, однозначно должна обеспечивать корректный и качественный контакт между всеми участниками коммуникации.

Во время проводимого анализа на предмет выявления часто допускаемых ошибок было проанализировано 1238 официально-деловых писем разной содержательной направленности.

В проведённом исследовании основным показателем коммуникативной некомпетентности представителей государственной службы является *незнание*, а соответственно, и *несоблюдение норм современного русского литературного языка*. На рисунке 1 в процентном соотношении представлены наиболее распространённые ошибки.

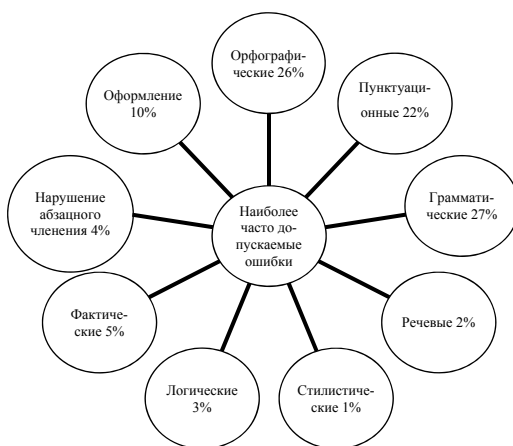

Рис. 1. Наиболее распространённые виды ошибок

Орфографические ошибки составляют 26 % от общего количества допущенных ошибок. Логично предположить, что проверку слова служащие

могут выполнить при помощи программы word или интернет-ресурсов, а наибольшие сложности возникают, когда орфограмма является вариативной.

Рис. 2. Орфографические ошибки

Использования прописных букв.

Примеры часто допускаемых ошибок (здесь и далее в примерах ошибочное написание выделяется полужирным шрифтом, правильный вариант указывается в скобках): *Первому заместителю **Министра** финансов Российской Федерации (министра); Государственный **совет** (Совет); Государственная Дума Федерального **собрания** Российской Федерации (Собрания).*

Правописание НЕ с существительными и прилагательными: *Работы не были завершены в установленный срок по причине **не включения** объекта в Федеральную целевую программу «Развитие физической культуры и спорта в Российской Федерации на 2005–2015 годы» (невключения).*

Правописание сложных существительных и прилагательных: ***духовно нравственные** ценности (духовно-нравственные); компенсационные выплаты лицам, прибывшим на работу в **фельдшерско акушерские***

*пункты (фельдшерско-акушерские); информация размещается в **информационно телекоммуникационной** сети «Интернет» (информационно-телекоммуникационной).*

Правописание производных предлогов: *Рассмотрев проект федерального закона № 110676-7 «О внесении изменений в статью 13 Закона Российской Федерации «О социальной защите граждан Российской Федерации, подвергшихся радиации **вследствии** катастрофы на Чернобыльской АЭС» (вследствие).*

Слитное и раздельное написание ТОЖЕ, ТАКЖЕ: *Так же информирую, что... (также); Были установлены кондиционеры в зале проведения заседаний, **а так же** в серверных помещениях, где их наличие обязательно (также).*

Грамматические ошибки составляют 27%. Особые трудности возникают при склонении составных слов, заимствований, фамилий и географических наименований.

Рис. 3. Грамматические ошибки

Склонение составных существительных: Не было *счёт-фактуры* (счёт-фактуры).

Согласование приложений, выраженных географическими названиями: Будет выполнен ремонт дороги в г. Владимир по ул. Восточная... (в г. Владимире по ул. Восточной).

Беспредложное и предложное управление: Более 50 % земель данной категории имеют некорректные сведения в части местоположении границ и площади земельных участков... (в части *чего?*) местоположения границ). В марте 2015 года *семье заявительнице* предоставлено жилое помещение для регистрации и проживания... (семье *кого?*) заявительницы).

Нарушение связи между подлежащим и сказуемым: *Администрация*

Владимирской области, рассмотрев проект федерального закона № 22222-б, считаем указанный проект нецелесообразным (считает). Представители организации принимают участие в заседаниях комиссии по отбору подрядчиков на проведение работ по капитальному ремонту многоквартирных домов, выезжает на приёмку домов, строящихся по программе переселения из аварийного фонда, участвует в работе комиссий по приёмке работ после капитального ремонта (выезжают и участвуют).

При анализе **пунктуационных ошибок** было выявлено, что большинство из них связаны с обособлением вводных слов, причастий, деепричастий, оборотов с производными предлогами.

Рис. 4. Пунктуационные ошибки

Обособление вводных слов: В частности молодому специалисту однократно выплачивается единовременная денежная выплата» (в частности, ...). По мнению администрации области недостаточная регламентация требований по обеспечению безопасных условий труда снижает эффективность работы (по мнению администрации области, ...).

Обособление оборотов с производными предлогами: В соответствии со статьёй 49 Жилищного кодекса Российской Федерации, жилые помещения муниципального жилищного фонда по договорам социального найма предоставляются... (обособление ошибочное). В связи с обращениями граждан, о восстановлении парковой зоны отдыха уполномоченный орган взял под контроль меры

по удовлетворению горожан (обособление ошибочное).

Обособление причастий, деепричастий, причастных и деепричастных оборотов: Положение статьи 135.1, предлагаемого авторами законопроекта, противоречит статьям 137–138 Трудового кодекса РФ. В предлагаемом законопроекте, авторами вводятся некоторые понятия, не установленные Трудовым кодексом РФ (в представленных выше примерах обособление не требуется).

Интересно отметить, что логические ошибки наиболее свойственны официально-деловой документации, составленной госслужащими в возрасте 20–40 лет. Представители старшего поколения стараются писать более короткими предложениями.

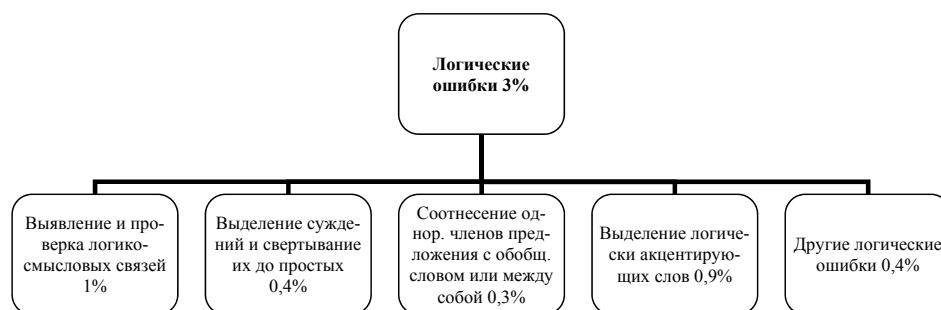

Рис. 5. Логические ошибки

Выявление и проверка логико-смысловых связей: В связи с тем, что заявительница является матерью двух несовершеннолетних детей, оказавшаяся в трудной жизненной ситуации, администрацией Владимирской области было принято решение об оказании ей помощи в рамках действующего законодательства (нарушена логика высказывания, не понятно, в

связи с чем было принято решение об оказании помощи: по причине того, что заявительница оказалась в трудной жизненной ситуации или потому, что она имеет двух несовершеннолетних детей). Правильный вариант: В связи с тем, что заявительница, мать двух несовершеннолетних детей, оказалась в трудной жизненной ситуации, администрацией Владимирской обла-

сти было принято решение об оказании ей помощи в рамках действующего законодательства.

Выделение логически акцентирующих слов: «В сентябре текущего года проведена рабочая встреча Межведомственной комиссии **по вопросу обмена опытом и о возможном включении НКО в Реестр Владимирской области**» (по вопросу обмена опытом и возможного включения). «В декабре 2016 года запланирован выезд **для обмена опыта...**» (выезд для обмена опытом). «В настоящее время проводится работа с **НКО, включённых в Реестр поставщиков социальных услуг...**» (отсутствие согласования между главным словом и причастным оборотом: ... проводится работа с НКО, то есть некоммерческими организациями, включёнными в Реестр...). «**Приглашение во Владимирскую область Российская Федерация**» (Владимирскую область

Российской Федерации). «**По вопросу обеспечения безопасности дорожного движения и обустройству надземного пешеходного перехода на пересечении улиц Дружбы и Лакина города Владимира сообщая следующее**» (по вопросу обеспечения и обустройства...).

Речевые ошибки составляют 2 % от общего количества и в основном связаны с речевой избыточностью: **Исходя из вышеизложенного** следует, что данный вопрос находится в компетенции администрации района... (Из вышеизложенного следует, что).

Существует ряд ошибок, неточностей, которые можно отнести к недочётам **оформления** деловой документации. Такие ошибки устраняются посредством дополнительной проверки документов, «вычиткой». Они составляют 10 % от общего количества допускаемых ошибок.

Рис. 6. Ошибки в оформлении документов

Опечатки, примеры: «Осуществляется социальное сопровождение лиц, являющихся **получателям** социальных услуг...» (лиц, являющихся получателями). «Мы надеемся, что в **рамках** существующего Соглашения...» (в рамках).

Пропуск слов, примеры: *Предусмотреть в рамках дополнительного профессионального образования обучение педагогических работников*

методам воспитания и социализации учащихся, в том учащихся с ограниченными возможностями здоровья (... социализации учащихся, в том числе учащихся с ограниченными возможностями здоровья).

Другим показателем коммуникативной некомпетентности современных государственных служащих является **этическая безграмотность**. Госслужащие не владеют профессио-

нальными коммуникативными навыками выстраивания иерархического общения (с непосредственным руководителем, руководителем высшего звена, подчинёнными, обслуживающим персоналом), параллельного общения (выстраивание грамотного взаимодействия с коллегами, умение выстраивать командную, коллективную коммуникацию), а также определённо существует языковой барьер между властью и народом.

Советский период развития общества вместе с социалистической реконструкцией государства и созданием единой советской культуры задал определённый стандарт бюрократических отношений, повлиявший и на этико-коммуникативную сторону государственного управления. Последующий переходный период с лексическим «потопом» заимствованных слов, внедрением пейоративно окрашенной криминальной лексики, появлением большого количества неологизмов не принёс стабильности в коммуникативном плане.

Понятие этики госслужащего в современной России только начинает формироваться. Среди многофакторности причин появления и роста этической некомпетентности госслужащих можно выделить влияние самой системы государственного управления. По данным проведённого нами исследования представители государственного управления сами поднимают вопрос о *последствиях профессиональной деформации*. С одной стороны, сотрудник, поступивший на государственную службу, прошедший вступительные испытания, имеет индивидуальный уровень подготовки, основанный на личном опыте. С дру-

гой стороны, в течение нескольких лет в условиях жёсткой иерархичности профессиональной деятельности, в связи с необходимостью решения относительно типовых задач, подражая речи руководителей (и политических лидеров), поддаваясь влиянию системы, госслужащий формирует определённый стиль общения, который отражает все влияющие на него факторы (языковые и внеязыковые).

И всё же главным показателем низкой этической компетентности представителей власти является мониторинг общественного мнения.

Госслужащий должен уметь взаимодействовать с собеседником грамотно и корректно. Корректность как критерий этики заключается не только в употреблении вежливых языковых формул. Одним из важнейших этических аспектов является *коммуникативная доступность*. Ответ, полученный от представителей государственных структур, должен быть простым и понятным.

В результате проделанной работы логично будет сделать вывод, что коммуникативная компетентность современного госслужащего, как системное понятие, заслуживает дополнительного изучения.

В качестве оптимальных и реально реализуемых мер по улучшению коммуникативной компетентности государственных служащих мы предлагаем дополнительные профессиональные программы повышения квалификации, направленные на изучение норм современного русского литературного языка, на грамотное использование языковых средств, на изучение этики общения, официально-делового протокола, полуофициального протокола;

участие представителей государственного управления в Тотальном диктанте, Дне грамотности и других мероприятиях, привлекающих интерес к развитию русского языка и русской культуры; мониторинг общественного мнения (особенно важен этот показатель для публичных государственных служащих и служащих, работающих с приёмом граждан и обращениями граждан); предоставление учебно-методической и справочной литературы, позволяющей быстро справляться с возникающими трудностями; введение в штат должности корректора.

Российское общество стремится

быть ценностно-ориентированным. Государственная политика России направлена на возрождение и усиление культурных позиций, в том числе и позиций русского языка. Развитие речевой культуры не может быть профанацией или формальностью. В связи с этим представители государственной службы должны иметь высокую личную заинтересованность в развитии собственного культурного потенциала. Перспективой дальнейшего исследования станет междисциплинарный вопрос мотивации для коммуникативного развития современных государственных служащих.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Быстрых Л.Ф. Развитие речевой культуры государственных служащих в процессе профессионального самосовершенствования: дис. ... канд. псих. наук: М., 2003. 173 с.
2. Медведская Т.С. Психологические детерминанты стратегии разрешения проблемы как составляющей оценочно-поведенческого компонента активности личности // Вестник Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова. 2011. № 2 (17). С. 225–228.
3. Панова М.Н. Языковая личность государственного служащего: дискурсивная практика, технология, механизмы формирования: автореф. дис. ... д-ра филол. наук: М., 2005. С. 3.
4. Стернин И.А. и др. Языковое сознание жителей Воронежа. Монография. Воронеж, 2010. 250 с.
5. Юдина Н.В. Русский язык в XXI веке: кризис? эволюция? прогресс? Монография. М.: Гнозис, 2010. 296 с.

REFERENCES:

1. Bystrykh L.F. *Razvitie rechevoi kul'tury gosudarstvennykh sluzhashchikh v protsesse professional'nogo samosovershenstvovaniya: dis. ... kand. psikh. nauk* [The development of speech culture of public servants in the process of professional improvement: PhD thesis in Psychological sciences]. Moscow, 2003. 173 p.
2. Medvedskaya T.S. Psychological determinants of the strategy of solving the problem as a component of assessing the behavioural component of an individual. In: *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta im. N.A. Nekrasova* [Bulletin of Nekrasov Kostroma State University]. 2011, no. 2 (17), pp. 225–228.
3. Panova M.N. *Yazykovaya lichnost' gosudarstvennogo sluzhashchego: diskursivnaya praktika, tekhnologiya, mekhanizmy formirovaniya: avtoref. dis. ... d-ra filol. nauk* [Linguistic personality of a public servant: discursive practice, technology, mechanisms of formation: abstract of D. thesis in Philological sciences]. Moscow, 2005. 3 p.
4. Sternin I.A. and others. *Yazykovoe soznanie zhitelei Voronezha, monografiya* [Linguistic consciousness of the inhabitants of Voronezh, monograph]. Voronezh, 2010. 250 p.

5. Yudina N.V. *Russkii yazyk v XXI veke: krizis? evolyutsiya? progress? Monografiya* [The Russian language in the 21st century: crisis? evolution? progress? Monograph]. Moscow, Gnozis Publ., 2010. 296 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Котлярова Ольга Владимировна – кандидат филологических наук, доцент кафедры социально-гуманитарных дисциплин Владимирского филиала «Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации»;

e-mail: olya-appriori@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Olga V. Kotlyarova – PhD in Philological sciences, associate professor at the Department of Society and Humanities, the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Vladimir branch;

e-mail: olya-appriori@yandex.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Котлярова О.В. Коммуникативная компетентность современного государственного служащего // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2017. № 4. С. 8-17.

DOI: 10.18384/2310-7278-2017-4-8-17

CORRECT REFERENCE TO THE ARTICLE

O. Kotlyarova. Communicative competence of modern civil servant (based on analysis of official business correspondence between representatives of the administration of Vladimir region). In: Bulletin of Moscow Region State University. Series: Russian philology. 2017, no. 4, pp. 8-17.

DOI: 10.18384/2310-7278-2017-4-8-17

УДК 81r367. 322

DOI: 10.18384/2310-7278-2017-4-18-25

БЕЗЛИЧНО-ИНФИНИТИВНЫЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Лекант П.А.

Московский государственный областной университет
105005, г. Москва, ул. Радио, д. 10А, Российская Федерация

Аннотация. В статье обобщаются основные направления учения об односоставных предложениях. Наиболее сложная формальная и категориальная организация характерна для глагольных односоставных предложений, а в их числе особое положение занимают инфинитивные. Независимый инфинитив содержит потенциальное отношение к лицу, которое может быть реализовано дативом. Особое положение занимает инфинитив в безлично-инфинитивных предложениях; они имеют парадигму форм времени благодаря связке, модальное значение невозможности действия в формах отрицательных местоимений и отрицательных наречий: *не с кем, некому, не у кого; негде, некуда, некогда*.

Ключевые слова: парадигма времени, отрицание, модальность, датив, негатив.

IMPERSONAL INFINITIVE SENTENCES IN MODERN RUSSIAN LANGUAGE

P. Lekant

Moscow Region State University
10a, Radio st., Moscow, 105005, Russian Federation

Abstract. The article summarizes the main directions of the doctrine of one-part sentences. The most complex formal and categorical organization is characteristic of the verbal single-composite sentences, and among them, the special position is occupied by infinitive ones. An independent infinitive contains a potential relation towards a person that can be realized by a dative. The infinitive occupies a special position in impersonal infinitive sentences; they have a paradigm of forms of time due to link verb, and the modal meaning of the impossibility of action in the forms of negative pronouns and negative adverbs: *не с кем, некому, не у кого; негде, некуда, некогда*.

Key words: paradigm of time, negation, modality, dative, negative.

Учение об односоставных предложениях, обоснованное и развёрнутое А.А. Шахматовым в начале XX века, развивалось, уточнялось, пересматривалось в течение целого века: условно можно говорить о вековом юбилее.

Что касается глагольных односоставных предложений, то в изучении и описании их типов после Шахматова исследователи так или иначе касались «бесподлежащности», отмеченной им. В частности, внимание грамматистов привлекает *датив* – компонент, который обозначает «косвенно» (т. е. «неподлежащно») семан-

тический субъект действия или состояния; напр.: *Саше не спится, но весело ей* (Н. Некрасов); *Старушке* зевнулось (Ф. Тютчев); *Вам не видать таких сражений* (М. Лермонтов); *Я отлично знал, что Маше уже незачем возвращаться в наш город* (А. Чехов); *Кипренскому* было некого рисовать (К. Паустовский); *А жизнь кипит, / Вокруг меня снуют / И старые и молодые лица. Но некому мне* иляпой поклониться, / *Ни в чьих глазах не нахожу приют* (С. Есенин). По мнению Виноградова, «инфинитив потенциально содержит в себе отношение к лицу» [2, с. 604]. При независимом инфинитиве потенциальность реализуется дативом, напр.: – *Нет, хлопче, не услышать уже вам* настоящую игру (В. Короленко); *Затем он стал ходить к Белавиным как жених, раза по три, по четыре в день, и уже некогда ему* было сменять Сашу и читать исторический роман (А. Чехов).

К.А. Тимофеев, представитель виноградовской грамматической школы, одним из первых исследовавший инфинитивные предложения, обратил внимание на статус датива в данном типе односоставных предложений: «Чем же является дательный субъекта в инфинитивном предложении? Это особая грамматическая формы выражения субъекта действия, в условиях номинативного строя русского предложения не получившая признаков подлежащего» [10, с. 264]; «Дательный субъекта является самым продуктивным способом представления субъектного значения в безлично-модальных конструкциях», – отмечает А.В. Петров [8, с. 420].

Датив как особый формально-семантический компонент представлен и в том виде глагольных предложений,

которому посвящён наш грамматический очерк; напр.: *Анна не знала никого решительно в целом околоте, и посоветоваться ей* было не с кем (И. Тургенев); *Заключения сделаны, мнения определены: наблюдателю* негде разгуляться (В. Соллогуб); [Лидия] *Мне* не в чем выехать, я езжу в извозничьей коляске на клячах (А. Островский); *Николке и Алексею* не о чем было говорить с Тальбергом (М. Булгаков) – датив здесь обозначает не только субъект действия, но и является «персональным», т. е. называет человека или указывает на человека.

Безлично-инфинитивные предложения имеют особую структуру и своеобразное грамматическое значение, т. е. являются гибридным (по выражению В.В. Виноградова) типом односоставного глагольного предложения. Они совмещают грамматические качества безличных и инфинитивных предложений.

Безлично-инфинитивные предложения имеют формы времени (как и все собственно безличные), выражаемые связкой *быть*; напр.: *Человек он [Поликей] был* молодой, слабый, отца, матери не было, и *учить* некому **было** (Л. Толстой); *Всё реже бегала Агафья на ночёвку в Криволицкую, дотягивая до последней минуты, когда уже и бежать было не за чем (В. Распутин); *В театр ходить было* не на что (В. Гиляровский); сравни: *Всё то мрачное и тяжкое, что висело тучами над страной в течение долгих лет, ещё более сгустилось и придавило жизнь; дышать стало* нечем (Н. Телешов).*

«Связка *быть*, – подчёркивает Л.В. Попова, – характеризуется наиболее высокой степенью регулярности функционирования» [9, с. 68].

В скупых замечаниях о выражении категории времени в данном типе предложений наши известные грамматисты умалчивают о *настоящем* времени, не отмечают в парадигме *нулевой формы связки быть*. В.В. Бабайцева отмечает только *было, будет* [1, с. 303].

Напротив, Н.Ю. Шведова выделила среди односоставных предложений: «Главный член – инфинитив в обязательном сочетании с отрицательным местоимением или наречием: *Пойти некуда; Ждать незачем; Разговаривать не о чем; Объясняться не для чего* – только настоящее время» [11, с. 72]. Н.Ю. Шведова вовсе не говорит о парадигме и никак не именует отмеченные предложения.

Между тем настоящее время в текстах отмечается значительно шире и разнообразнее – с оттенками обобщённости, постоянства, с усилением категоричности модального значения; напр.: *На репетициях **бывают** ему **некогда*** (В. Гиляровский); *Полночь **бьёт**. Один я в целом мире. **Некому** тоску мою **жалеть*** (К. Бальмонт); *Посмотришь – как будто орфография всем приносит только неприятности, и **благодарить** её **не за что!*** (М.В. Панов); *Природа – тот же Рим, и, кажется, опять / Нам **незачем** богов напрасно **беспокоить*** (О. Мандельштам); *– Худо ноги стали ходить, да и **рвать** их **не из-за чего*** (Ф. Абрамов); *– Вот что, дьячок, – сказал он решительно. – Вижу, **переговорить** тебя нет никакой возможности, да и **разговаривать** с тобой долго мне **некогда*** (Н. Телешов); *О, я знаю: его **отрада** – напряжённо и страстно **знать**, / Что ему ничего не надо, / Что мне **не в чем** ему **отказать*** (А. Ахматова).

Указанные оттенки находят выражение как в составе безлично-ин-

финитивных предложений, так и в контексте благодаря отрицательным местоимённым наречиям, повторам, восклицаниям, междометиям и даже указанию на «тон»; напр.: [Пепел] *Красивая ты, Васка... А **никогда** не лежало у меня сердце к тебе... <...> Ну, **не о чем нам говорить!** **Не о чем...*** (М. Горький); *– **Незачем** вам здесь **жить**, – **тоном** врача, не привыкшего к возражениям, сказала мне Мария Дмитриевна* (К. Паустовский); *А по моему мнению, вы, господа почтенные, любите газеты оттого, что **вам выпить не на что**. Так ли я говорю?* (А. Чехов); *Здесь в городе вас **не понимают**, да и **некому** **понимать*** (А. Чехов); *Номер **есть**, а **звонить** – **некуда*** (Р. Рождественский); *А **воды вокруг! Столько воды, просто некуда разливать*** (Р. Рождественский).

Итак, синтаксическая категория времени и парадигма форм времени в безлично-инфинитивных предложениях *аналогична* собственно безличным, выражается связкой. С другой стороны, наличие форм времени *противопоставляет* безлично-инфинитивные предложения инфинитивным – «типичным инфинитивным» [1, с. 304], которые характеризуются грамматическим значением вневременности, а это значение соответствует категориальному статусу инфинитива.

По определению Виноградова, «... инфинитив в современном русском языке – это «глагольный номинатив», т. е. основная, исходная форма глагола» [2, с. 429-430]. *Общее категориальное значение действия потенциально содержит отношение, с одной стороны, к лицу (т. е. к деятелю), а с другой – к пространству, ко времени,*

а также к целенаправленности, к обусловленности и пр.

Все эти отношения, начиная с модальности (а это обязательная категория предложения), в рассматриваемом типе предложения реализуются независимым инфинитивом и его «соучастниками» – отрицательными местоимениями и отрицательными местоимёнными наречиями.

Опорой и формальным средством модальности безлично-инфинитивных предложений является независимый инфинитив в сочетании с негативом, общее содержание модальности – это значение невозможности действия; напр.: *Мне не хотелось домой, да и незачем было идти туда* (А. Чехов); [Барон] *Мне некогда убираться...* я на базар иду с Квашиной (М. Горький); *Спит Москва, как деревянный ларь, И некуда бежать от века-властелина...* (О. Мандельштам); *Всё то же пекло, всё тот же зной. А бог, поди, с Петрова дня гуляет – некогда краны небесные открыть* (Ф. Абрамов); *Теперь в окна было видно серое небо и деревья, мокрые от дождя, в такую погоду некуда было деваться* и ничего больше не оставалось, как только рассказывать и слушать (А. Чехов); *Спрятаться от дождя было негде* (К. Паустовский); *Странное чувство мелькнуло у Елены, но предаваться размышлению было некогда* (М. Булгаков); *Чёрная юбка и крепдешиновая кофточка лежали в комоде, и Люба часто без нужды вынимала и гладила их. Ходить в них было некуда* (В. Белов).

В приведённых текстах следует отметить общий модальный смысл невозможности, который как бы дробится мотивированностью: *из-за чего?* Такова природа формы не-

гатива – сплав общего и отдельного, «конкретной референции» [7, с. 10]. Если отрицательные наречия немногочисленны, то отрицательные местоимения значительно «тиражируются» за счёт предложно-падежных форм – аналитических форм местоимений-существительных [6, с. 4]. См., напр.: *Воспоминаний много, а вспомнить нечего* (И. Тургенев); *Защиты не у кого было искать* (Н. Лесков); *Говорить было совсем не о чем* (А. Куприн); ... *Садовник Иван Карлыч уехал в город и положиться было не на кого* (А. Чехов); *Не на что было десяток папирос купить* (А. Куприн); *Решение было всем оставаться ночевать. Во-первых, ночью, даже с хорошими документами, ходить не к чему* (М. Булгаков); *Икон не было ни в углу, ни на стенах, ни в сундуках, ни в подполье. Не было икон, и не перед чем было молиться* (Б. Васильев); *Седьмые сутки дождь не умолкает. И некому его остановить* (Н. Рубцов). Выбор предложно-падежной формы местоимения предопределяется управлением глагола. В составе предложения могут быть употреблены две разные формы негатива; напр.: *Напрасно она тратила время на модную причёску, так как нравиться тут некому и не для чего* (А. Чехов); *Жалко скрипела лёгкая и щелястая дверь в сенцы, которую некому и не для чего было запирать* (В. Распутин); *Шла непрерывная толчея, некогда и негде было присесть* (В. Вересаев). Трудно согласиться с Е.М. Галкиной-Федорук, что рассматриваемые нами предложения (она называет их «инфинитивно-безличными отрицательными») «семантически не богаты» [3, с. 242]. Даже само разнообразие предложно-падежных форм местоимений говорит

о серьёзном, значительном запасе выразительности. Более того, текст предложения готов принять слова, которые усиливают модальное грамматически дифференцированное значение негатива; напр.: *А сердиться, по мнению Гусева, **положительно** не на что* (А. Чехов); *В небе ни облачка, а солнце палило так, что **буквально** нечем было дышать* (М. Шолохов).

Важно иметь в виду, что в конкретном высказывании грамматическое ядро безлично-инфинитивного предложения – инфинитив, связка, негатив, датив – может быть окружено семантически и стилистически различными компонентами. Это окружение создаёт субъективную и эмоциональную окраску высказывания, фрагмента текста – от иронии, насмешки до горького отчаяния; ср., напр.: [Иван] *Отчего это он молчит?* [Гаврило] «Молчит». Чудак ты... Как же ты хочешь, чтоб он разговаривал, коли у него миллионы! С кем ему разговаривать? Есть человека два-три в городе, с ними он разговаривает, а больше не с кем; ну он и молчит (А. Островский); [Лариса] *Да ведь и мне ничто не мило, и мне жить нельзя, и мне жить незачем!* <...> *Как хорошо умереть... пока ещё упрекнуть себя не в чем* (А. Островский); [Наташа] *Идти некуда. Я знаю... думала... Только вот... не верю я никому. А идти мне – некуда* (М. Горький); *О, если бы вы посмотрели на этих детей! Они голодные, потому что их некому кормить* (А. Чехов).

Стилистические различия внутри парадигмы определены формально. Так, безлично-инфинитивные предложения с нулевой формой связки *быть* и с значимым отсутствием датива имеют черты высокого стиля, даже

торжественности, патетики; напр.: *Не ухнет уже броневой, Не быть похоронной под дверь, И кажется – всё так спокойно, **Негде раскрыться теперь*** (В. Высоцкий); *Тихий топот копыт по застывшим холмам – Это **не с чем сравнить*** (И. Бродский); *В душе открылась течь. И **утешаться нечем*** (А. Вознесенский); *В небе висит, пропадает звезда – **Некуда падать*** (В. Высоцкий).

Даже обязательное ударение на *не* в составе негатива (отмечено Галкиной-Федорук [3, с. 240]) ритмически подчёркивает высокий стиль.

К.А. Тимофеев в подробном описании инфинитивных предложений значительно расширил их границы. В частности, он выделил «инфинитивные предложения с обратно-вопросительным значением: *Да кому же плакать-то о ней*, т. е. «некому о ней плакать» [10, с. 270]; модальное значение этого рода предложений он передаёт посредством трансформации: *зачем тебе ехать?* – «незачем тебе ехать»; *куда ж идти?* – «некуда идти» и под. [10, с. 273]. Самоё модель «незачем ехать», «некуда идти», т. е. безлично-инфинитивные предложения он не описывает.

Обратно-вопросительное значение не является *формальным*. Это отрицательное **риторическое** высказывание с *проминальным* компонентом, которое может содержать модальные значения невозможности, ненужности, нецелесообразности и пр. А.В. Канафьева отмечает эти риторические значения [4, с. 75-79] не только в инфинитивной форме *К чему это говорить?*, но и в других, различных: *Кому это нужно?*; *С кем это не случается?* и т. п. В одном контексте

могут быть употреблены и риторические формы, и безлично-инфинитивные; напр.: [Домна Пантелевна] *А отчего ж бы вам тосковать-то?* [Великатов] *Это точно, что не от чего. А тоскую* (А. Островский); [Наташа] *Так... Вот, думаю, завтра... придёт кто-то... кто-нибудь... особенный... Или – случится что-нибудь... тоже небывалое... <...> А так... на самом деле – чего можно ждать?* [Барон] *Нечего ждать...* (М. Горький); «*О чём же говорить? – подумала Надежда Фёдоровна. – Если нельзя рассказать всего, то и говорить незачем*» (А. Чехов).

Такая нестандартная синтаксическая синонимия показывает широкий образный потенциал безлично-инфинитивных предложений в поэтической и в прозаической художественной речи.

Необходимо отметить и особенности актуального членения безлично-инфинитивных предложений. В специальных исследованиях коммуникативного строения предложения отмечается дативная словоформа «как

самостоятельный компонент коммуникативно-синтаксического уровня» [5, с. 7].

В безлично-инфинитивных предложениях компонентами актуального членения являются словоформы грамматического ядра. Датив хорошо приспособлен для функции *темы*; см., напр.: *Не вновь, которым за двадцать, в грозе расти. Нам не с чего радоваться, но нечего грустить* (В. Маяковский); – тексты с дативом-темой в большом числе приведены ранее.

В функции *темы* может быть представлен инфинитив; напр.: *Что ж, браток, деваться мне было некуда* (М. Шолохов); *Екатерина Ивановна стала прощаться, и он – оставаться тут ему было уже незачем – поднялся, говоря, что ему пора домой* (А. Чехов).

За негативом определённо закреплена функция *ремы*.

Таким образом, особый статус безлично-инфинитивных предложений имеет полное многоаспектное представление.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Бабайцева В.В. Система односоставных предложений в современном русском языке. М.: Дрофа, 2004. 512 с.
2. Виноградов В.В. Русский язык (Грамматическое учение о слове). М.-Л.: Учпедгиз, 1947. 785 с.
3. Галкина-Федорук Е.М. Безличные предложения в современном русском языке. М., 1958. 332 с.
4. Канафьева А.В. Риторическое высказывание: формы, семантика, функции: монография. М.: ИИУ МГОУ, 2011. 200 с.
5. Крылова О.А. Коммуникативный синтаксис русского языка: монография. Изд. 2-е, испр. и доп. М.: Книжный дом «Либроком», 2009. 172 с.
6. Лекант П.А. Аналитические формы и аналитические конструкции в современном русском языке: монография. М.: ИИУ МГОУ, 2015. 86 с.
7. Падучева Е.В. Высказывание и его соотнесённость с действительностью (Референциальные аспекты семантики местоимений). 4-е изд., стереотип. М.: УРСС, 2004. 287 с.
8. Петров А.В. Субъект в безличном предложении // Рациональное и эмоциональное в русском языке: международный сборник научных трудов. М.: ИИУ МГОУ, 2012. С. 420-425.

9. Попова Л.В. Связка в грамматической системе русского языка. Архангельск: КИРА, 2012. 304 с.
10. Тимофеев К.А. Об основных типах инфинитивных предложений в современном русском литературном языке // Вопросы синтаксиса русского языка / под ред. В.В. Виноградова. М.: Учпедгиз, 1950. С. 257-302.
11. Шведова Н.Ю. Парадигматика простого предложения в современном русском языке // Русский язык. Избранные работы. М.: Языки славянской культуры, 2005. С. 55-115.

REFERENCES

1. Babaitseva V.V. *Sistema odnosostavnykh predlozhenii v sovremennom russkom yazyke* [System of one-part sentences in the modern Russian language]. Moscow, Drofa Publ., 2004. 512 p.
2. Vinogradov V.V. *Russkii yazyk (Grammaticheskoe uchenie o slove)* [Russian language (Grammatical teaching about the word)]. Moscow-Leningrad, Uchpedgiz Publ., 1947. 785 p.
3. Galkina-Fedoruk E.M. *Bezlichnye predlozheniya v sovremennom russkom yazyke* [Impersonal sentences in the modern Russian language]. Moscow, 1958. 332 p.
4. Kanaf'eva A.V. *Ritoricheskoe vyskazyvanie: formy, semantika, funktsii: monografiya* [Rhetorical statement: forms, semantics, functions: monograph]. Moscow, IIU MGOU Publ., 2011. 200 p.
5. Krylova O.A. *Kommunikativnyi sintaksis russkogo yazyka: monografiya* [Communicative syntax of the Russian language: monograph]. 2nd ed., rev. & enl. Moscow, Knizhnyi dom «Librokom» Publ., 2009. 172 p.
6. Lekant P.A. *Analiticheskie formy i analiticheskie konstruktсии v sovremennom russkom yazyke: monografiya* [The analytical form and the analytical constructions in the modern Russian language: monograph]. Moscow, IIU MGOU Publ., 2015. 86 p.
7. Paducheva E.V. *Vyskazyvanie i ego sootnesennost' s deistvitel'nost'yu (Referentsial'nye aspekty semantiki mestoimenii)* [The statement and its correlation with reality (Referential aspects of the semantics of pronouns)]. 4th ed., stereotype. Moscow, URSS Publ., 2004. 287 p.
8. Petrov A.V. The subject in an impersonal sentence. In: *Ratsional'noe i emotsional'noe v russkom yazyke: mezhdunarodnyi sbornik nauchnykh trudov* [Rational and emotional in the Russian language: international collection of scientific papers]. Moscow, IIU MGOU Publ., 2012, pp. 420-425.
9. Popova L.V. *Svyazka v grammaticheskoi sisteme russkogo yazyka* [Link verb in the grammatical system of the Russian language]. Arkhangelsk, KIRA Publ., 2012. 304 p.
10. Timofeev K.A. On the main types of infinitive sentences in the modern Russian literary language. In: *Voprosy sintaksisa russkogo yazyka* [Questions of syntax of the Russian language] / ed. by V.V. Vinogradov. Moscow, Uchpedgiz Publ., 1950, pp. 257-302.
11. Shvedova N.YU. Paradigmatics of simple sentences in the modern Russian language. In: *Russkii yazyk. Izbrannye raboty* [Russian language. Selected works]. Moscow, Yazyki slavyanskoi kul'tury Publ., 2005, pp. 55-115.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Лекант Павел Александрович – доктор филологических наук, профессор, Заслуженный деятель науки РФ, профессор кафедры современного русского языка Московского государственного областного университета;
e-mail: kafedralekant@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Pavel A. Lekant – Doctor in Philological sciences, professor, honored worker of science, at the department of Modern Russian, Moscow Region State University;
e-mail: kafedralekant@yandex.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Лекант П.А. Безлично-инфинитивные предложения в современном русском языке // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2017. № 4. С. 18-25.
DOI: 10.18384/2310-7278-2017-4-18-25

CORRECT REFERENCE TO THE ARTICLE

P. Lekant. Impersonal infinitive sentences in Modern Russian language. In: Bulletin of Moscow Region State University. Series: Russian philology. 2017, no. 4, pp. 18-25.
DOI: 10.18384/2310-7278-2017-4-18-25

УДК 81.367

DOI: 10.18384/2310-7278-2017-4-26-33

ФОЛЬКЛОРНЫЕ ТРАДИЦИИ И «СКАЗОЧНЫЙ» СИНТАКСИС РАССКАЗА С.А. ЕСЕНИНА «БОБЫЛЬ И ДРУЖОК»

Логачева Е.В.*Рязанский государственный университет имени С.А. Есенина,
390000, Рязань, ул. Свободы, д. 46, Российская Федерация*

Аннотация. Данная статья посвящена рассмотрению синтаксических особенностей прозаического произведения С. Есенина «Бобыль и Дружок». Автор проводит анализ повествования с точки зрения содержания и строя предложений. Выявляются и прослеживаются параллели рассказа с произведениями русского фольклора. На основе сравнения автором доказывается структурное сходство рассматриваемого произведения с традициями построения русских народных сказок.

Ключевые слова: проза С.А. Есенина, «Бобыль и Дружок», синтаксические особенности, сказка, инверсия, повторы, однородные сказуемые.

FOLKLORE TRADITIONS AND THE “FAIRY” SYNTAX OF THE STORY “BOBYL AND DRUZHOK” BY S. YESENIN

E. Logacheva*Yesenin Ryazan State University
46, Svobody st., Ryazan, 390000, Russian Federation*

Abstract. This article is devoted to the review of the syntactic features of S. Yesenin's prose work “Bobyly and Druzhok”. The author analyzes the narrative from the point of view of the content and structure of the sentences and identifies and traces the parallels of the story with the works of Russian folklore. On the basis of comparison, the author proves the structural similarity of the work under consideration to the traditions of building Russian folk tales.

Key words: S. Yesenin, “Bobyly and Druzhok”, syntactic features, fairy tale, inversion, repetitions, homogeneous predicates.

Проза С.А. Есенина явилась органическим дополнением к его поэзии, неотъемлемой составной частью его творчества, в которой объединены эпическое и лирическое начало [3]. Произведений, относящихся к художественной прозе, у поэта немного; каждое по-своему оригинально, но объединяет их тема деревни. Объектом нашего анализа является произведение «Бобыль и Дружок».

«Бобыль и Дружок» – это «рассказ, посвященный сестре Катюше», который принадлежит периоду раннего творчества С. Есенина и датируется 1917-м годом. Это период творческих исканий, «пробования» себя в различных жанрах, переломный момент не только в общественно-политической жизни страны, но

и в сознании самого поэта. Есенин затрагивает острые социальные проблемы и делает попытку их решить различными языковыми способами.

Хотя жанр рассматриваемого нами произведения обозначен автором как рассказ, можно отметить, что реалистичен он сюжетно, однако затронутые в нём проблемы раскрываются приёмами, больше характерными для сказового и сказочного повествования.

Сказка – это «повествовательное, обычно народнопоэтическое произведение о вымышленных лицах и событиях, преимущественно с участием волшебных, фантастических сил» [7]. Конечно, рассматривая произведение с данной точки зрения, с позиции содержания, вряд ли можно найти что-либо сказочное. Действие разворачивается в обычной деревне, и ничего волшебного мы не встречаем. Однако собака в рассказе наделена способностью думать, что выражено у Есенина через сравнительную конструкцию с союзом *словно*: *Прижимается он к Бобылю, заглядывает ласково ему в лицо и словно хочет вымолвить: «Никому мы с тобою не нужны, никто нас не пригреет, одни мы с тобою»* [4, с. 577]. Цветы на могиле умершего Бобыля «умеют» шептаться: *Зашептались на могиле цветочки, нашептали они чудную сказку о дружбе птичкам* [4, с. 579].

Сказка – один из основных жанров фольклора, с которым мы знакомимся в детстве. Важнейшая её функция – воспитательная, ведь русская сказка учит добру, альтруизму, бескорыстию, взаимопомощи.

Для многих сказок характерным является незамысловатый сюжет с небольшим количеством действующих лиц. О чём мы узнаём из анализируе-

мого рассказа? Старик, для которого в жизни единственной радостью была только собака Дружок, жил одиноко в хате на краю деревни. Коротал он свой век в голоде и холоде. Весна, от которой он ждал чуда, обострила его болячки, и он умер. Не перенёс разлуки с единственным другом и его верный пёс Дружок, смерть застала его на могиле Бобыля.

Рассматривая рассказ с лексической точки зрения, обратим внимание на имена героев. Бобыль – это старик. Однако бобыль – это имя нарицательное. По Ожегову, «бобыль – 1. Одинокий крестьянин-бедняк, обычно безземельный (устар.). 2. перен. Одинокий бессемейный человек (разг.). Жить бобылём» [7]. Скорее всего, у этого человека есть своё собственное имя, но за его бессемейную жизнь люди прозвали его Бобылём. А Дружок – кличка собаки, данная ему человеком, ласковое название слова *друг*.

Обращаясь к содержанию русских народных сказок, легко увидеть, что имена животных, а зачастую и людей имеют какую-либо социальную, умственную, физическую характеристику, являясь собирательным образом, обобщающим определённые черты, например: Иван-дурак, Василиса Премудрая, Сивка-Бурка, Кощей Бессмертный, Комар-Пискун, Одноглазка, Покати-горошек и др.

Традиционными структурными элементами сказок являются зачин, основное повествование и концовка. Один из самых распространённых зачинов – «жили-были», построенный на синонимическом повторе глаголов. Повествование рассказа С. Есенина начинается со слова *жил*. Жил – потому что один, без семьи. Затем лако-

нично, в нескольких фразах завязывается ситуация, развитие и разрешение которой последует в дальнейшем повествовании. Здесь прослеживаются прямые синтаксические и смысловые параллели с известными каждому с детства русскими сказками, которые, несомненно, были хорошо знакомы и поэту. Ср. у Есенина: *Жил на краю деревни старый Бобыль. Была у Бобыля своя хата и собака. Ходил он по миру, сбирал куски хлеба, так и кормился* [4, с. 577]. И в русских народных сказках: *Жили бабка с дедом. И были у них петух с курицей. Однажды бабка с дедом поссорились* («Золотой петушок»); *Жили-были дед да баба, была у них курочка Ряба; снесла под полом яичко – пестро, остро, костяно, мудрено!* («Курочка Ряба»); *Жил да был старик со старухой. У них была внучка Снегурушка* («Снегурушка и лиса») и др.

Говоря о концовке произведения, нельзя не обратить внимание на её песенно-фольклорную основу. Тут соединены и грустная песня, и плач, скорбь, тоска, боль, но также и радость. «Радость от того, что была такая дружба, о ней надо всем рассказать; пусть птички разнесут эту «чудную сказку» [8].

Для рассказа С. Есенина характерна простота разговорной речи в сочетании с народно-песенными, фольклорными оборотами. Так, встречаем мы здесь традиционные народные эпитеты-характеристики: *Заиграло красное солнышко, побежали ручьи-колокольчики* [4, с. 578].

Исследуя синтаксический строй произведения, отметим, что в нём так же, как и в сказках, преобладают простые по структуре, мало распространённые предложения. Часто они насыщены перечислениями: *Не сходит*

собака с могилы, не ест, тоскует [4, с. 579]; *Рвётся Дружок, мечется, на церковной паперти, завывает, от горя и голода на ногах шатается* [4, с. 578]; *Мёртвый Бобыль лежит на полатях* [4, с. 578]. Это обусловлено простотой сюжетной канвы, для изображения которой нет необходимости в наличии замысловатых, трудно воспринимаемых конструкций. Автор не нагромождает текст сложными синтаксическими моделями. Это служит облегчению чтения, достижению эффекта речи, произносимой в реальности. Главная задача автора – описать ситуацию, рассказать о событиях доступным языком: *Стаял снег. Обсушилась земля* [4, с. 578]; *Лежит он на полатях, слезть не может* [4, с. 578].

Утрачивая свою синтаксическую самостоятельность, простые предложения становятся частями сложного бессоюзного предложения, которые поясняют, дополняют друг друга, последовательно представляют события: *Настанет зима, подует сердитая вьюга, заметёт позёмка, надует большие сугробы* [4, с. 577]; *Шагает Бобыль с собакой, доплетётся до своей хаты, хата старая, нетоплена* [4, с. 577]; *Реже стали метели, зазвенела капель с крыши* [4, с. 578].

Среди сложных синтаксических конструкций можно отметить встречающиеся в тексте несколько раз сложносочинённые предложения с простыми непроизводными соединительными и противительными союзами: *Умер Бобыль никому не нужный, и никто по нём не заплакал* [4, с. 578]; *Пойдёт Бобыль по деревне, стучит под окнами, а Дружок стоит рядом, хвостом виляет* [4, с. 577]; *Скоро уж, видно, смерть моя, только помирать – оставлять тебя*

неохота [4, с. 578]. А также небольшое количество сложных предложений с разными видами связи: *Глянет Бобыль на Дружка, а тот стоит, дожидается, что скажет хозяин* [4, с. 577]; *Заболел Бобыль, не встаёт, не слезает, а Дружок от полатей не отходит, чует старик – смерть подходит, – чует, Дружка обнимает, – обнимает, сам горько плачет* [4, с. 578]. Собственно сложноподчинённая конструкция используется Есениным всего 1 раз, происходит это в момент, когда разорвалась прижизненная связь двух друзей: *Понял Дружок, что хозяин его умер* [4, с. 578].

Сказовая, сказочная манера повествования ярко проявляется в инверсии главных членов предложения. Приём инверсии – это основа, на которой построено всё произведение Есенина. Так, предложений с прямым порядком следования подлежащего и сказуемого всего несколько: *Под окошком ветла распустилася* [4, с. 578]; *Только реже старик выходил из хаты* [4, с. 578]; *Люди нам все чужие* [4, с. 578]; *Только годы Бобыля обманули, только слякоть весенняя старика подловила* [4, с. 578]. В последних двух примерах, несмотря на отсутствие инверсии главных членов предложения, песенность, плавность и мелодичность повествования достигается путём неправильного порядка других членов синтаксической конструкции (прямое дополнение в препозиции к глаголу, имя прилагательное, следующее за определяемым существительным). В остальном же весь текст целиком построен на инверсии подлежащего и сказуемого: *Была у Бобыля своя хата и собака* [4, с. 577]; *Устала плакать вьюга* [4, с. 578]; *Задумается Бобыль у ле-*

жанки, начнёт вспоминать прожитое [4, с. 577]; *Сидела кукушка, грустила, жалобно над могилой куковала...* [4, с. 579]. Ср. в сказках: *Вот пришла зима холодная, стали пробирать морозы; Услышала лиса, что петух песенки распекает, захотелось петушком полакомиться* («Зимовье зверей»); *Вдруг прилетели вороны чёрные, носы железные, подхватили падаль, унесли на гору и принялись клевать* («Золотая гора»); *Пустился Иван-царевич дальше, наезжал на шатры белые, выходила к нему навстречу Марья Моревна, прекрасная королева* («Марья Моревна»).

Характерная особенность синтаксиса сказок (и есенинского произведения) – предикативные единицы, осложнённые однородными сказуемыми, что служит динамизму произведения, делает текст насыщеннее и многообразнее. В сказках такой приём позволяет расширить кругозор читателя, увеличить его лексический запас. Перечисления создают ощущение целостности и непрерывности: *Ходит Бобыль по сугробам, упирается палкой, пробирается от двора ко двору, и Дружок тут бежит рядом* [4, с. 577]; *Тают снега, убывают* [4, с. 578].

Повтор – наиболее распространённое художественное средство в устном народном творчестве. Лексический повтор – приём, усиливающий выразительность речи. Такие повторы помогают автору подчеркнуть, конкретизировать важное в тексте слово, понятие либо как бы замедлить действие, акцентируя внимание на результате. Повторением одинаковых слов достигается усиление характера всевозможных ощущений. Они же и ритмически организуют текст: *Слезет Бобыль через силу, – слезет, закашля-*

ется, загрустит, Дружку скажет... [4, с. 578]; ... Опустил Дружок голову, опустился, тихо вздрогнул... и умер Дружок на могиле [4, с. 579]; Ходит Дружок из угла в угол, – ходит, тоскует [4, с. 578]. Наряду с точным повторением слов встречаются и синонимические сочетания (... Кашель *грудь* задавил, *поясница болит-ломит*, и *глаза* уж совсем помутнели [4, с. 578]), и повторы однокоренных слов (*Расскажет* старик Дружку о своей жизни, *расскажет* о ней грустную сказку, *доскажет* и с болью молвит... [4, с. 577]; *Жили мы с тобой... всю жизнь прожили...* [4, с. 578]), и анафорические повторы (Только годы Бобыля обманули, только *слякоть* весенняя старика подловила [4, с. 578]). В русских сказках повторы играют значительную роль не только в ритмическом плане, но и в плане композиции. Приведём несколько примеров повторов из сказок: *Бродит он по тому лесу дремучему, непроездному, непроходному, и что дальше идёт, то дорога лучше становится...*; *Дивится купец такому чуду новому, новому и чудному* («Аленький цветочек»); *Побежала – стоит избушка на курьих ножках, стоит-поворачивается* («Гуси-лебеди»).

Наряду с лексическими повторами в рассказе С. Есенина присутствуют повторы синтаксические. Они выполняют различные функции в произведении: усиливают выразительность, выражают последовательность передачи информации, способствуют созданию ритма текста, оформляют завершённость мысли. Целые фразы построены по одинаковой модели: *Взглянет Бобыль своими грустными глазами, взглянет – ничего не скажет* [4, с. 577]; *Принесли мёртвого на клад-*

бище, принесли – в землю зарыли [4, с. 578]; *Сговорились, пришли – увидели, увидели – назад отшатнулись* [4, с. 578]; *Подойдёт Дружок, мертвеца обнюхает, – обнюхает, жалобно завывает* [4, с. 578]. Их применение придаёт речи особую гармоничность.

Формульный повтор также находит своё выражение в рассказе. Так, намерения Бобыля (*Запрягу я, Дружок, тебя в салазки, поедем мы с тобой к лесу, наберём там сучьев и палок, привезём, хату затопим, будем греться с тобой у лежанки* [4, с. 577]) выливаются в конкретные действия: *Запряжёт Бобыль Дружка в салазки, привезёт сучьев и палок, затопит лежанку, обнимет Дружка, приголубит* [4, с. 577].

Стоит также отметить особенность употребления обращений в рассказе Есенина. Диалоги как таковые здесь отсутствуют, что обусловлено минимумом действующих лиц, одним из которых является собака. Тем не менее, по ходу повествования старик несколько раз обращается к своему мохнатому другу, да и с людьми, к которым Бобыль ходит за подаванием, он тоже взаимодействует. Во всех отмеченных нами репликах присутствуют обращения. Они просты, лаконичны. Это распространённые интерпозитивные обращения, содержащие только имена героев: *Ты бы бросил, Бобыль, свою собаку...* [4, с. 577]; *Уж ты-то, Дружок, меня, старика, не покинь* [4, с. 577]; *Заживём мы, Дружок, с весною* [4, с. 578]; *На кого я, Дружок, тебя покину* [4, с. 578]. И хотя по форме выражения эти обращения просты, их интерпозитивное расположение является характерной приметой русских сказок (Ср.: *Что то такое у тебя, царь Бархат, за дрянь?* («Василиса Поповна»);

Купи мне, **батюшка**, пёрышко Финиста ясна сокола («Пёрышко Финиста ясна сокола»); – Куда, **Иван-царевич**, пошёл? – Да вот, **баушка**, доступить Елену Прекрасну («Царевна-лягушка»).

Примечателен видо-временной контекст рассказа. Произведение повествует о событиях прошлого, в связи с чем использование прошедшего времени глагола полностью оправдано. Но помимо этого широко использованы и 2 других временных плана: продуктивны формы настоящего (*Видит Бобыль – зима сходит, видит – с Дружком беседует...* [4, с. 578]; *Воет Дружок над могилой, воет, – лапами землю копает* [4, с. 578]; *Смотрит Дружок на могилу, смотрит, жалобно стонет* [4, с. 579]) и будущего простого времени глаголов (*Настанет зима, подует сердитая вьюга...* [4, с. 577]; *Скажет Бобыль Дружку с нежной лаской...* [4, с. 577]; *Задумается Бобыль у лежанки, начнёт вспоминать прошлое...* [4, с. 577]; *Взглянет Бобыль своими грустными глазами...* [4, с. 577]). Первые строки рассказа традиционным зачином отсылают нас в неопределённое прошлое, обозначенное глаголами прошедшего времени. Однако сразу же на смену им приходят формы настоящего и так называемого настоящего-будущего времени: *стучит, стоит, ждёт, виляет, пойдёт, скажут* и т. д. Глаголы настоящего времени вносят в рассказ вневременной оттенок, элемент обобщения. Этой же цели служат и глаголы совершенного вида, частично утрачивающие здесь значение

результативности. Формы будущего времени перенесены в план прошлого. По замечанию В.В. Виноградова, такой перенос выражает «значение повторяемости в прошлом каких-нибудь действий, представляемых в их осуществлении...» [2, с. 469]. Такое употребление встречается часто там, где «речь идёт о возможном или обычном» [2, с. 469]. Подобное соединение двух и более временных планов часто репрезентировано в сказочных текстах. Например: *Стоит в поле теремок. Бежит мимо мышка-норушка. Увидела теремок, остановилась и спрашивает* («Теремок»); *Легла [Лягушка] спать с Иваном-царевичем; перед утром и говорит ему...* («Царевна-лягушка»).

Таким образом, говоря о жанровой принадлежности рассматриваемого прозаического произведения С. Есенина, можно утверждать, что проникнутый лиризмом и гуманистическими идеями «рассказ», имеющий реалистичную сюжетную канву, построен на традициях фольклорных произведений и включает в себя широкий спектр сказочных элементов и форм, таких как: простой сюжет с минимумом действующих лиц, использование разговорной бытовой лексики, эпитетов; инверсию как главных, так и второстепенных членов предложения, лексические и синтаксические повторы, обращения в интерпозиции, традиционный для сказки в структурно-семантическом плане зачин, небольшое количество сложных союзных конструкций.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Борковский В.И. Синтаксис сказок: русско-белорусские параллели. М.: Наука, 1981. 235 с.

2. Виноградов В.В. Русский язык (Грамматическое учение о слове) / под ред. Г.А. Золотовой. 4-е изд. М.: Рус. яз., 2001. 720 с.
3. Воронова О.Е. Проза Сергея Есенина (жанры и стиль): дисс. ... канд. филол. наук. М., 1985. 207 с.
4. Есенин С.А. Полное собрание сочинений в одном томе. М.: Издательство АЛЬФА-КНИГА, 2014. 719 с.
5. Ефимова Е.В. Семантические универсалии «время» и «вечность» в русских народных сказках // Современная филология: материалы Международной научной конференции. Уфа: Лето, 2011. С. 58-61.
6. Народные русские сказки А.Н. Афанасьева: В 3 т. М.: Наука, 1984-1985.
7. Ожегов С.И. Словарь русского языка [Электронный ресурс]. URL: <http://slovarozhegova.ru/> (дата обращения 14.04.2017).
8. Радионова Л.М. Сценарий урока-исследования: «Бобыль и Дружок» С. Есенина – «грустная сказка» о жизни и «чудная сказка» о дружбе [Электронный ресурс]. URL: <http://nsportal.ru/shkola/literatura/library/2013/05/01/stsenariy-uroka> (дата обращения 10.10.2016).
9. Синтаксический стилистический повтор как средство изобразительности в художественном тексте [Электронный ресурс]. URL: <http://refeteka.ru/r-162982.html> (дата обращения 10.04.2017).
10. Хайрнурова Л.А. Традиционные средства изобразительности в русских волшебных сказках [Электронный ресурс]. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/traditsionnye-sredstva-izobrazitelnosti-v-russkih-volshebnyh-skazkah> (дата обращения 11.10.2016).

REFERENCES

1. Borkovskii V.I. *Sintaksis skazok: russko-belorusskie paralleli* [The syntax of the fairy tales: Russian-Belarusian Parallels]. Moscow, Nauka Publ., 1981. 235 p.
2. Vinogradov V.V. *Russkii yazyk (Grammaticheskoe uchenie o slove)* [The Russian language (Grammatical teaching about word)]. 4th ed. Moscow, Russkii yazyk Publ., 2001. 720 p.
3. Voronova O.E. *Proza Sergeya Esenina (zhanry i stil')*: diss. ... kand. filol. nauk [The prose of Sergei Esenin (genre and style): PhD thesis in Philological sciences]. Moscow, 1985. 207 p.
4. Esenin S.A. *Polnoe sobranie sochinenii v odnom tome* [Complete works in one volume]. Moscow, ALFA-KNIGA Publ., 2014. 719 p.
5. Efimova E.V. Semantic universals of "time" and "eternity" in Russian folk tales. In: *Sovremennaya filologiya: materialy Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii* [Modern Philology: materials of the International scientific conference]. Ufa, Leto Publ., 2011, pp. 58-61.
6. *Narodnye russkie skazki A.N. Afanas'eva: V 3 t.* [Russian folk tales by A. Afanasiev: in 3 vols.]. Moscow, Nauka Publ., 1984-1985.
7. Ozhegov S.I. *Slovar' russkogo yazyka*. [Dictionary of the Russian language [E-source]]. Available at: <http://slovarozhegova.ru/> (accessed 14.04.2017)
8. Radionova L.M. *Stsenarii uroka-issledovaniya: «Bobyľ i Druzhok» S. Esenina – «grustnaya skazka» o zhizni i «chudnaya skazka» o druzhbe*. [The script of the lesson-study: "Bobyľ and Druzhok" of Sergei Esenin – a "sad tale" of life and "a wonderful tale" about friendship [E-source]]. Available at: <http://nsportal.ru/shkola/literatura/library/2013/05/01/stsenariy-uroka> (accessed 10.10.2016)
9. *Sintaksicheskii stilisticheskii povtor kak sredstvo izobrazitel'nosti v khudozhestvennom tekste*. [Syntactic stylistic repetition as a means of visual expression in a literary text [E-source]]. Available at: <http://refeteka.ru/r-162982.html> (accessed 10.04.2017)

10. Khairnurova L.A. *Traditsionnye sredstva izobrazitel'nosti v russkikh volshebnykh skazkakh*. [Traditional means of depiction in Russian fairy tales [E-source]]. Available at: <http://cyberleninka.ru/article/n/traditsionnye-sredstva-izobrazitel'nosti-v-russkih-volshebnyh-skazkah> (accessed 11.10.2016)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Логачева Елена Владимировна – преподаватель кафедры латинского языка и русского языка Рязанского государственного университета им. С.А. Есенина;
e-mail: logacheva81@gmail.com

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Elena V. Logacheva – teacher at the Department of Latin and Russian language, Yesenin Ryazan State University;
e-mail: logacheva81@gmail.com

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Логачева Е.В. Фольклорные традиции и «сказочный» синтаксис рассказа С.А. Есенина «Бобыль и Дружок» // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2017. № 4. С. 26-33.
DOI: 10.18384/2310-7278-2017-4-26-33

CORRECT REFERENCE TO THE ARTICLE

E. Logacheva. Folklore traditions and the “fairy” syntax of the story “Bobyly and Druzhok” by S. Yesenin. In: Bulletin of Moscow Region State University. Series: Russian philology. 2017, no. 4, pp. 26-33.
DOI: 10.18384/2310-7278-2017-4-26-33

УДК 811.161.1

DOI: 10.18384/2310-7278-2017-4-34-41

ОСОБЕННОСТИ НОВООБРАЗОВАНИЙ С ЭКСПРЕССИВНО-ОЦЕНОЧНОЙ СЕМАНТИКОЙ В РЕГИОНАЛЬНОЙ НИЖЕГОРОДСКОЙ ПРЕССЕ

Рацибурская Л.В., Замальдинов В.Е.

*Нижегородский государственный университет имени Н.И. Лобачевского
603000, г. Нижний Новгород, ул. Большая Покровская, 37, Российская Федерация*

Аннотация. В статье рассматриваются особенности новообразований с экспрессивно-оценочной семантикой. Материалом для анализа послужила региональная нижегородская пресса. Авторы предпринимают попытку систематизировать маркированные аффиксы, которые участвуют в создании оценочности. Выделяются основные средства выражения оценочного значения: семантическая характеристика производящих основ и аффиксов, неустойчивые способы словообразования. Анализируются новообразования, негативно характеризующие общественную жизнь, социально значимых лиц, политические движения, партии и др. В статье использованы словообразовательный и структурно-семантический виды анализа инноваций. Сделан вывод о том, что оценочность многих словообразовательных неологизмов связана с экспрессивизацией текста.

Ключевые слова: новообразования, оценочность, контаминация, заместительная деривация, СМИ.

FEATURES OF NEW FORMATIONS WITH EXPRESSIVE-EVALUATIVE SEMANTICS IN NIZHNY NOVGOROD REGIONAL PRESS

L. Ratsiburskaya, V. Zamaldinov

*Lobachevsky Nizhny Novgorod State University
37, Bolshaya Pokrovskaya str., 603000, Nizhny Novgorod, Russian Federation*

Abstract. The article considers the peculiarities of word-formation neologisms with expressive-evaluative semantics. Material for the analysis is represented by Nizhny Novgorod regional press. The authors attempt to systematize the marked affixes that are involved in creating the evaluative meaning. The main means of expressing the meaning of evaluation are pointed out: semantic characteristic of the producing bases and affixes, unusual ways of word formation. New formations that negatively characterize social life, socially official persons, political movements, parties, etc. are analyzed. The article used the derivational and structural-semantic analyses of new formations. It is concluded that the evaluative meaning of many of neologisms connected with the expressiveness of text.

Key words: derivational neologisms, evaluation, contamination, substitution derivation, media.

Современная региональная пресса отражает характерные изменения в речи и языке, отражающие, в свою очередь, актуальные социальные реалии. Журна-

листы стремятся отстоять свою точку зрения, обратить внимание читателя на значимые общественно-социальные и политические явления, предать гласности оценку (как позитивную, так и негативную) объекта. Так, в текстах региональной нижегородской прессы прослеживается доминирование отрицательной оценки в разных её проявлениях.

Отметим, что оценочность региональных текстов СМИ имеет особый стилеобразующий статус и может выполнять как конструктивную, так и деструктивную функции. Данная социокультурная категория является характерным признаком медиакоммуникации, отличающейся тенденциями к усилению субъективизации, индивидуализации, интимизации изложения, расширению экспрессивно-эмоциональных и образных средств.

В качестве одного из действенных средств оценки в региональной нижегородской прессе выступают новообразования. «Высокая степень оценочности, стремление любой ценой привлечь внимание читателя, подчас слепое следование за установившейся в сознании носителей языка речевой модой не могли не отразиться на особенностях словотворчества» [4, с. 80]. Инновации отражают различные стороны жизни социума, служат средством речевого воздействия, являются неотъемлемой частью публицистических текстов. «Таким образом, новые слова в языке СМИ динамично отражают процессы общественно-политической жизни и указывают на основные закономерности формирования и развития лексической системы современного русского языка» [5, с. 114]. Оценочность новообразования

может быть связана как с компонентами словообразовательной структуры (с мотивирующей основой и словообразовательным средством), так и с социокультурными факторами (спецификой социокультурного пространства, типом издания, жанровой спецификой текста и др.).

В региональной нижегородской прессе негативный характер экспрессии создаётся маркированными аффиксами.

Так, в медийных текстах высокую продуктивность обнаруживает заимствованный префикс **анти-** со значением отрицания, противоположности, который присоединяется к прилагательным от личных имён собственных, называющих российских политиков и общественных деятелей, и участвует в формировании негативной оценки последних: **Антикондрашовская** бойня, – в чём-то отвратительная, кстати, – переросла в отличную **антишанцевскую** войну («Зеркало». 28.08.15); Таким образом, на выборах в Государственную думу все округа зарезервировали полпредские. Стало быть, именно они и являются движущей силой «бархатной **антишанцевской** революции» («Ленинская смена». 06.05.16); Кроме того, вспоминали **антимироновское** выступление Якимова на съезде партии в 2016 году... («Заноза». 27.04.17); 13 апреля благодаря голосу депутата-коммуниста выиграла **антиантоновская** группировка («Заноза». 17.04.17); После распространённого в ряде СМИ **антибочкарёвского** Обращения членов партии «Справедливая Россия» во главе с Алексеем Якимовым к лидеру партии Сергею Миронову, Совет НРО СР собрался для того, чтобы среди прочих вопросов рассмо-

треть «персональное дело» модератора группы оппозиционеров («Заноза». 27.04.17); В Белом доме посчитали: недовольство митингующих направлено главным образом против городских властей (акция затронула Нижний Новгород, там присутствовали **антикарнилинские** плакаты) («Ленинская смена». 07.04.17); 1 марта состоялось заседание Думы Арзамаса, где новое **«антипарусовское»** большинство (на заседании присутствовали 13 депутатов из 25) проголосовало за 5 членов конкурсной комиссии из числа депутатов по отбору кандидатов в мэры («Заноза». 02.03.17). В медийных текстах возможны и другие случаи, когда производящее слово не обладает коннотацией, а производное от него приобретает негативную оценочность: «Фабрики вранья и мошенничества». Вузы Нижнего Новгорода попали в **антирейтинг** (заголовок) («Нижний Новгород онлайн». 17.03.16). Антонимические отношения новообразований с узуальными производными подтверждаются лексическим окружением инновации в микроконтексте.

Негативную оценочность могут иметь новообразования с греческим префиксом **псевдо-** и исконным префиксоидом **лже-** со значением ложности и неистинности: **Лжевврач** выманил у нижегородской пенсионерки почти 200 тысяч рублей на «редкое лекарство» (заголовок) («В городе N». 20.02.16); **Лжесоцработница** украла все сбережения у нижегородской пенсионерки (заголовок) («В городе N». 07.04.16); **Лже-чиновнику** дали три года за квартирную инсценировку («Саров. Net». 02.05.17); До этого, кстати, тоже было очень «нажористо»: на зарплату секретарш и служебные авто

псевдочиновников в прошедшем 2015 году из платежей жителей расходовалось около 200 миллионов рублей («Зеркало». 28.04.17). Как видно из примеров, префикс **псевдо-** и префиксоид **лже-** сочетаются с одушевленными существительными, называющими лиц определённого социального и профессионального статуса, и указывают на отсутствие должного статуса у обозначаемых новообразованиями лиц, несправедливо претендующих на данный статус. Помимо контекста в ряде случаев негативная оценочность усиливается семантикой мотивирующего слова: Арзамасские **псевдошулеры!** (заголовки); Вот и «доигрались в карты» Мигунов с Лавричевым! («Ленинская смена». 05.07.15).

В современных СМИ активно используется иноязычный префикс **экс-** с семой 'бывший': Дзержинский городской суд 16 марта вынес приговор по делу **экс-чиновницы** администрации Дзержинска Натальи Федосеевой («Агентство политических новостей – Нижний Новгород». 16.03.16); Пять лет условно получил **экс-министр** правительства Нижегородской области Денис Лабуза за организацию незаконной миграции («Зеркало». 14.03.16); Куда, как правило, трудоустраиваются **экс-губернаторы** после того, как таблички с их фамилиями свинчивают с дверей высоких кабинетов? («Ленинская смена». 19.05.17); Кроме того, предполагается, что сам Якимов с Антоновым не имеет связи, но на заместителя губернатора выходит «теневой лидер» оппозиции **экс-депутат** Госдумы Анатолий Шеин («Заноза». 27.04.17); Особое место в своём рассказе об ужасах НН [Нижнего Новгорода. – авт.] блогер посвятил дворикам

улицы Рождественской, показав их убожество и взмахнув серпом над проектом губернаторского любимца, **экс-сити-менеджера** Олега Кондрашова «Рождественская сторона» («Заноза». 15.03.17). Префикс **экс-** отражает динамику общественно-политической жизни, обозначая лиц, утративших свой статус. Несмотря на то что производящие слова оценочно-нейтральны, в значении новообразований под влиянием контекста возникает отрицательная оценочность.

Активно используются в региональной прессе новообразования отвлечённой семантики с экспрессивно-оценочными суффиксами. Так, в создании словообразовательных неологизмов участвует суффикс с семантикой неодобрения **-щин(а)**, продуктивность которого отражает отмечаемую исследователями в современном русском языке тенденцию к демократизации [3]: *В народе заговорили, что все эти куцёвские образы воплотились не только в **глушковищине** (как прозвали люди творящийся в Балахне бардак), но и в попытках победить её («Новая газета в Нижнем Новгороде». 05.04.14); Вступив в должность главы администрации в постапокалиптической обстановке, когда над городом только потух ядерный гриб **«двух-олеговищины»**, а радиоактивный дождичек орошает развалины городского хозяйства, можно разве что нацепить химзащиту и пошуршать под завалами в поисках чего-нибудь ценного, а потом эвакуироваться на безопасное расстояние («Зеркало». 23.12.15); Что касается **«навальновщины»** как таковой, в том числе, нижегородского митинга, то это политическая провокация «пчёл против мёда» («Заноза».*

28.03.17). Как видно из примеров, слова, мотивированные именами и фамилиями современных политиков, имеют неодобрительную оценочность с ироническим подтекстом. Кроме того, «оценка политических ситуаций, высказываний и действий политиков помогает автору достичь своей главной цели – повлиять на позицию собеседника, подтолкнуть его к тем или иным действиям» [6, с. 118].

В региональных нижегородских СМИ особую группу составляют существительные с суффиксами **-изм** и **-изаци(я)**, называющие актуальные социальные явления и общественно-политические течения, нередко с негативной оценкой: *Огромной оказалась плата за «гармонию» **брежневизма** («Агентство политических новостей – Нижний Новгород». 02.03.09); Дело не столько в Дмитрие Каргине, в его стремлении идти в депутаты, в **«каргинизме»**, как идейном течении, сколько в свистопляске, шумихе, даже общественном психозе вокруг этой, мягко говоря, противоречивой и даже сомнительной фигуры («Заноза». 29.05.15); «Если посмотреть образование, – продолжил Г.А. Зюганов, – то и дальше продолжается **ЕГЭзация** школы...» («КПРФ в Нижнем Новгороде». Декабрь 2015). По словам учёных, «абстрактная “интеллектуальная” лексика быстрее и ярче других лексических пластов реагирует на качественные изменения этнического языка, а тенденции её развития всегда отражали особенности эволюции русского национально-языкового сознания» [1, с. 120]. Оценочность в подобных новообразованиях связана не столько с суффиксом, сколько с контекстом и с отношением автора к тому, кто (что)*

назван(о) мотивирующим словом.

Нередко средством выражения негативной оценки становятся суффиксальные новообразования, называющие лиц – сторонников определённых политических фигур: *Предположу, что уже в ближайшие дни мы увидим период распада некогда внешне сплочённой команды ярых «сорокинцев»* (НИА «Нижний Новгород». 02.10.15); *Хорошо в Дзержинске издревле живут только представители местных кланов: «артамоновцы», «воронинцы» и прочие – узкий кружок депутатов-коммерсантов местной думы («Зеркало». 12.05.16); Поджигают коммунистов и «бочкарёвцы», не столько набравшие силу, сколько поднаторевшие в политической торговле («Заноза». 23.06.16). Негативная оценка в подобных случаях при нейтральных суффиксах поддерживается контекстом: *ярые «сорокинцы», представители местных кланов, поднаторевшие в политической торговле.**

При создании новообразований используется такой способ неузального словообразования, как заменительная деривация. Сущность данного способа словообразования состоит в том, **что** в результате замены корневой или другой части слова появляется инновация.

Исследователи отмечают, что «при заменительной деривации читатель, как правило, довольно легко определяет то слово, которое послужило производящим для окказионализма» [7, с. 132]: *Турецкая сущность* (заголовок). *Россия должна жёстко поставить тупрок на своё место* (Новое дело. Нижний Новгород. 26.11.15); *Проблема в том, что в Нижнем Новгороде люди больше имели рвотную реакцию не на двугла-*

вость, а на двухолеговость – и она была чётко персонифицирована («Зеркало». 19.05.16). Следует заметить, что благодаря формальной близости с узуальными каноническими словами данные новообразования имеют прозрачную структуру, ср.: *сущность, двуглавость*. Кроме того, в первом случае отрицательная экспрессия инновации усиливается переключкой с лексемой пейоративного характера. Негативный характер экспрессии в подобных новообразованиях может быть обусловлен семантикой мотивирующего слова, его стилистической окраской и сферой употребления, а также отношением автора к тому лицу, которое названо мотивирующим словом [3, с. 67].

Оценочным средством в региональной прессе становятся разного рода гибриды, образованные с помощью контаминации, при которой наблюдается совмещение формально тождественных частей (морфемного или неморфемного характера) исходных слов, иногда с формальными видоизменениями: *Шуровая* молния (заголовок). *Против главы Канавинского района возбудили уголовное дело о мошенничестве* («Новое дело. Нижний Новгород». 24.09.15) ← *Шуров* [глава Канавинского района Дмитрий Шуров. – авт.] + *шаровая* (молния); *На броневичке, захваченном попутно, они [российский звёздный десант. – авт.] на всех парах мчались к концертному залу, где шёл финал «Евроненавиденья»* («Новое дело. Нижний Новгород». 19.05.16) ← «Евровидение» (международный конкурс эстрадной песни) + *ненавидеть*; *За всё зарплатчено* (заголовок). *Чтобы выйти из кризиса, правительство решило сэкономить на наших зарплатах* («Новое дело. Ниж-

ний Новгород». 12.05.16) ← *зарплата* + *заплачено*; **Лоббитрясы** (заголовок). *Есть такой национальный вид спорта – лоббизмом мериться* («Новая газета в Нижнем Новгороде». 15.04.16) ← *лобби* + *лоботрясы*. Как видно из примеров, подобные экспрессивные новообразования-гибриды служат средством выражения иронии и негативной оценочности, которая обычно создаётся семантикой исходных слов (*ненавидеть*, *лоботрясы*) и контекстом.

Таким образом, способы создания новообразований с экспрессивно-оценочной семантикой достаточно разнообразны. Ярким средством выражения

оценочности в медийных текстах является префиксация с участием приставок **анти-**, **псевдо-**, **экс-** и префиксоида **лже-**. Роль суффиксации как способа выражения оценки демонстрируют инновации с суффиксом **-щин(а)**. Оценочность новообразований с другими суффиксами обусловлена семантикой исходных слов и контекстом, через который просвечивает отношение автора к обозначаемым лицам, реалиям. Кроме того, при создании новообразований с негативной оценочностью активно используются неузальные способы словообразования (заменительная деривация, контаминация).

ЛИТЕРАТУРА:

1. Коряковцева Е.И. Nomina abstracta в современном русском языке: социокультурные факторы роста продуктивности словообразовательных моделей // Активные процессы в современном русском языке: Сборник научных трудов, посвящённый 80-летию со дня рождения профессора В.Н. Немченко. Нижний Новгород: Издатель Ю.А. Николаев. 2008. С. 119-126.
2. Маркова Е.М. Демократизация русского литературного языка как ведущая тенденция его развития // Русский язык в славянской межкультурной коммуникации: сб. науч. трудов. М.: ИИУ МГОУ, 2017. С. 204-211.
3. Петрова Н.Е., Рацибурская Л.В. Язык современных СМИ: средства речевой агрессии. М.: Флинта: Наука, 2011. 160 с.
4. Плотникова Л.И. Лексические новообразования в текстах газетной публицистики: лингвокреативная специфика // Человек. Культура. Образование. 2012. № 5. С. 72-82.
5. Тихонова Е.Н. Актуальные тенденции современного словообразования (на материале российских СМИ) // Вестник МГУП имени Ивана Фёдорова. 2015. № 4. С. 112-114.
6. Хабекирова З.С. Имплицитная оценочность в газетных текстах политической тематики // Культурная жизнь Юга России. 2008. № 1. С. 117-121.
7. Шумилова А.В. Окказионализмы нетиповой структуры в газетном заголовке (на материале нижегородских региональных СМИ) // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. 2010. Т. 9. № 6. С. 131-137.

ИСТОЧНИКИ:

8. Газета «КПРФ в Нижнем Новгороде». 2015–2016 гг.
9. Газета «Ленинская смена». 2015–2017 гг.
10. Газета «Новая газета в Нижнем Новгороде». 2014–2016 гг.
11. Газета «Новое дело. Нижний Новгород». 2015–2016 гг.
12. Независимое информационное агентство «Нижний Новгород». 2015 г.
13. Нижегородский политический блог «Заноза». 2015–2017 гг.

14. Портал «В городе N». 2016 г.
15. Портал «Зеркало». 2015–2017 гг.
16. Портал «Нижний Новгород онлайн». 2016 г.
17. Портал «Саров. Net». 2017 г.
18. Региональное бюро «Агентство политических новостей – Нижний Новгород». 2009–2016 г.

REFERENCES:

1. Koryakovtseva E.I. Nomina abstracta in the modern Russian language: social and cultural factors in the growth of productivity of word-formation models. In: *Aktivnye protsessy v sovremennom russkom yazyke: Sbornik nauchnykh trudov, posvyashchennyi 80-letiyu so dnya rozhdeniya professora V.N. Nemchenko* [Active processes in the modern Russian language: Collection of scientific works devoted to the 80th anniversary of Professor V. Nemchenko]. Nizhny Novgorod, Publisher YU.A.Nikolaev, 2008, pp. 119–126.
2. Markova E.M. Democratization of the Russian literary language as the main tendency of its development. In: *Russkii yazyk v slavyanskoi mezhkul'turnoi kommunikatsii: sb. nauchn. trudov* [Russian language in the Slavic intercultural communication: collection of scientific works]. Moscow, IIU MGOU Publ., 2017, pp. 204–211.
3. Petrova N.E., Ratsiburskaya L.V. *Yazyk sovremennykh SMI: sredstva rechevoi agressii* [The language of contemporary media: the means of verbal aggression]. Moscow, Flinta: Nauka Publ., 2011. 160 p.
4. Plotnikova L.I. Lexical new formations in the texts of newspaper journalism: linguistic and creative specificity. In: *CHelovek. Kul'tura. Obrazovanie* [People. Culture. Education]. 2012, no. 5, pp. 72–82.
5. Tikhonova E.N. The current tendencies of modern word formation (on the material of Russian media). In: *Vestnik MGUP imeni Ivana Fedorova* [Bulletin of I. Fedorov Moscow State University of Printing Arts]. 2015, no. 4, pp. 112–114.
6. Khabekirova Z.S. Implicit evaluation in newspaper texts on political topics. In: *Kul'turnaya zhizn' Yuga Rossii* [The cultural life of the South of Russia]. 2008, no. 1, pp. 117–121.
7. Shumilova A.V. Occasionalisms of atypical structure in a newspaper headline (on the material of Nizhny Novgorod regional media). In: *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya, filologiya. T. 9* [Bulletin of Novosibirsk State University. Series: History, Philology. Vol. 9]. 2010, no. 6, pp. 131–137.

SOURCES:

7. The newspaper «KPRF v Nizhnem Novgorode». 2015 – 2016.
8. The newspaper «Leninskaya Smena». 2015 – 2017.
9. The newspaper «Novaya Gazeta v Nizhnem Novgorode». 2014 – 2016.
10. The newspaper «Novoe delo. Nizhny Novgorod». 2015 – 2016.
11. Independent news Agency «Nizhny Novgorod». 2015.
12. Nizhny Novgorod political blog «Zanoza». 2015 – 2017.
13. The portal «V gorode N». 2016.
14. The Portal «Zerkalo». 2015 – 2017.
15. Portal «Nizhny Novgorod online». 2016.
16. The Portal «Sarov.Net». 2017.
17. Regional office of the «Agency of political news – Nizhny Novgorod». 2009 – 2016.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Рацибурская Лариса Викторовна – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой современного русского языка и общего языкознания Нижегородского государственного университета имени Н.И. Лобачевского;
e-mail: racib@yandex.ru.

Замальдинов Владислав Евгеньевич – аспирант кафедры современного русского языка и общего языкознания Нижегородского государственного университета имени Н.И. Лобачевского;
e-mail: zvlad-nn@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Larisa V. Ratsiburskaya – Doctor in Philological sciences, Professor, head of Department of the Modern Russian language and general linguistics at Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod;
e-mail: racib@yandex.ru.

Vladislav E. Zamaldinov – postgraduate student at the Department of the Modern Russian language and general linguistics, Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod.
e-mail: zvlad-nn@yandex.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Рацибурская Л.В., Замальдинов В.Е. Особенности новообразований с экспрессивно-оценочной семантикой в региональной нижегородской прессе // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2017. № 4. С. 34-41.

DOI: 10.18384/2310-7278-2017-4-34-41

CORRECT REFERENCE TO THE ARTICLE

L. Ratsiburskaya, V. Zamaldinov. Features of new formations with expressive-evaluative semantics in Nizhny Novgorod regional press. In: Bulletin of Moscow Region State University. Series: Russian philology. 2017, no. 4, pp. 34-41.

DOI: 10.18384/2310-7278-2017-4-34-41

УДК – 81-114

DOI: 10.18384/2310-7278-2017-4-42-49

СПОСОБЫ ВЫРАЖЕНИЯ СУБЪЕКТИВНОЙ МОДАЛЬНОСТИ В РЕКЛАМНОМ ТЕКСТЕ ГЛЯНЦЕВЫХ ИЗДАНИЙ

Шикина Д.С.*Московский государственный областной университет
105005, г. Москва, ул. Радио, д. 10А, Российская Федерация*

Аннотация. Статья посвящена анализу средств экспликации субъективной модальности в рекламном тексте глянцевого издания. Акцентируется внимание на реализации модальности на разных уровнях русского языка: лексическом, словообразовательном, морфологическом и синтаксическом. Проведённое исследование демонстрирует многоаспектность, а также широкий диапазон средств выражения модальности в тексте рекламы, несмотря на ограниченный объём и особую целевую установку данного типа медиатекста. Наблюдается проявление двух модальных доминант – фатической (контактоустанавливающей) и эмоционально-оценочной модальности.

Ключевые слова: субъективная модальность, рекламный текст, оценочная модальность, фатическая модальность, уровни языка.

THE WAYS OF EXPRESSING SUBJECTIVE MODALITY IN ADVERTISING TEXTS OF GLOSSY MAGAZINES

D. Shikina*Moscow Region State University
10A, Radio st., Moscow, 105005, Russian Federation*

Abstract. The article is devoted to the analysis of the ways of subjective modality explication in glossy magazines' advertising texts. We focus our attention on realization of modality on the different levels of the Russian language: lexical, derivational, morphological and syntactic. In spite of the limited scope of advertising text and its specific purpose, this research demonstrates the multidimensionality and a wide range of the ways of expressing modality in this type of media text. We observe two modal dominants – phatic (establishing the contact) and emotional-evaluative modalities.

Key words: subjective modality, advertising text, evaluative modality, phatic modality, language levels.

*Нельзя придавать значение предложению высказыванию,
если в нём не обнаружено хоть какое-либо выражение модальности...*

Ш. Балли [1, с. 44]

Субъективная модальность представляет собой многоаспектное языковое явление. В последнее время интерес у учёных-языковедов к способам выражения модальности в языке значительно вырос. Благодаря активному исследованию этой проблемы выявлена иерархичная и взаимосвязанная система значений модальности в современном русском языке (В.В. Виноградов, Н.Д. Арутюнова, П.А. Лекант, Ю.В. Гапонова, Е.Н. Орехова и др.). Доказано, что модальность может быть реализована на всех уровнях языковой системы.

Рекламный текст, несмотря на свой ограниченный объём, демонстрирует высокий «коэффициент модальности» [11, с. 20]. Широкий диапазон модальных средств в данном тексте обусловлен особой коммуникативной установкой автора – воздействовать на реципиента, побуждая к покупке товара или услуги. Справедливо мнение Г.Я. Солганика о том, что «обязательное присутствие говорящего в ситуации, отражаемой в предложении-высказывании, обуславливает и обязательное (эксплицитное или имплицитное) выражение говорящим отношения к предмету сообщения и к ситуации. Вот почему любая конструкция предложения помимо объективно-модального содержит и субъективно-модальное значение. Это значение заложено в самой конструкции. На уровне структурной схемы оно представлено как потенциальное, как возможность, на уровне высказывания – как реализация этой возможности» [14, с. 25]. В данной статье мы рассмотрим, на каких уровнях и какими способами происходит выражение субъективной модальности в рекламе.

1. Лексический

Слово, безусловно, играет очень важную роль для экспликации модальности. По мнению Л.А. Новикова, слово как эстетическая категория языка воссоздаёт у читателя представление-образ. В самом значении содержатся два компонента: модальный, выражающий оценочное отношение говорящего к факту, и семантический, относящийся к содержанию этого факта [цит. по: 12, с. 86]. Согласно точке зрения Ш. Балли, Е.М. Вольф и др., модальность и оценочность перекрещиваются. Так, исследователи выделяют «оценочную модальность» как один из видов субъективной. Согласно утверждению Т.В. Романовой, невозможно понять текст вне системы ценностей и оценки [13, с. 67]. Это касается и рекламного текста, который характеризуется яркой модальной окрашенностью. Так, для экспликации эмоционально-оценочной модальности наиболее часто употребляются лексемы с семантикой уникальности, исключительности (*Уникальная система автоматического дозирования моющих средств (Miele); Эксклюзивно. Иль дэ Ботэ (Make Up For Ever); Помада для избранных (Givenchy)*), а также высокой степени признака (*Основы Вашего идеального весеннего гардероба (Mark&Spencer); Безопасность, эффективность, максимальный комфорт и непревзойдённое швейцарское качество (Swissclinical); Совершенный уход начинается в салоне (Tigi)*), которые справедливо можно объединить общей семой 'хорошо'. Тексты такого рода характеризуются положительной эмоционально-оценочной модальностью: обращаясь к позитивным

эмоциям и ассоциациям читателей, создатели рекламы преследуют цель привлечения внимания к продвигаемому продукту [7].

Что касается отрицательно-оценочной модальности, в рекламе она представлена значительно реже и связана с акцентированием внимания на проблеме, которую может решить рекламируемый товар: *Избавьтесь от сухости и тусклого цвета кожи (Biotherm)*; *Старение отменяется (GNC)*; *Выпадение или поредение? (Vichy)*. Как видно из примеров, отрицательная семантика конкретного слова «скрывается» в общем положительном контексте.

Дополнительную модальную окрашенность создаёт использование фразеологизмов, большая часть которых – это фразеологические единства (*Ветер в голове (Four reasons)*) или фразеологические сочетания (*Вдохните жизнь в ваши тонкие волосы (Dove)*). Наибольшее распространение получают различные способы трансформации фразеологических единиц:

а) усечение: *Всему голова (Aromase)* от *Хлеб – всему голова*;

б) контаминация: *Взяться за голову (Aromase)* как результат соединения фразеологизмов *взяться за ум* и *схватиться за голову*;

в) изменение состава фразеологизма: *На волоске от красоты (Body natur)* от *висеть на волоске*.

Употребление фразеологизмов в рекламе обуславливается их спецификой, которая состоит «в экспликации разного рода субъективных оценок говорящего, коррекции модального плана высказывания» [10, с. 143]. Более того, рекламный слоган или заголовок с названными единицами обладает

большей экспрессивностью, а значит, большей способностью удержать взгляд читателя на продукте. Функция фразеологизма – выражение фатической (контактоустанавливающей) модальности.

Для выражения субъективных оценок создатели глянцевої рекламы используют разнообразные средства выразительности, в числе которых метафора и лексический повтор. Частотность употребления метафоры в структурных элементах рекламы (слогане, заголовке, подписи) обусловлена её способностью к развёртыванию даже в коротких текстах. Так, Т.В. Романова, упоминая это свойство в своей книге «Модальность. Оценка. Эмоциональность», поясняет: «Если в тексте появляется та или иная концептуальная метафора, то можно ожидать её развёртывания по самым разнообразным направлениям» [13, с. 83]. Огромный пласт занимают образные метафоры, воздействующие на потребителя ассоциативным путём: *Нектар нежности (L'Occitane)*, *Ощути ход времени (Rado)*, *Блеск молодости (Arnaud)*, *Откройте вселенную ароматов (Thierry Mugler)*.

Использование лексического повтора в рекламе обычно нацелено на выделение главного качества продукта (*Объём, объём и ещё раз объём! (Clairins)*); *Ваш идеальный красный. Красный стоит у истоков всего земного. Красный диктует свои правила. Красный – цвет жизни (Shiseido)*) или усиливает эмоциональное воздействие на потребителя (*Идеальный уход для идеального цвета (L'Oreal)*; *Радость дарить радость (Афимолл)*).

В ряде случаев лексический повтор усиливается синтаксическим паралле-

лизмом (**Новый** звук! **Новый** формат! **Новые** артисты (Best FM); **Больше** увидеть. **Больше** вспомнить. **Больше** сделать (Мальта); **Делай волну**. **Лови волну** (JBL); **Четыре** оттенка – **четыре** шага к совершенству тона (Givechy)). Соглашаясь с утверждением Е.А. Матвеевой, что лексический повтор «усиливает эффект убеждения в действенности и необходимости того или иного товара» [8, с. 146], можно говорить об этом приёме как о средстве выражения фатической модальности.

2. Словообразовательный

Не менее важным является выражение категории модальности на словообразовательном уровне языка. Подробно исследуя этот вопрос, И.Г. Кудрявцева формирует понятие словообразовательной категории модальности, подразумевающее под собой «комплексную единицу системы словообразования, формирующуюся совокупностью словообразовательных типов на базе общности словообразовательного значения модальности» [5, с. 20].

В рекламных текстах наибольшее распространение получает словообразовательный тип префиксальных дериватов, объединённых словообразовательным значением высокой степени признака: **Ультраобъём**. **Ультраблеск**. **Ультраувлажнение** (Dior Addict); **Сверхсовременные** солнцезащитные решения Oclipse от доктора Обаджи (Kraftway Clinic); **Экстрадлительный** эффект (Make Up For Ever).

Продуктивным способом выражения оценочной модальности на словообразовательном уровне служат нестандартные способы словообразования. Например, в заголовке **Не-**

подорожаемый (Volvo) использован окказиональный способ контаминации для создания языковой игры, в которой сталкивается семантика паронимичных слов – прилагательного **неподражаемый** и глагола **дорожать** [4, с. 13–16].

3. Морфологический

Анализируя морфологические способы экспликации модальности, В.В. Виноградов отмечал, в первую очередь, формы времён и наклонений глагола. Несмотря на то что исследования учёного по большей части относятся к художественному тексту, сходные способы выражения модальных значений имеются и в рекламном тексте. Опираясь на работы А.А. Шахматова, В.В. Виноградов выделяет группу форм будущего времени совершенного вида как «особо богатую экспрессивно-модальными оттенками» [2, с. 62]. Такого рода синтетические формы будущего времени нетрудно встретить в рекламе гляцевых журналов: **Ты вернёшься** домой другим человеком (Esprano); **Телевые стельки, с которыми вам захочется двигаться** больше (Scholl); **Всё сложится** (Hyundai). Мы соглашаемся с утверждением Виноградова, что данные формы связаны с «оттенками предположительности, потенциальности действия, субъективной готовности к действию» [2, с. 63]. В свою очередь, к примеру, формы 1-го лица настоящего и будущего времени выражают категорическое желание, требование или намерение. Это видно на примере рекламного слогана **Могу себе позволить** (O'stin).

Наибольшее распространение в текстах рекламных слоганов и заго-

ловков получают конструкции с синтетической формой повелительного наклонения 2-го лица единственного числа (**Преобрази** свой образ роскошными ресницами (Max Factor); **Продли** мгновение (HStern); **Приходи** на премьеру в салоны официальных дилеров (Hyundai)) и множественного числа (**Поделитесь** своим секретом сияющей кожи (Biotherm); **Дарите** ей каждый день лучшие из драгоценностей (Arnaud); **Делайте** полезные подарки! (Кулинарная школа «ХлебСоль»)). Указанные формы содержат адресатосему, то есть сему указания на собеседника, а значит, участвуют в создании контактоустанавливающей модальности, усиливают направленность рекламного текста на адресата.

Реже рекламный текст включает аналитическую форму повелительного наклонения, например: **Пусть** время **подождёт** (L'Occitane). Употребление обеих форм повелительного наклонения вносит оттенок побуждения к действию, следовательно, такие конструкции эксплицируют фатическую модальность, которая отвечает за непосредственный контакт с потребителем.

Средством создания субъективной модальности в рекламе могут служить и другие части речи. Например, фатическую модальность создаёт употребление местоимений 2-го лица в рекламном заголовке: **Что нового ждёт тебя** в жизни? (Mary Kay); **Теперь в вашем** полном распоряжении – собственная и такая яркая звезда (Volkswagen Polo Allstar) – или слогане: **Заботимся** о том, что **вам** по-настоящему дорого (Miele).

Эмоционально-оценочную модальность рекламного текста выражают

степени сравнения прилагательных. Большое количество таких конструкций в рекламе обладает значением усиления, возрастания степени признака. Среди многочисленных примеров в рекламе мы находим как синтетические формы компаратива и суперлатива: **День за днём** кожа **становится красивее** благодаря омолаживающей и восстанавливающей силе стволовых клеток (Dior); **Бережное очищение и увлажнение** кожи на **высшем** уровне (Lierac); **Даже 10-е** бритьё Gillette Mach3 **комфортнее** 1-го одноразовой бритвой (Gillette MACH3 Turbo), – так и аналитические: **До 7 раз более сильные** волосы (Pantene); **Самое роскошное** питание для ваших волос (Elseve).

4. Синтаксический

В нашем исследовании мы придерживаемся позиции, что модальность – категория универсальная и может эксплицироваться на разных уровнях языка, наиболее продуктивно – на синтаксическом. Не вызывает сомнений связь модальности с коммуникативным и интонационным типом предложения (В.В. Виноградов [2], П.А. Лекант [6]). В рекламных слоганах, заголовках, подписях выделяются восклицательные предложения фразеологизированного типа, выражающие обращение, пожелание, приказание: **Счастливого женского дня!** (Tous); **Спокойной ночи!** (Nioxin); **С праздником весны!** (Tez Tour). Фатическая модальность непременно присутствует в подобном рода высказываниях.

Продуктивным средством создания фатической модальности являются вопросительные предложения. Данные конструкции нацелены на вовлечение

потребителя в диалог: *Разве Ваша кожа не заслуживает лучшего ухода?* (Dove); *Мозоль мешает двигаться дальше?* (Compeed); *Любите аромат утреннего кофе? А какой вкус у вашего дня? Кофе как любимый десерт?* (Jardin)). В приведённых примерах употреблены риторические высказывания, создающие богатую палитру модальных оттенков – удивление, сомнение, сочувствие и пр. [3, с. 9].

Довольно часто встречаются рекламные тексты в вопросно-ответной форме: *Ваш возраст? Это самый прекрасный возраст!* (Dior Capture Totale); *Начиталась? Выкажись!* (Spletnik.ru); *Волосы попали в запутанную ситуацию? Aussie все исправит в три счёта!* (Aussie)). Такой приём автокоммуникации в рекламе связан с психологическим воздействием на потенциального покупателя. Авторы пытаются сформировать положительное решение о покупке продвигаемого продукта. Подобные конструкции усиливают эмоциональную и оценочную тональность текста, более того, являются проводниками контактоустанавливающей модальности, то есть выполняют фатическую функцию [9, с. 47].

Эмоционально-оценочную модальность на синтаксическом уровне могут

выражать также сравнительные структуры: *Моделируй лицо, как визажист* (Make Up For Ever) и конструкции с противопоставлением: *Почувствовать, а не просто побывать* (Emirates)).

Использование разноуровневых языковых средств для выражения субъективных оценок подтверждает мнение Ш. Балли, В.В. Виноградова и других учёных об универсальном характере категории модальности. Трудно не согласиться с утверждением В.В. Виноградова, что «каждое предложение включает в себя, как существенный конструктивный признак, модальное значение, т. е. содержит в себе указание на отношение к действительности» [2, с. 55].

Представленная статья подчёркивает многоаспектность проявления категории модальности в рекламном тексте глянца. Операторы субъективной модальности встречаются на всех языковых уровнях, при этом выражают два типа модальных значений – эмоционально-оценочное и контактоустанавливающее. Лаконичность и ёмкость рекламного текста не ограничивает диапазон модальных средств, которые в нём используются.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Балли Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка. М.: Изд-во иностранной литературы, 1955. 416 с.
2. Виноградов В.В. О категории модальности и модальных словах в русском языке // Избранные труды. Исследования по русской грамматике. М.: Наука, 1975. С. 53-87.
3. Канафьева А.В. Грамматическое и семантическое Я в риторическом высказывании // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2014. № 6. С. 8-13.
4. Качалова И.Н. Оценочная функция языковой игры в дискурсе СМИ: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. М., 2010. 26 с.
5. Кудрявцева И.Г. Модальность как словообразовательная категория в системе префиксальных имён существительных: дисс. ... канд. филол. наук. Вологда, 2008. 255 с.

6. Лекант П.А. К вопросу о модальных разновидностях предложения // Лекант П.А. Очерки по грамматике русского языка. М.: МГОУ, 2002. С. 102-113.
7. Леденёва В.В. Красиво о нелюбимом: о лексико-стилистических средствах рекламы услуг стоматологии // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2015. № 6. С. 27-31.
8. Матвеева Е.А. Лексический повтор в рекламном тексте: особенности использования, стилистические возможности // Омский научный вестник. 2013. № 3. С. 144-146.
9. Орехова Е.Н. Риторический блок в газетном тексте // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2015. № 6. С. 43-49.
10. Орехова Е.Н. Субъективная модальность высказывания: форма, семантика, функции: монография. М.: МГОУ, 2011. 296 с.
11. Орехова Е.Н. Субъективная модальность радиодискурса // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2014. № 6. С. 19-25.
12. Петрушина М.В. Модальность неодобрения: способы и средства реализации в русском языке: монография. М.: МГУП, 2010. 245 с.
- 13.. Романова Т.В. Модальность. Оценка. Эмоциональность: монография. Нижний Новгород: НГЛУ им. Н.А. Добролюбова, 2008. 309 с.
14. Солганик Г.Я. Очерки модального синтаксиса: монография. М.: Флинта: Наука, 2010. 136 с.

REFERENCES

1. Balli SH. *Obshchaya lingvistika i voprosy frantsuzskogo yazyka* [General linguistics and questions of the French language]. Moscow, Foreign literature Publ., 1955. 416 p.
2. Vinogradov V.V. On the category of modality and modal words in the Russian language. In: *Izbrannyye trudy. Issledovaniya po russkoi grammatike* [Selected works. Studies on Russian grammar]. Moscow, Nauka Publ., 1975. pp. 53–87.
3. Kanaf'eva A.V. Grammatical and semantic I in the rhetorical statement. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Russkaya filologiya* [Bulletin of Moscow Region State University. Series: Russian Philology]. 2014, no. 6, pp. 8–13.
4. Kachalova I.N. *Otsenoch'naya funktsiya yazykovoi igry v diskurse SMI: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk* [The evaluative function of language play in the discourse of the media: abstract of PhD thesis in Philological sciences]. Moscow, 2010. 26 p.
5. Kudryavtseva I.G. *Modal'nost' kak slovoobrazovatel'naya kategoriya v sisteme prefiksál'nykh imen sushchestvitel'nykh: dis. ... kand. filol. nauk* [Modality as a derivational category in the system of prefixal nouns: abstract of PhD thesis in Philological sciences]. Vologda, 2008. 255 p.
6. Lekant P.A. To the question of the modal versions of sentence. In: *Ocherki po grammatike russkogo yazyka* [Essays on the grammar of the Russian language]. Moscow, MGOU Publ., 2002. pp. 102–113.
7. Ledeneva V.V. Beautifully about dislikable: lexical and stylistic means of advertising dentistry services. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Russkaya filologiya* [Bulletin of Moscow Region State University. Series: Russian Philology]. 2015, no. 6, pp. 27–31.
8. Matveeva E.A. Lexical repetition in advertising text: features of usage, stylistic possibilities. In: *Omskii nauchnyi vestnik* [Omsk Scientific Bulletin]. 2013, no. 3, pp. 144–146.
9. Orekhova E.N. Rhetorical unit in the newspaper text. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Russkaya filologiya* [Bulletin of Moscow Region State University. Series: Russian Philology]. 2015, no. 6, pp. 43–49.

10. Orekhova E.N. *Sub'ektivnaya modal'nost' vyskazyvaniya: forma, semantika, funktsii: monografiya* [Subjective modality statements: form, semantics, functions: monograph]. Moscow, MGOU Publ., 2011. 296 p.
11. Orekhova E.N. Subjective modality of radio discourse. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Russkaya filologiya* [Bulletin of Moscow Region State University. Series: Russian Philology]. 2014, no. 6, pp. 19–25.
12. Petrushina M.V. *Modal'nost' neodobreniya: sposoby i sredstva realizatsii v russkom yazyke: monografiya* [Modality of disapproval: the ways and means of implementation in the Russian language: monograph]. Moscow, MGUP Publ., 2010. 245 p.
13. Romanova T.V. *Modal'nost'. Otsenka. Emotsional'nost': monografiya* [Modality. Assessment. Emotionality: a monograph]. Nizhny Novgorod, NGLU im. N.A.Dobrolyubova Publ., 2008. 309 p.
14. Solganik G.YA. *Ocherki modal'nogo sintaksisa: monografiya* [Essays of modal syntax: a monograph]. Moscow, Flinta: Nauka Publ., 2010. 136 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Шикина Дарья Сергеевна – аспирант кафедры современного русского языка Московского государственного областного университета;
e-mail: shiknadaria@gmail.com

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Daria S. Shikina – postgraduate student at the Modern Russian language Department, Moscow Region State University;
e-mail: shiknadaria@gmail.com

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Шикина Д.С. Способы выражения субъективной модальности в рекламном тексте гляцевых изданий // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2017. № 4. С. 42-49.
DOI: 10.18384/2310-7278-2017-4-42-49

CORRECT REFERENCE TO THE ARTICLE

D. Shikina. The ways of expressing subjective modality in advertising texts of glossy magazines. In: Bulletin of Moscow Region State University. Series: Russian philology. 2017, no. 4, pp. 42-49.
DOI: 10.18384/2310-7278-2017-4-42-49

УДК 808.5

DOI: 10.18384/2310-7278-2017-4-50-57

ВЕРБАЛИЗАЦИЯ ПОЛОЖИТЕЛЬНЫХ ЭМОЦИЙ В СОВРЕМЕННОМ ПУБЛИЦИСТИЧЕСКОМ ТЕКСТЕ

Шкварцова Т.В.*Московский политехнический университет,
107023, г. Москва, ул. Б. Семёновская, д. 38, Российская Федерация*

Аннотация. Статья посвящена анализу способов языковой реализации положительных эмоций, актуализирующихся в современном медиадискурсе. Рассматривается соотношение эмоциональности и оценочности, проводится их разграничение с учётом фактора экспрессивности средств выражения эмоционального состояния. Освещается роль языковой личности автора-публициста, его лингвокреативность, позволяющая эксплицировать позитивные эмоции экспрессивными номинациями. Выявляются средства выразительности и способы вербализации эмоций, обладающие высокой степенью экспрессивности и эмоционально-положительного воздействия.

Ключевые слова: эмоционально-положительное воздействие, экспрессивность, оценочность, лингвокреативность, средства выразительности.

VERBALIZATION OF POSITIVE EMOTIONS IN THE MODERN JOURNALISTIC TEXT

T. Shkvartsova*Moscow Polytechnic University
38, B. Semenovskaya str., 107023, Moscow, Russian Federation*

Abstract. The article is devoted to the analysis of the ways of linguistic realization of positive emotions, that actualize in the modern media discourse. It discusses the relationship of emotion and evaluation, makes a distinction between them considering the factor of expressiveness of the manifestation of an emotional state. The article also examines the role of the author-publicist language personality and his lingvocreativity which allows explicating the positive emotions wit expressive nominations. The author identifies the means of expression and ways of verbalization of emotions with a high degree of expressiveness and positive emotional impact.

Key words: positive emotional impact, expressivity, evaluation, lingvocreativity, means of expressiveness.

Эмоциональность – неотъемлемое качество современного публицистического текста. Эмоции диктуют автору медиадискурса выбор языкового знака с положительной или отрицательной семантикой. И то, что в современных СМИ преобладает лексика, заряжённая не положительными, а отрицательными эмоциями, свидетельствует о не самой благоприятной ситуации, в которой

пребывает наше общество. Объективных причин для негативных эмоций в нашей действительности немало, и слово журналиста, несомненно, должно нести правду, объяснять, волновать, критиковать, вызывать гнев и возмущение. Но негативные эмоции, несмотря на присущее человеку стремление к позитиву, имеют свойство оказывать более сильное влияние на личность, чем положительные. К тому же способы вербализации негативных эмоций в медиадискурсе весьма выразительны и разнообразны, что многократно усиливает их воздействие, внедряет в сознание и подсознание адресата, изменяя и подчиняя его. В то же время эмоционально-положительное воздействие может быть не менее сильным и глубоким, что во многом определяется языковой личностью автора-публициста, его креативностью и особым, лишённым упрощённости подходом к выбору языковых средств. Испытывая сильные положительные эмоции, такие как радость, восхищение, ликование, гордость, торжество, – автор способен активизировать свой лингвокреативный потенциал, порождая неожиданные сравнения, метафоры, эпитеты, оксюмороны, антитезы, окказионализмы и другие экспрессивные номинации своего эмоционального состояния. В результате может сложиться равновесие между негативом и позитивом, отрицательным и положительным полюсами медийного текста.

Выражение эмоций может означать проявление эмоционального отношения к предмету речи, характеристику данного объекта, его положительную или отрицательную оценку. Например, суждение *Потрясающие стихи, пронзающие души людей* содержит оценку

стихов «очень хорошие» и одновременно включает эмоциональный компонент, который можно декодировать как «восторг», «восхищение». Высказывание *Наша школа – институт невежества и деградации* передаёт оценку школы «очень плохая» и эмоциональное отношение к ней – «негодование», «возмущение», «презрение». На неразрывную связь эмоционального и оценочного указывает В.И. Шаховский, подчёркивая, что эмоциональные переживания являются формой оценивания среды обитания того или иного языка, эмоции – это форма оценки субъектом объекта речи. Связующим звеном между эмоцией и оценкой является сознание, включающее как рациональные, так и эмоциональные компоненты. Признание эмоционального аспекта сознания / мышления снимает, таким образом, противопоставление интеллектуального и эмоционального в слове [4, с. 64-67]. Эту же мысль поддерживает и Т.В. Маркелова, полагая, что эмоциональное содержание всегда присутствует в суждении о ценности и что именно эмоции осуществляют изначальную дифференциацию внешних обстоятельств человека на положительно-ценные и отрицательно-ценные, а следовательно, эмоциональные реакции – единственный первичный источник знания ценности [2, с. 35, 42].

Несмотря на взаимодействие эмоции и оценки в речевой практике, эмоциональность и оценочность – не тождественные понятия [3, с. 1-107]. Вербализация эмоционального состояния тоже имеет свои особенности. Языковое воплощение эмоций как душевных переживаний, волнения, напряжения предполагает, прежде всего, использование особых средств выра-

жения: эмоционально-положительной и эмоционально-отрицательной лексики – глаголов эмоционального состояния и отношения, существительных и прилагательных-аффективов. Кроме того, выражение эмоционального состояния обычно влечёт за собой экспрессивное выражение.

Экспрессивность понимается нами как совокупность таких признаков языковой / речевой единицы и целого текста, которые позволяют придавать речи выразительность за счёт способности этих единиц эмоционально, образно, интенсивно выражать состояние субъекта. Таким образом, экспрессивность является более общей категорией по отношению к категориям образности, интенсивности, эмоциональности. Экспрессивные номинации эмоционального состояния создаются различными средствами выразительности – стилистическими приёмами и фигурами: эпитетами, метафорами, гиперболой, аллюзией, антитезой, оксюмороном, повтором и др.

Выбор языковых средств при вербализации эмоций обусловлен языковой личностью автора-публициста, его субъективным отношением к действительности – мировоззрением, нравственностью, душевными качествами, эстетическими вкусами, эмоциональностью. В концепции Ю.Н. Караулова, речь идёт о высшем уровне организации языковой личности, проявляющемся в эстетических и эмоционально-риторических особенностях её дискурса [1, с. 42-43, 53]. Читатель воспринимает действительность, уже преломлённую журналистским сознанием и пером, – определённый подбор и оценку событий и явлений реальной жизни, авторское видение и соотноше-

ние положительного и отрицательно-го, вектор эмоциональной напряжённости в той или иной описываемой ситуации. Наша способность испытать радость, гордость, патриотизм, энтузиазм, счастливые надежды и др. во многом определяется талантом журналиста выбрать нужные языковые средства воздействия на адресата для адекватной трансляции своих эмоций и позиции. Без мощной эмоциональной поддержки воздействующая сила убеждения резко снижается. Это особенно актуально для медийного дискурса, цель которого именно оказание воздействия на адресата.

Анализ публицистических текстов обнаружил, что при вербализации таких эмоций, как радость, восхищение, удовольствие, воодушевление, умиление, актуализировалась прежде всего метафора – излюбленное средство выразительности современных журналистов. Основная функция этого стилистического приёма – образно, интенсивно и эмоционально представлять объект речи. В устах творческих, эмоциональных личностей, обладающих образным мышлением, метафоры отличаются оригинальностью и неожиданностью, высокой степенью эмоциональности. Например: *Школа-студия – настоящий полигон радости*; «Современник» – *рай единомыслия и единоверия* (7 дней, № 33, 2015); *Такие концерты – всегда фейерверк, пища для души*. Они облагораживают душу (ЛГ, № 21, 2017); *Нам показали яркий и колоритный букет роскошных постановок* (ЛГ, № 29, 2016); *И оркестр расцветает истинно берлиозовским великолепием красок* (ЛГ, № 35, 2016); *Ханчжоу – рай для вечной любви* (РГ, № 197, 2016); *Этот фильм – водопад*

настоящих озарений (Афиша, № 22, 2015); *Его искусство – глоток чистого воздуха, пища душе и сердцу благородная* (ЛГ, № 21, 2017); *На Красной площади – настоящая Вселенная книги* (ЛГ, № 34, 2016); *Здесь особая полнозвучность цвета, своего рода «говорящие краски» и «поющие мазки», потому что авторы всех этих произведений прежде всего художники* (ЛГ, № 14, 2016).

Иногда метафора используется вместе со сравнением, выраженным сравнительным оборотом, что усиливает экспрессивность высказывания: *Спектакль заискрился, как редкий бриллиант* (ЛГ, № 47, 2016); *Год литературы зажжёт сердца целой армии подвижников, энтузиастов книги и чтения, которые, как рыцари культуры, готовы служить просвещению* (ЛГ, № 35, 2016); *Она украшение выставки, как будто из Серебряного века* (ЛГ, № 36, 2016).

Во всех приведённых примерах метафора используется для вербализации объекта речи, вызывающего положительные эмоции автора. Это театр, концерты, театральные постановки, игра оркестра, город, фильм, искусство, книжная выставка, поэзия, спектакль, любители книги, картина. Есть, однако, и редкие случаи использования метафоры при вербализации субъекта речи, самого автора, испытывающего сильные положительные эмоции наслаждения, радости: *Я мёдил от этого разговора с земляком и инженером, сделавшим себя собственным умом и трудом* (ЛГ, № 36, 2016).

Нередко метафора и сравнение сопровождают такое эффектное средство выразительности, как антитезу. Развёрнутое противопоставление, построенное на контекстных антонимах, необходимо автору для того,

чтобы выражение негативного отношения к предмету позволило ему акцентировать именно тот объект речи, который вызывает у него сильные положительные эмоции – радость, восхищение, наслаждение. Например: *Чувственная ткань её прозы создана из особого благородного материала. Именно она, а не сгущённые постмодернистские сумерки, суть нашей словесности* (ЛГ, № 26, 2016); *В благостном саду советской литературы, где все деревья посажены ровно, красиво и под внимательным взглядом руководящих ландшафтных дизайнеров, роман «Альтист Данилов» смотрелся дикорастущим кустарником с яркими и прекрасными ягодами* (ЛГ, № 34, 2016); *Берега, засаженные ивами, блестящая водная гладь, жемчужные капельки росы были столь выразительны, что они вырвали меня из скучного серого мирка и бережно поместили в царство поэзии и свитков с пейзажами* (ЛГ, № 192, 2016); *И тем радостней, что за этим ужасом нарастающей энтропии она умеет разглядеть прекрасных, чистых и бескорыстных людей. Они – подлинные герои* (ЛГ, № 29, 2016); *Телевидение сегодня – это поле битвы. Скандал стал главным героем телеэфира. Тем приятнее смотреть тихие беседы с хорошими людьми, в которых человек раскрывается как потаённый «аленький цветочек», как вселенная, сверкающая миллиардами звёзд* (ЛГ, № 35, 2016).

Очевидно, что экспликация более чем положительного эмоционального состояния и отношения, направленного на столь достойные объекты, с помощью ярких, эффектных и креативных средств выразительности позволяет автору усилить воздействующую

щую силу своего сообщения, привлечь читателя на своё эмоциональное поле и не просто зарядить его позитивом, а дать ориентацию, направление в процессе поисков источников высоких позитивных эмоций.

Образный, экспрессивный эпитет, обладающий мощным потенциалом речевого воздействия, тоже способен интенсивно передавать эмоции автора: *Над собором сияло солнце, и такой он весь был радостно-прекрасный, такой былинно-сказочный, хоть и построенный по печальному поводу* (ЛГ, № 20, 2016). В этом примере, как и во многих других, эпитет формально выполняет функцию определения, но по существу передаёт и эмоциональное состояние светлой радости, воодушевления, счастья, в котором пребывает автор благодаря описываемому объекту. Ещё примеры: *благословенная Таруса; цветы немыслимой красоты; нежный, ласковый шелест моря; удивительная, потрясающая естественность; немыслимо щедрый фильм с ослепительными находками; потрясающая, грандиозная работа; ангельский голос; чистый и светлый взгляд на мир и людей; всепобеждающая женственность; блестящая, изумительная игра; безоглядная, всепоглощающая любовь; мощная, страстная музыка; чарующая, сногшибательная красота; волшебная, завораживающая игра; милые, застенчивые, смущённо-радостные композиции* (Афиша, №№ 10-12, 2015; ЛГ, №№ 14-22, 2017).

Востребованы при выражении положительных эмоций и глаголы эмоционального отношения, прямо и непосредственно называющие эмоциональное состояние автора: *Я вот обожаю* Салтыкова-Щедрина, в

особенности *«Историю одного города»* (ЛГ, № 14, 2016); *Его обожает* молодёжная аудитория (ЛГ, № 29, 2016); *Мы гордимся* такими проектами, как *«Молитвы русских поэтов»* (ЛГ, № 34, 2016); *Мы восхищались* камчатскими вулканами, *любовались* красотами Якутии – ведь природа там невероятной красоты (РГ, № 197, 2016); *Эти статьи поразили* меня глубиной, оригинальностью и бесстрашием (ЛГ, № 7, 2017); *Мы были очарованы* этими рассказами-алмазами в незатейливой упаковке (ЛГ, № 35, 2016); *Я был влюблён* в петербургскую изящность и утончённость (ЛГ, № 29, 2015); *Очень трогательно, когда ходишь по тем местам, где вырос. Это воодушевляет* (КП, 24.08.2016).

Лексико-семантическая группа существительных, обозначающих эмоции, также используется в медиадискурсе. Это, главным образом, девербативы и деадъективы, образованные от глаголов эмоционального отношения и прилагательных-аффективов: *любовь, влюблённость, очарованность, восторг, гордость, наслаждение*. Являясь средствами описания, а не выражения эмоций [7, с. 368], они, тем не менее, тоже способствуют созданию эмоционально-положительной тональности текста. Например: *Николай Дроздов пронизан ответной любовью ко всему живому на планете* (ЛГ, № 7, 2017); *Я испытывал трепет от необъяснимой и идеальной гармонии* (РГ, № 197, 2016); *С огромной теплотой вспоминаю это время* (АиФ, № 33, 2016); *Какое счастье наслаждаться отпуском!* (КП, 21.07.2016); *Я счастлив, мне хочется поделиться своей радостью* (ЛГ, № 29, 2016); *Фильм действительно вызывает восхищение* (АиФ, № 14, 2016). Интересен пример

Дальний **Восторг** (РГ, № 197, 2016), в котором проявилась лингвокреативность автора, использовавшего в заголовке языковую игру – в данном случае фоностилистический приём, основанный на звуковом сходстве слов *восток* и *восторг*. В результате сразу обозначается и предмет, о котором идёт речь в статье, и эмоции, которые он вызывает.

В приведённых примерах очевидна коммуникативная интенция автора выразить собственное эмоциональное состояние или эмоции объекта речи, и названия эмоций используются именно с этой целью. Однако в ряде случаев обозначения эмоций только указывают на них, не формируя эмоциональный компонент высказывания. Например: *Пора вернуть любовь и сострадание верных фанатов* (РГ, № 196, 2016); *Учительство надо понимать как служение, патриотизм, любовь, уважение к старшим* (ЛГ, № 34, 2016). Двойственная функция этой группы имён даёт основания В.И. Шаховскому полагать, что обозначения эмоций занимают промежуточное положение между собственно эмотивной и эмотивно нейтральной лексикой. Сам термин *эмотивность* автор использует в значении языковой реализации эмоциональности как психологического явления [4, с. 230, 29]. Существует и другое понятие эмотивности как синонима «оценочности», в отличие от «эмоциональности» [2, с. 42]. В данной статье используется только термин *эмоциональность* применительно и к реальному состоянию субъекта, и к его языковой экспликации.

В формировании поля положительных эмоций в медиадискурсе участвует и словообразовательная категория субъективно-эмоциональной оценки

[5, с. 36]. Например, определения – прилагательные с аффиксами превосходной степени – также способны отражать эмоциональное состояние автора. Примеры: *Итоговое издание «Мы и они» – настоящая сокровищница актуальнейших мыслей; наша любимейшая актриса; мудрейший, прекрасный человек; тончайшая игра; талантливейшее исполнение; ярчайший представитель нового поколения; честнейший, добрейший, очень любящий людей; сильнейшее впечатление* (ЛГ, №№ 12-15, 2016; №№ 7-9, 2017).

Умеренно востребованными при передаче положительных эмоций в медиадискурсе можно считать фразеологизмы. Например: *От восторга у зрителей дух захватывало; город так хорош, что горло перехватывало; у него золотое сердце; такая выставка – подарок небес; мы готовы были сдуть с него пылинки; души в ней не чаяли* (ЛГ, №№ 11-13, 16, 17, 2016). Яркие и образные фразеологизмы – эффективное средство речевого воздействия при передаче положительных эмоций, однако в современном медиадискурсе фразеологизмы чаще используются для выражения иронии, презрения, пренебрежения [6, с. 48].

Итак, в современном публицистическом тексте актуализируются такие экспрессивные способы вербализации положительной эмоциональности, как метафора, эпитет, антитеза, глаголы эмоционального состояния и отношения, существительные – обозначения эмоций, фразеологизмы, аффиксы с эмоционально-оценочным значением. Особую креативность проявляют авторы при использовании метафор, эпитетов и антитезы, благодаря чему эмоции, эксплицируемые такими сред-

ствами выразительности, несомненно, достигнут сознания читателя.

Эмоциональное содержание может быть выражено и нейтральными языковыми средствами. Если речь идёт о драматичном или трагическом событии, язык описания, наверное, должен быть простым и даже сухим. Однако эмоционально-положительные ситуации, события, состояния требуют особой, экспрессивной, акцентированной презентации – и для адекватного восприятия, и для усиления воздей-

ствия на читателя. С учётом того, что отрицательных эмоций и оснований для них у человека больше, чем положительных, не приходится удивляться разнообразию и красочности способов выражения негатива в современном медиадискурсе. Тем более креативным, эффективным, экспрессивным должно быть языковое воплощение позитива. Средства выражения должны быть такими, чтобы эксплицируемые ими эмоции вселяли оптимизм в читателя, восхищали и вдохновляли его.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность: монография. М.: ЛКИ, 2010. 264 с.
2. Маркелова Т.В. Прагматика и семантика средств выражения оценки в русском языке: монография. М.: МГУП имени Ивана Федорова, 2013. 300 с.
3. Тихонова М.А., Маркелова Т.В. Стилистические и эмоционально-экспрессивные пометы в толковых словарях русского языка // Известия высших учебных заведений. Проблемы полиграфии и издательского дела. 2014, № 2. С. 102-111.
4. Шаховский В.И. Лингвистическая теория эмоций: монография. М.: Гнозис, 2008. 416 с.
5. Шкварцова Т.В. Словообразование как источник повышения креативности публицистического текста // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2015. № 1. С. 32-37.
6. Шкварцова Т.В. Экспрессивные средства современного публицистического текста: гендерный аспект // Вопросы стилистики, риторики и культуры речи в современном русском языке. М.: МГУП имени Ивана Федорова, 2012. С. 42-50.
7. Энциклопедический словарь-справочник. Выразительные средства русского языка и речевые ошибки и недочёты / под ред. А.П. Сковородникова. М.: Флинта: Наука, 2005. 480 с.

ИСТОЧНИКИ:

1. Аргументы и факты (газета) – АиФ.
2. Афиша (журнал).
3. Комсомольская правда (газета) – КП.
4. Литературная газета – ЛГ.
5. Российская газета – РГ.

REFERENCES & SOURCES

REFERENCES

1. Karaulov YU.N. *Russkii yazyk i yazykovaya lichnost': monografiya* [Russian language and linguistic personality: monograph]. Moscow, LKI Publ., 2010. 264 p.
2. Markelova T.V. *Pragmatika i semantika sredstv vyrazheniya otsenki v russkom yazyke: monografiya* [Pragmatics and semantics of means of expression of evaluation in the Russian language: monograph]. Moscow, MGUP imeni Ivana Fedorova Publ., 2013. 300 p.
3. Tikhonova M.A., Markelova T.V. Stylistic and emotionally expressive notes in the explanatory dictionaries of the Russian language. In: *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedenii. Problemy*

- poligrafii i izdatel'skogo dela* [News of higher educational institutions. Problems of printing and publishing]. 2014, no. 2, pp. 102–111.
4. Shakhovskii V.I. *Lingvisticheskaya teoriya emotsii: monografiya* [Linguistic theory of emotions: a monograph]. Moscow, Gnozis Publ., 2008. 416 p.
 5. Shkvartsova T.V. Word-formation as a source of increasing creativity of the media text. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Russkaya filologiya* [Bulletin of Moscow state regional University. Series: Russian philology]. 2015, no. 1, pp. 32–37.
 6. Shkvartsova T.V. The expressive tools of the modern journalistic text: the gender dimension. In: *Voprosy stilistiki, ritoriki i kul'tury rechi v sovremennom russkom yazyke* [Questions of stylistics, rhetoric and speech culture the modern Russian language]. Moscow, MGUP imeni Ivana Fedorova Publ., 2012, pp. 42–50.
 7. *Entsiklopedicheskii slovar'-spravochnik. Vyrazitel'nye sredstva russkogo yazyka i rechevye oshibki i nedochety* [Encyclopedic dictionary-directory. Expressive means of the Russian language and speech errors and shortcomings]. Moscow, Flinta: Nauka Publ., 2005. 480 p.

SOURCES

1. *Argumenty i fakty (gazeta)* [Argumenty and fakty (newspaper)]. AiF.
2. *Afisha (zhurnal)* [Afisha (magazine)]
3. *Komsomol'skaya pravda (gazeta)* [Komsomolskaya Pravda (newspaper)]. KP.
4. *Literaturnaya gazeta* [Literaturnaya gazeta]. LG.
5. *Rossiiskaya gazeta* [Rossiiskaya gazeta]. RG.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Шкварцова Татьяна Владимировна – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры русского языка и стилистики Высшей школы печати и медиаиндустрии Московского политехнического университета;
e-mail: shkvarcova@bk.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Tatiana V. Shkvartsova – PhD in Philological sciences, associate professor, Lecturer of Russian Language and Stylistics Department, High school of print and media industry, Moscow Polytechnic University;
e-mail: shkvarcova@bk.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Шкварцова Т.В. Вербализация положительных эмоций в современном публицистическом тексте // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2017. № 4. С. 50-57.
DOI: 10.18384/2310-7278-2017-4-50-57

CORRECT REFERENCE TO THE ARTICLE

T. Shkvartsova. Verbalization of positive emotions in the modern journalistic text. In: Bulletin of Moscow Region State University. Series: Russian philology. 2017, no. 4, pp. 50-57.
DOI: 10.18384/2310-7278-2017-4-50-57

УДК 81.42

DOI: 10.18384/2310-7278-2017-4-58-67

НАПРАВЛЕНИЕ РАЗВИТИЯ СОВРЕМЕННОГО РУССКОГО ОБРАЩЕНИЯ

Юй Исин

*Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова
119991, г. Москва, ГСП-1, Ленинские горы, д. 1, Российская Федерация*

Аннотация. В статье рассматривается ряд новых явлений русского обращения, выявляют-ся основные тенденции в развитии его различных форм в последние десять лет. Особое внимание уделено процессу проникновения стилистически сниженных вариантов обра-щения в публицистический и официально-деловой функциональные стили. Автор прихо-дит к выводу, что при речевом общении говорящий должен выбирать форму обращения с позиции коммуникативной ответственности.

Ключевые слова: обращение, развитие, характер ситуации, принцип вежливости, соци-альная дистанция, коммуникативная ответственность.

THE DIRECTION OF DEVELOPMENT OF THE MODERN RUSSIAN SALUTATION

Yu Yixing

*Lomonosov Moscow State University
1, Leninskie gory, Moscow, 119991, Russian Federation*

Abstract. The article reveals a number of new phenomena of the Russian salutation and the main tendency of its development in the last ten years. It focuses on the penetration process of the stylistically reduced versions of salutation into the publicist and the official-business functional styles. The author comes to the conclusion that the speaker in speech communication should choose the form of salutation from the position of communicative responsibility.

Key words: salutation, development, character of situation, the principle of courtesy, social distance, communicative responsibility.

Среди разнообразных тематических групп лексики, обслуживающей рус-ский речевой этикет (обращение, приветствие, прощание, благодарность и т. д.), значительное место занимает обращение. Обращение, характеризуя взаимоотно-шения референтов коммуникации и особенность речевой ситуации, задаёт коммуникативную тональность всему диалогу. Можно сказать, что динамика русского речевого этикета проявляет себя прежде всего и в большой степени в изменении единиц обращения.

Обращение определяется как «одно из главных средств универсального ха-рактера, выработанных языком для обслуживания человеческого общения, для установления связи между высказываниями и субъектами общения, для

интеграции разных сторон и компонентов ситуации общения в единый коммуникативный акт» [3, с. 4]. В коммуникативном пространстве русской культуры в сфере обращения широко представлены не только личные имена (онимы) в их общепринятых вариантах (имя, имя-отчество, отчество, фамилия в их сочетаниях, а также уменьшительно-ласкательные разновидности официального, паспортного имени человека), но и имена существительные нарицательные, имена прилагательные, а также междометия (см. *голубчик, дорогой, эй*). При этом большая часть русских обращений эмоционально окрашена, вследствие чего их выбор и употребление должны коррелировать и со статусом собеседника (его возрастом, полом, социальным положением), и с характером речевой ситуации.

В русской культуре в качестве официального обращения принята форма «имя-отчество», которая соответствует паспортной идентификации человека. Отчество, образованное от имени отца с помощью суффиксов *-ович, -евич, -овна, -евна*, вошло в активное употребление в бытовых и деловых ситуациях. Обозначение лица по имени и фамилии, но без отчества может вызывать негативную реакцию не только со стороны адресата, но также со стороны третьих лиц. В качестве примера уместно привести конфликтную ситуацию, описанную М.В. Ломоносовым, которая была спровоцирована сообщением в академических ведомостях о новопожалованном в камер-юнкеры Иване Шувалове, где он был назван по имени, но без отчества. «Обозначение лица по имени и без отчества не допускалось жанрово-стилистическим регистром

текста газеты, поскольку не соответствовало принятым тогда конвенциям и квалифицировалось как принесение серьёзного ущерба, который не мог быть компенсирован извинениями, а требовал наказания» [12, с. 246].

В современном русском речевом этикете эта форма функционирует и как официальное («полное») обращение говорящего к известному ему или малоизвестному лицу (важнейший фактор выбора полной формы), и как знак уважения и признания достоинства лица, напротив, хорошо известного говорящему. Тем не менее, форма «имя-отчество» прочно связана в первую очередь с официальностью коммуникативной обстановки, определяющей значительную социальную дистанцию коммуникантов по причине их разного социального статуса либо возраста (иногда эти параметры связаны). Следует отметить, что в современной речи за полной формой обращения скрываются дополнительные прагматические смыслы, например, некоторая ирония при обращении старшего к младшему, особенно к ребёнку: «А в понедельник утром гляжу: вторая койка, что пустовала в моей палате целую неделю, занята. Лежит на ней мальчик лет семи. Лежит себе и помалкивает. *Звать-то тебя как?* – спрашиваю. *Митей.* – *А по батюшке?* – *Иванович.* – *Пойдём тогда завтракать, Дмитрий Иванович.* – *Идёмте,* – говорит» [15], а также недовольство старшего (в производственной иерархии) младшим, к которому старший по обыкновению обращается по имени, что приводит к увеличению социальной дистанции и к отстранению говорящего от собеседника. В качестве примера можно привести

рассказ-воспоминание о знаковости смены формы обращения: *Когда заведующая обращалась ко мне «Людмила Олеговна», я понимала, что мне надо было срочно «делать ноги»* (Л.О. Чернейко).

В современных СМИ нередко наблюдается нарушение правил использования формы «имя-отчество», когда отчество убирается из обозначения официального лица. Существуют в СМИ ситуации, когда обращаются к собеседнику или представляют себя только по имени, «особенно в отношении адресата косвенного, вторичного, опосредованного, каковым является масса телезрителей, радиослушателей, читателей газет» [11, с. 73]. При этом Н.И. Формановская считает вполне оправданным обозначение официального лица без отчества при условии, что это лицо хорошо социуму известно [11, с. 74], например, *Борис Ельцин, Михаил Горбачёв, Владимир Путин, Владимир Маяковский, Марина Цветаева*. Однако при обращении к официальному лицу в диалоге может употребляться официально принятое обращение, т. е. по имени-отчеству, и самопредставляться в официальном пространстве можно только по имени: так, одна из участниц антифашистского марша 2014 г. представила себя в интервью без отчества: *Меня зовут Наталья* (Радио «Свобода». 19.01.2017). Можно заметить, что такое самопредставление, хотя и не соответствует официальности ситуации общения, представляющей собою публичный диалог, тем не менее оно возможно при одном условии: если говорящий является достаточно молодым человеком. Слушающий, который владеет этикетными нормами, может такого

самопредставления и не принять. Как считает Н.И. Формановская, «убирая отчество из именованного человека, мы как будто снимаем элемент уважительности и ещё что-то неуловимое» [11, с. 73].

Что касается обыденных коммуникативных ситуаций, то русский речевой этикет, сняв отчество и с обозначения близкого человека, и с обращения к нему (за исключением особых случаев), разработал достаточно разветвлённую систему апеллятивов. При этом для одних личных имён с разнообразием допускаемых русским языком их вариантов «неполное» сокращённое употребление (а оно возможно и без отчества – *Таня*, и с отчеством – *Таня Михайловна*) является наиболее нейтральным в неофициальной ситуации общения (*Людя – Людмила, Ира – Ирина, Таня – Татьяна*), а для других такие сокращённые варианты отсутствуют, например, *Антон, Максим, Марина, Нина*. Можно сказать, что у них вообще отсутствуют уменьшительные имена, а есть только прагматически маркированные варианты (ласкательные): *Максимка, Максимушка, Мариночка, Мариша*.

Существуют и такие личные имена, чьи полные варианты в функции обращения в бытовых и деловых ситуациях в XIX в. без отчества и фамилии не употреблялись. При самостоятельном употреблении использовались соответствующие сокращённые имена: *Саша* или *Шура* (от *Александр*), *Володя* (от *Владимир*), *Катя* (от *Екатерина*). Их полные формы применялись только вместе с отчеством или в особых ситуациях типа «строгого родительского отношения»: *Александр, ты уроки не сделал!* В современной речи как в дело-

вых ситуациях, так и в СМИ употребляются без каких бы то ни было ограничений такие формы личных имён, как *Надежда, Константин, Владимир* и т. п. «Ещё пятнадцать лет назад невозможно было вообразить себе ситуацию, что человека без всякой иронии в разговоре назовут Александром или Константином <...> Это было бы претенциозно, чопорно и даже жеманно» [5, с. 230].

Пристального внимания заслуживает широкое употребление в обыден-

ном речевом общении и форм обращения со стилистически сниженным оттенком, таких, как *эй, парень, малый, друг, дружок, приятель, мужик, старик* и т. д.

Ниже приведена сводная таблица характеристик единиц обращения по их базовым апеллятивным дифференциальным параметрам (сокращения: м = мужской пол, н/м = апеллятив по данному параметру является немаркированным).

Дифференциальный параметр Единица обращения	Пол	Возраст	Степень знакомства (знакомство/ незнакомство)	Характер ситуации
Эй <i>Эй, да погоди ты, постой</i> (Ю. Коваль. Ножевик)	н/м	н/м	н/м	неофициальная (фамильярная)
Парень <i>Послушай, парень, у тебя ноги-то нет</i> (В. Высоцкий. Жил я с матерью и батей)	м	молодой (17–35 лет); адресат младше говорящего или равен с говорящим	незнакомый	неофициальная
Малый <i>Пиши, малый, записывай...</i> (С. Довлатов. Чемодан)	м	юноша (13–21 лет), моложе говорящего	незнакомый	неофициальная
Друг <i>А не сменил ли ты, друг, ориентацию здесь?</i> (С. Носов. Грачи улетели)	м	н/м	н/м	неофициальная (дружеская)
Дружок <i>Ну, давайте же, дружок, не будем затягивать, позднее время, плюс к тому не мне объяснять в солидной аудитории правильный режим сна</i> (Л. Леонов. Пирамида)	м	молодой (17–35 лет); говорящий считает адресата много моложе себя	н/м	неофициальная (дружеская)
Приятель <i>См. Ну, спасибо, приятель. Без тебя мне, пожалуй, пришлось бы плохо</i> (В. Короленко. Убивец)	м	н/м	н/м	неофициальная (дружеская+ дружелюбие)
Мужик <i>Чего-то тебе, мужик, другого надо: малый мой как помер, так и кончился</i> (А. Платонов. Чевенгур)	м	н/м	незнакомый	неофициальная (фамильярная+ пренебрежение)
Старик <i>Можешь ли ты, старик, достать мне лошадей до Жадрина?</i> (А. Пушкин. Метель)	м	немолодой (свыше 60 лет)	незнакомый	неофициальная

Нужно подчеркнуть, что весь смысл обращения *старик* был так, как представлено в таблице, а теперь оно может употребляться как к молодому, так и к знакомому собеседнику. Вместе с тем, целесообразно уделить внимание тому факту, что в последние десять лет некоторые формы обращения со стилистически сниженным оттенком из разговорной речи входят в сферы языковых средств публицистических функциональных подстилей (в СМИ и в публичных объявлениях, рекламах и т. д.). В качестве примера можно привести следующие высказывания: *Потерпите, мужики, до воскресенья* (Радио «Свобода». 13.11.2014); *Дорогие люди, срочно помогите решить химию!!! очень надо!!* [16]. Имена *мужики* и *люди*, как формы обращения к некоторому коллективу, имеют просторечный и фамильярный оттенки. Они употребляются в сегодняшних новостях и рекламах, играют важную роль в усилении воздействия на чувства зрителей, слушателей и читателей. Кроме того, в программах радио и телевидения распространяется обращение *старик*, который имеет непринуждённый, дружеский и даже шуточный оттенки: *Старик, ты же понимаешь, где мы работаем* (Радио «Свобода». 07.12.2011). Считается, что «когда языковые единицы обогащаются экспрессивными, эмоциональными и оценочными компонентами, которые дополняют соответствующий семантический потенциал, реализуется экспрессивная функция языка и стилистическая функция речевых единиц» [9, с. 73]. Но в пылу «творческого», непринуждённого применения формул русского обращения журналисты нередко «игнорируют этические и

эстетические табу, пренебрегая содержательным замыслом» [8, с. 48], что ведёт к вульгаризации русской речи.

Следует отметить, что такие достаточно употребительные в составе обращения прилагательные, как *уважаемый, дорогой, милый, любимый*, прибавляют к обращению уважительный или тёплый, сердечный оттенок. Обращения с прилагательным *уважаемый* часто употребляются в бытовых разговорах и в официальных высказываниях типа объявлений, публичных выступлений и т. д., тогда как обращения с прилагательными *дорогой, милый, любимый* применяются только в кругу семьи или между близкими, друзьями.

Примечателен тот факт, что сферы употребления вышеназванных прилагательных в составе обращения и их смысловые оттенки в последние десять лет заметно изменились. Во-первых, *уважаемый* теперь может использоваться самостоятельно в качестве единицы обращения. В некоторых ситуациях это обращение до какой-то степени теряет уважительный оттенок, обусловленный его внутренней формой, что приобретает шуточный, а нередко и иронический оттенок: *Уважаемый, здесь идёт серьёзная работа, во избежание разного рода провокаций, пожалуйста, пойдите домой, отдохните, протрезвеете, если захотите, подключитесь к нам* (Радио «Свобода». 29.11.2004). Во-вторых, «интимные» прилагательные *дорогой, милый, любимый* вошли в активное употребление в разного рода текстах официально-делового стиля речи, например, в афишах, рекламах, приглашениях, газетных объявлениях, официальных письмах, теле- и радиопередачах и

т. д.: *Если бы мой друг был членом движения за развитие суверенной демократии В.В. Путина, то аренду за его маленькую двухкомнатную квартиру в Париже оплачивали бы ваши налоги, дорогие мои патриоты-соотечественники, а квартира у него была бы другая и в другом районе* (Радио «Свобода». 09.08.2014). Как заметил М.А. Кронгауз, «под влиянием английского *dear*, которое наиболее нейтрально, но переводится на русский именно как “дорогой”, последнее стало вытеснять уважаемый» [5, с. 249]. Обращения *милый* и *любимый* содержат в себе более дружеский и интимный смысловой оттенок, но они, как и *дорогой*, теперь возможны и «на публике»: *Любимый! Передаю тебе привет от всех нас! Радио «Романтика», поставьте, пожалуйста, для Константина песню Ньюси «Чудо»* (Радио «Романтика». 29.03.2015).

В ходе исследования русского речевого этикета, а в особенности русского обращения необходимо учитывать правила выбора и применения личных местоимений *вы* и *ты*, которые переживали изменения, связанные со сменой исторического контекста. «Исконно русское обращение *ты* до XVIII в. было единственным и потому стилистически нейтральным в любой речевой ситуации; вежливость, ласку, приветливость речи придавали в сочетании с *ты* другие обращения <...> В петровскую и послепетровскую эпоху придворная знать, а позднее и другие слои общества переняли западноевропейский обычай вежливого обращения на *вы* к одному лицу, высшему или равному по положению» [1, с. 527].

Правила обращения на «ты / вы» в советское время почти не измени-

лись, однако в перестроечную и постперестроечную эпохи они претерпели некоторые изменения. Поскольку в английском языке в форме личного местоимения второго лица единственного числа *you* разница между *вы* и *ты* отсутствует, под влиянием американской и английской этикетных культур носители русского языка в бытовой обстановке часто не строго разграничивают *вы* и *ты*. Стоит отметить, что теперь люди могут обратиться на «ты» в официальных ситуациях, к старшему собеседнику, к малознакомому или даже совсем незнакомому. Например, два года назад я в российском поезде услышала такую реплику: *Можно чемодан сюда положить? Тебе не помешает?*

Показателен и пример из полилога радиопередачи «Эхо Москвы» (Радио «Эхо Москвы». 12.03.2017). Один из трёх ведущих данной программы обращался несколько раз к собеседнику на «ты»: (1) *Нет, Нарышкин, тогда ты не понял, почему была такая позиция у Голландии.* (2) *Ты переворачиваешь то, что я сказал.* (3) *Алёша, ты вопрос задал слушателям?* И при этом говорящий называл адресата речи либо фамилией, либо уменьшительной формой полного имени. Помимо того, обращает на себя внимание и такой контекст из интервью, которое берёт корреспондент у лица, старшего по возрасту (Радио «Свобода». 12.03.2017): Он (тот, кто даёт интервью) сразу просит обращаться к нему на «ты», говорит, что пускает к себе только друзей, а с друзьями выкатать невозможно, вследствие чего корреспондент в последующей беседе обращался к нему на «ты»: *Почему ты живёшь не в доме, а в хозяйственной постройке? Ты собирал какие-ни-*

будь материалы для этого несостоявшегося музея? В большинстве случаев при помощи «несанкционированного переключения с социальной дистанции на персональную или интимную» [6, с. 252] говорящий стремится перейти границы «свой» и «чужой», причислить к «своим» адресата речи и тем самым приобрести у последнего расположение и поддержку.

Целесообразно отметить, что «общение на “ты” или на “вы” – это вопрос личного выбора, и тут всё может быть очень по-разному. С одной стороны, “пустое ‘вы’ сердечным ‘ты’”, но с другой – “Зачем мы перешли на ‘ты’? За это нам и перепало...”» [7, с. 182]. При этом можно заметить в сегодняшней бытовой речевой коммуникации наличие «асимметричной ситуации» [7, с. 182], когда один тыкает, а другой выкает. Это явление специфичное. В выше-названном примере из радиопередачи «Эхо Москвы» в ответ на тыкание к собеседнику два других ведущих в ходе целой программы обращались только на «вы», что может объясняться тем, что говорящий, который тыкает, либо ожидает от собеседника ответного панибратства, либо по возрасту старше адресата и / или по положению в студии выше. Он вне ситуации программы тыкает, принимая собеседника за младшего брата и /или новичка, а потом так и повелось даже в эфире, хотя в официальном публичном полилоге социальную дистанцию следует соблюдать.

Понятие «культура речи» включает в себя две ступени освоения литературного языка: «правильность речи, т. е. соблюдение литературных норм <...> и речевое мастерство, т. е. <...> умение выбирать из сосуществующих

вариантов наиболее точный в смысловом отношении, стилистически и ситуативно уместный и выразительный и т. п.» [14, с. 247]. При этом, как отмечает Е.Е. Корнилова, «эффективное воздействие на разум и чувства зрителей, завоевание его доверия <...> преодоление социально-психологических и коммуникативных барьеров в телепрограммах невозможно воплотить за рамками культуры речи» [4, с. 44].

Одним из важнейших параметров речевого этикета является характер коммуникативной ситуации, который зависит от обстоятельств общения в целом, его стимулов, состава участников. Причины фиксированных в современной русской речи отклонений от устоявшихся норм и правил в выборе и употреблении этикетных формул (в частности, форм обращения) заключаются, по мнению исследователей, в следующем: во-первых, «демократизация общества повлекла за собой отказ от определённых форм цензуры, <...> что обусловило сближение книжной и разговорной речи в эфире, демократизацию языка, невозможность “чистки” ошибок в интервью» [4, с. 45]; во-вторых, после распада СССР усилилась внешняя открытость России, и «под влиянием распространения английского языка в России и западноевропейской культуры русский речевой этикет в некоторой степени подвергается воздействию американской и английской этикетных культур» [2, с. 31-32]; в-третьих, это тенденция «развития презумпции коммуникативного равенства адресанта и адресата» [10, с. 3], которая воплощается в разновидностях публицистического стиля, где произошло «заметное сокращение частоты употребления целого

ряда риторических фигур, в том числе риторического обращения, которые придавали речи оттенок торжественности и тем самым противопоставляли адресанта адресату» [10, с. 3].

Из проанализированного материала вытекает вывод: причиной порождения новых явлений русского речевого этикета и в первую очередь русского обращения являются либерализация и демократизация языка, обусловленные демократизацией общества. При этом проникновение разговорных, просторечных и других стилистически сниженных вариантов обращения

в публицистический и официально-деловой функциональные стили приводит к нарушению традиционного «принципа вежливости», к несоблюдению так называемой «социальной дистанции» и даже к вульгаризации русской речи. Следовательно, говорящий должен выбирать речевую единицу из многочисленных языковых вариантов не только исходя из узаконенных норм и правил русского речевого этикета, но и с позиции коммуникативной ответственности [12] как одного из базовых факторов речевой деятельности.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Балакай А.Г. Словарь русского речевого этикета: формы доброжелательного обхождения: 6000 слов и выражений. 2-е изд., испр. и доп. М.: АСТ-ПРЕСС, 2001. 670 с.
2. Ван Янчжэн. Изменение общества и изменения в русском языке (Шэхуй Бяньцзянь Хэ Эюй Юйянь Дэ Бяньхуа). Хэйлонцзян: Хэйлонцзянское народное издательство, 2008. 355 с.
3. Гольдин В.Е. Обращение: теоретические проблемы. 2-е изд., испр. и доп. М.: URSS, 2009. 136 с.
4. Корнилова Е.Е. Культура телевизионной речи // Филология и журналистика в контексте культуры: материалы Всерос. науч. конф. Вып. 2. (Северо-Кавказские чтения / Рост. гос. ун-т). Ростов-н/Д., 1998. С. 44-45.
5. Кронгауз М.А. Русский язык на грани нервного срыва. М.: Астрель; CORPUS, 2012. 480 с.
6. Крылова Т.В. Наивно-языковые представления о вежливости и обслуживающая их лексика // Языковая картина мира и системная лексикография / под ред. Ю.Д. Апресян. М.: Языки славянских культур, 2006. С. 241-404.
7. Левонтина И.Б. Пустое «вы» сердечным «ты» // О чём речь. М.: Издательство АСТ: CORPUS, 2016. С. 179–183.
8. Ляпун С.В. Этика газетного заголовка // Филология и журналистика в контексте культуры: материалы Всерос. науч. конф. Вып. 4. (Северо-Кавказские чтения / Рост. гос. ун-т). Ростов-н/Д., 1998. С. 48-49.
9. Пахомова И.Н. Новые явления в русском речевом этикете (на материале средств массовой информации): дисс. ... канд. филол. наук. М., 2008. 188 с.
10. Федосюк М.Ю. В каком направлении развивались стили русской речи XX века // Филология и журналистика в контексте культуры: материалы Всерос. науч. конф. Вып. 4. (Северо-Кавказские чтения / Рост. гос. ун-т). Ростов-н/Д., 1998. С. 3-4.
11. Формановская Н.И. Нужно ли русскому человеку отчество? // Русская речь. 2004. № 5. С. 67-76.
12. Чернейко Л.О. Культура речи в свете этики ответственности // Труды института Русского языка им. В.В. Виноградова. Вып. 2. М., 2014. С. 245-260.

13. Юй Исин. Современный русский речевой этикет: обращение, приветствие, прощание: магистерская диссертация. Пекин, 2015. 86 с.
14. Языкознание. Большой лингвистический словарь / гл. ред. В.Н. Ярцева. 2-е изд. М.: Большая Российская энциклопедия, 1998. 685 с.
15. Студопедия [сайт]. URL: http://studopedia.ru/10_231137_prodlolzhenie---.html (дата обращения 12.03.2017)
16. Знания.com [сайт]. URL: <http://znaniya.com/task/8279374>. (дата обращения: 28.10.2014)

REFERENCES

1. Balakai A.G. *Slovar' russkogo rechevogo etiketa: formy dobrozhelatel'nogo obkhozhdeniya: 6000 slov i vyrazhenii* [Dictionary of the Russian speech etiquette: forms of friendly handling: 6000 words and expressions]. 2nd ed., rev. & enl. Moscow, AST-PRESS Publ., 2001. 670 p.
2. Van Yanchzhen. *Izmenenie obshchestva i izmeneniya v russkom yazyke (SHekhui Byan'tsyan' Khe Eyui YUian' De Byan'khua)* [Changes in the society and changes in the Russian language (Shehui Barzani Hae EUI Ujani De Bianhua)]. Heylunczyan, Kheilontszyanskoe narodnoe Publ., 2008. 355 p.
3. Gol'din V.E. *Obrashchenie: teoreticheskie problemy* [Salutation: theoretical problems]. 2nd ed., rev. & enl. Moscow, URSS Publ., 2009. 136 p.
4. Kornilova E.E. Culture of TV speech. In: *Filologiya i zhurnalistika v kontekste kul'tury: materialy Vseros. nauch. konf. (Severo-Kavkazskie chteniya / Rost. gos. un-t)* [Philology and journalism in the context of culture: materials of All-Russian scientific conf. (North Caucasian readings / Rostov-on-Don State University)]. Rostov-on-Don, 1998, pp. 44–45.
5. Krongauz M.A. *Russkii yazyk na grani nervnogo sryva* [Russian language on the verge of a nervous breakdown]. Moscow, Astrel'; CORPUS, 2012. 480 p.
6. Krylova T.V. Naive linguistic conceptions of politeness and vocabulary that serves them. In: *Yazykovaya kartina mira i sistemnaya leksikografiya* [Language picture of the world and systematic lexicography / ed. by Yu. Apresyan. Moscow, Yazyki slavyanskikh kul'tur Publ., 2006, pp. 241–404.
7. Levontina I.B. The empty “you” by “you” from heart. In: *O chem rech'* [What are we talking about]. Moscow, AST CORPUS Publ., 2016, pp. 179–183.
8. Lyapun S.V. The ethics of a newspaper headline. In: *Filologiya i zhurnalistika v kontekste kul'tury: materialy Vseros. nauch. konf. (Severo-Kavkazskie chteniya / Rost. gos. un-t)* [Philology and journalism in the context of culture: materials of All-Russian scientific conf. (North Caucasian readings / Rostov State University)]. Rostov-on-Don, 1998, pp. 48–49.
9. Pakhomova I.N. *Novye yavleniya v russkom rechevom etikete (na materiale sredstv massovoi informatsii): diss. ... kand. filol. nauk* [New developments in the Russian speech etiquette (on the material of mass media): PhD thesis in Philological sciences]. Moscow, 2008. 188 p.
10. Fedosyuk M.YU. In what direction did the styles of the Russian language of the 20th century evolve. In: *Filologiya i zhurnalistika v kontekste kul'tury: materialy Vseros. nauch. konf. (Severo-Kavkazskie chteniya / Rost. gos. un-t)* [Philology and journalism in the context of culture: materials of All-Russian scientific conf. (North Caucasian readings / Rostov State University)]. Rostov-on-Don, 1998, pp. 3–4.
11. Formanovskaya N.I. *Nuzhno li russkomu cheloveku otchestvo?* [Do the Russians need a middle name?]. In: *Russkaya rech'* [Russian speech]. 2004, no. 5, pp. 67–76.
12. Cherneiko L.O. Culture of speech in the light of the ethics of responsibility. In: *Trudy instituta Russkogo yazyka im. V.V. Vinogradova. Vyp. 2.* [Proceedings of the Vinogradov Institute of Russian language. Iss. 2.]. Moscow, 2014, pp. 245–260.

13. Yui Isin. *Sovremennyyi russkii rechevoi etiket: obrashchenie, privetstvie, proshchanie: masterskaya dissertatsiya* [Modern Russian speech etiquette: handling, greeting, farewell: master's thesis]. Beijing, 2015. 86 p.
14. Yazykoznanie. *Bol'shoi lingvisticheskiy slovar'* [Linguistics. Large linguistic dictionary]. 2nd ed. M., Bol'shaya Rossiiskaya entsiklopediya Publ., 1998. 685 p.
15. Studopedia.ru. Available at: http://studopedia.ru/10_231137_prodlzhenie---.html (accessed 12.03.2017)
16. Znaniya.com. Available at: <http://znaniya.com/task/8279374>. (accessed 28.10.2014)
15. Studopedia.ru. Available at: http://studopedia.ru/10_231137_prodlzhenie---.html (accessed 12.03.2017)
16. Znaniya.com. Available at: <http://znaniya.com/task/8279374>. (accessed 28.10.2014)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Юй Исин – аспирант кафедры русского языка филологического факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова;
e-mail: yux-diana@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Yu Yixing – postgraduate student at the Department of the Russian language, Philology faculty, Lomonosov Moscow State University;
e-mail: yux-diana@yandex.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Юй Исин. Направление развития современного русского обращения // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2017. № 4. С. 58-67.
DOI: 10.18384/2310-7278-2017-4-58-67

CORRECT REFERENCE TO THE ARTICLE

Yu Yixing. The direction of development of the modern Russian salutation. In: Bulletin of Moscow Region State University. Series: Russian philology. 2017, no. 4, pp. 58-67.
DOI: 10.18384/2310-7278-2017-4-58-67

РАЗДЕЛ II. ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

УДК 82-311.6

DOI: 10.18384/2310-7278-2017-4-68-75

ЖЕНСКОЕ ЛИЦО НОВГОРОДСКОЙ ПОЛИТИКИ XV ВЕКА В ЛИТЕРАТУРНОМ И ИСТОРИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ Н.М. КАРАМЗИНА И Б. АКУНИНА*

Архангельская А.В.

*Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова
119992, Москва, ГСП-1, Ленинские горы, д. 1, Российская Федерация*

Аннотация. В статье рассматриваются приёмы создания женских образов в исторических и литературных сочинениях Н.М. Карамзина, связанных с темой вольного Новгорода, и Б. Акунина в связи с трактовкой темы утраты новгородской вольности в XV в., и делаются выводы о специфике исторического и литературного подхода к этой теме в творчестве писателей. Проведены параллели между сентименталистскими и постмодернистскими принципами изображения истории, спецификой трансформации литературной традиции в современной российской прозе.

Ключевые слова: Н.М. Карамзин, Б. Акунин, история, историческая литература, древний Новгород, Марфа Борецкая.

THE WOMAN OF NOVGOROD POLITICS OF THE 15TH CENTURY IN LITERARY AND HISTORICAL DISCOURSE OF N. KARAMZIN AND B. AKUNIN

A. Arkhangel'skaya

*Lomonosov Moscow State University
1, Leninskie gory, Moscow, 119991, Russian Federation*

Abstract. The article deals with the methods of creating female images in historical and literary works of N. Karamzin, connected with the theme of free Novgorod, and B. Akunin in interpretation of the theme of Novgorod's loss of liberty in the 15th century, and conclusions are drawn about the specifics of the historical and literary approach to this topic in the writings of writers.

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, проект № 15-04-00494 «Н.М. Карамзин: энциклопедический словарь».

© Архангельская А.В., 2017.

Parallels are drawn between the sentimentalist and postmodern principles of depicting history, the specific character of the transformation of the literary tradition in contemporary Russian prose.

Key words: N. Karamzin, B. Akunin, history, historical literature, old Novgorod, Martha Boretskaya.

Тема новгородской вольности занимает существенное место в русской литературе Нового времени. Екатерина II русская драматургия XVIII столетия обязана постановкой темы Вадима Новгородского, в дальнейшем реализовавшейся в демонстрации конфликта самодержавного и республиканского идеалов власти у Я.Б. Княжнина. Созданный Н.М. Карамзиным в повести «Марфа-посадница, или Покорение Новгорода» яркий женский образ Марфы Борецкой, защитницы новгородской вольности, приводит к появлению серии драматических версий этой яркой судьбы (достаточно вспомнить последовавшие практически сразу трагедии П.И. Сумарокова и Ф.Ф. Иванова с одноимённым карамзинской повести заглавием). Мы рассмотрим вариации женской темы новгородской вольности в сочинениях, отстоящих друг от друга на двести лет, но выполненных в рамках, как представляется, сходной авторской задачи. И Н.М. Карамзин, и Б. Акунин делают эту тему предметом и исторических, и литературных штудий, с одной стороны, обращаясь к ней в рамках масштабных исторических проектов, имеющих целью дать панорамную картину российской истории, с другой – подходя к ней как писатели. При этом следует отметить, что в научной литературе неоднократно обращалось внимание на то, что трактовка новгородской темы и образа главной героини Н.М. Карамзиным достаточно существенно отли-

чается в повести и «Истории» в связи с тем, что «“Историю государства Российского” писал историк, не имевший других побуждений, кроме как представить истину по Тациту – “без гнева и пристрастия”. Но, создавая повесть, которую хоть и назвал “исторической” и отметил своё знакомство с летописями, он выявлял себя как писатель и не считал нужным скрывать испытываемые им эмоции» [7, с. 20-21]. К тому же давала о себе знать и определённая временная дистанция, разделявшая эти два произведения не просто полутора десятилетиями – во многом эпохами. Акунинский (пока ещё не завершённый, но уже имеющийся четырьмя томами доведённый до конца XVII века, т. е. уже дальше того времени, до которого Карамзин доходит к 12-му тому, к 23-му году работы и к концу своей жизни) труд «История российского государства» и сопровождающий его литературный конвой – историческая сага «Огненный перст», в которую входит опубликованный в начале 2016 года роман «Вдовий плат», посвящённый последним годам новгородской вольности, – и пишутся, и публикуются параллельно, поэтому гораздо в большей степени являются попытками отразить событие, подход к трактовке которого автором не меняется, в разных дискурсивных средах, выявив таким образом ключевые моменты этого исторического периода. Оба автора, несомненно, выступают проводниками определённой истори-

ческой концепции, ориентируясь на разные способы как исследования рассматриваемого материала, так и донесения результатов исследования и концептуальных категорий до достаточно широких читательских кругов.

Повесть «Марфа-посадница, или покорение Новгорода» Н.М. Карамзин недаром начинает со вступления, в котором говорит об описываемых событиях именно в исторической перспективе: «Мудрый Иоанн должен был для славы и силы отечества присоединить область Новгородскую к своей державе: хвала ему! Однако ж сопротивление новгородцев не есть бунт каких-нибудь якобинцев: они сражались за древние свои уставы и права... Они поступили только безрассудно: им должно было предвидеть, что сопротивление обратится в гибель Новгороду, и благоразумие требовало от них добровольной жертвы» [5, с. 543-544]. Здесь доминируют критерии долженствования: Иоанн должен был присоединить – и присоединил, за что ему хвала, новгородцы должны были предвидеть, а оказались не благоразумны, но опрометчивы, и в этом не столько вина их, сколько трагедия. В этом же вступлении «издатель сей повести» даёт общую характеристику главной героине: «И летописи и старинные песни отдают справедливость великому уму Марфы Борецкой, сей чудной женщины, которая умела овладеть народом и хотела (весьма некстати!) быть Катонем своей республики» [5, с. 544]. Любопытно, что в этом коротком фрагменте мы дважды наблюдаем эмоциональные оценочные замечания, как бы «встречающие» в и без того усиленный эмоциональными эпитетами («мудрый Иоанн», «посту-

пили только безрассудно», «сей чудной женщины») текст, углубляя акценты: восклицание «хвала ему» оказывается адресованным «мудрому Иоанну», а «весьма некстати» усугубляет трагическую характеристику заглавной героини повести. Важно также отметить, что помещённая далее повесть приписывается «одному из знатных новгородцев», т. е. позиционируется как отражающая новгородскую точку зрения, однако отмечается, что «автор... даже и в душе своей не винил Иоанна», и это «делает честь его справедливости» [5, с. 544]. Более того, дальше следует ещё одна оценка характера Марфы, на этот раз как бы прочитанная издателем (человеком начала XIX века), точка зрения на героиню автора – современника и согражданина: «он видел в ней только *страстную* (курсив Карамзина. – А.А.), пылкую, умную, а не великую и не добродетельную женщину» [5, с. 544]. Таким образом, Марфа оказывается «чудной», «страстной», «пылкой», «умной», но «не великой» и «не добродетельной», и все эти качества ещё и противопоставляются Иоанновой мудрости – единственному и одновременно главному и определяющему расстановку сил качеству её противника и победителя. Т.А. Алпатова резонно заметила, что характеристика автора повести в результате оказывается парадоксальной: он ««справедливый» и в то же самое время пристрастный» [3, с. 542], хочется только подчеркнуть, что углубляет этот парадокс тот факт, что точкой приложения «справедливости» автора-новгородца оказывается московский государь Иоанн, а пристрастность оказывается направленной на Марфу, отстаивающую волю древнего Новгорода.

В VI томе «Истории государства Российского» Марфе Борецкой даётся иная характеристика: «жена гордая, честолюбивая... предприняла решить судьбу отечества. Хитрость, велеречие, знатность, богатство и роскошь доставили ей способ действовать на правительство. Народные чиновники сходились в её великолепном или, по тогдашнему, *чудном* (курсив Карамзина. – А.А.) доме пировать и советовать о делах важнейших» [4, с. 242]. Обращает на себя внимание, что в повести чудной была названа сама Марфа, а теперь этим же словом определяется её дом, говорится не об уме, но о хитрости, страстность и пылкость сменяются гордостью и честолюбием, а также подчёркивается, что возможности её были усилены богатством и знатностью рода. Мотивы Марфы Карамзин-историк ограничивает властолюбием и матримониальными исканиями. В дальнейшем деятельность сторонников Марфы оценивается почти исключительно негативно: «сыновья, ласкатели, единомышленники, окружённые многочисленным сонмом людей подкупленных» [4, с. 243] или «Борецкие превозмогли, овладели правлением и погубили отечество, как жертву их страстей личных» [4, с. 244]. Если в повести Карамзин, по справедливому утверждению Т.А. Алпатовой, «ставит... целью именно не превознести ту или иную политическую позицию, но представить их в целомном единстве» [3, с. 549], то в «Истории» отчётливо демонстрируется не борьба за древние вольности, но выбор между московской и литовской сторонами с явной и отчётливо негативной характеристикой последней. Это представление распространяется и на

характеристику новгородцев – сторонников партии Борецких: в повести они безрассудны и неблагоразумны, в «Истории» же – легкомысленны, ибо желают «мира с Москвою, думая, что Иоанн устрасится Литвы, не захочет кровопролития и малодушно отступится от древнейшего княжества российского» [4, с. 246]. Закономерным следствием оказывается перемена народного настроения («Народ рассуждал, что времена переменились; что небо покровительствует Иоанна и даёт ему смелость вместе со счастьем; что сей государь правосуден: карает и милует; что лучше спастися смирением, нежели погибнуть от упрямства» [4, с. 252]), измена сторонников («Знатные сановники видели меч над своею головою: в таком случае редкие жертвуют личную безопасность правилу или образу мыслей» [4, с. 252]) и презрение победителя Иоанна («Дав слово забыть прошедшее, великий князь оставил в покое и саму Марфу Борецкую и не хотел упомянуть об ней в договоре, как бы из презрения к слабой жене» [4, с. 254]). Обращает на себя внимание и тот факт, что, за исключением первоначальной характеристики, Марфа в основном тексте эпизода не удостоивается пристального внимания со стороны Карамзина-историка и лишь упоминается как один из членов семьи или партии.

Политическая концепция Б. Акунина, отразившаяся и в исторической, и в литературной трактовке темы падения древнего Новгорода, заключается в характеристике этого события как момента, когда «древняя вечевая республика потерпела поражение в борьбе с молодым государством диктаторского типа» [2, с. 48]. В перечне причин этого

события, наряду с экономической составляющей, обращается внимание и на то, что «государство, в котором не было единства и всякое решение принималось лишь после долгих споров и проволочек, не могло противостоять агрессии со стороны державы, управлявшейся по принципу военного лагеря» [2, с. 48]. Наконец, разделяя симпатию Карамзина к демократическим формам правления (цитата про доброжелательство «Республикам, основанным на коренных правах вольности» вводится при помощи показательного оборота: «как выразился тот же замечательный Карамзин» [2, с. 49]), Акунин пишет: «приходится признать, что в XV столетии наиболее эффективной государственной системой для Руси была самодержавная монархия постордынского типа» [2, с. 49]. Новгородская ситуация так же, как и в «Истории» Карамзина, характеризуется как выбор между Москвой и Литвой, но при этом позиционируется как точка, определившая будущий вектор развития всей страны: «От того, к какой Руси – восточной или западной – присоединится богатый новгородский край, зависело, вокруг какого центра будет собираться новое русское государство: Москвы или Вильно» [2, с. 51]. Таким образом, если у Карамзина новгородский эпизод рассматривается с позиций осознания необходимости расширения Москвы, то у Акунина трактуется как судьбоносный выбор, от которого на тот момент зависит последующий вектор развития государства и который роковым образом оказался сделанным в пользу Азии, а не Европы.

Рассказывая о военном этапе борьбы за Новгород, Акунин повторяет карамзинский тезис о легкомысленности

новгородцев, но привязывает эту характеристику к эпизоду ссоры жителей города с литовским военачальником Михаилом Олельковичем, после которой тот покинул Новгород вместе со своей дружиной, так что горожане лишились и военачальника, и профессиональных воинов [2, с. 52]. Наконец, даже сравнительная характеристика Иоанна и Казимира строится вокруг всё того же противопоставления «европейскости» «азиатчине»: «В данном случае проявилось одно из бесспорных преимуществ “ордынской” государственности: литовскому великому князю для похода требовалось заручиться поддержкой аристократии и просить денег на расходы; московскому великому князю было достаточно приказать» [2, с. 53].

В собственно историческом сочинении Акунина женская тема занимает не очень существенное место в этом эпизоде. Марфу Борецкую писатель называет, «пожалуй, самой яркой женщиной русского средневековья» [2, с. 50], именно её влиянию и сильным лидерским качествам однозначно приписывает временное поражение промосковской партии в Новгороде в 1460-е годы, отмечает существенные пробелы в реконструкции её биографии и сосредотачивается исключительно на фактах (происхождение, семья, мужа, дети, попытка провести своего кандидата в архиепископы в 1470 году и ведение переговоров «с Казимиром IV о присоединении Новгорода к Великому княжеству Литовскому с сохранением автономии, прав и привилегий республики», в результате которых «был подписан союзный договор, гарантировавший Новгороду военную помощь» [2, с. 50]). Отмеча-

ется, что «двумя другими активными фигурами антимосковской оппозиции тоже были женщины, боярские вдовы Анастасия и Евфимия» [2, с. 50]¹.

Именно этот «женский триумvirат» оказывается в центре внимания в романе «Вдовый плат», представляющем собой литературную версию этих же событий. Характеристику этим трём женщинам даёт в первой главе романа московский наместник Семён Борисов в разговоре с великим князем Иваном III: «Там (в Новгороде. – А.А.) сейчас говорят: Земля на трёх великих китах стоит, а Новгород – на трёх великих жёнках. Одна – Марфа Борецкая, другая – Настасья Григориева, третья – Евфимия Горшенина. Это они между собой решают, кому выбираться в степенные, что решать вечно, куда Новгороду поворачивать – к Москве или к Литве. У каждой жёнки своё прозвище. Марфу зовут Железной, потому что она как топором рубит. Настасью – Каменной, она крепче стены стоит. Евфимию – Шелкувой. Эта обхождением ласкова, стелет мягко, но удавку на шею накинёт – дух вон» [1, с. 16-17]. Таким образом, озвученная в «Истории» идея о том, что причиной падения Новгорода являлось в том числе отсутствие внутреннего единства, усиленное стратегической

операцией Ивана III («Сначала он в открытый конфликт не вступал, подрывал республику изнутри, раскалывая новгородское общество» [2, с. 49]) в романе изображается через женский (т.е. максимально непримиримый) конфликт, усиленный вмешательством московского великого князя, ведущего интригу на раскол новгородского общества именно через женщин, умеющего этим конфликтом воспользоваться и поставить себе на службу: «Она поможет вычистить Новгород от лютых моих врагов, добела. А как покончим с врагами, возьмусь и за тамошних друзей. Самодержцу друзья не нужны, нужны слуги. У новгородцев кровь, вольностью отравленная. Это не вылечить. Надо их породу под корень» [1, с. 236].

В отличие от Карамзина, сосредоточившего своё внимание на Марфе Борецкой – главной героине летописных рассказов о последних годах новгородской вольности, Акунин делает главной героиней своего романа Настасью Григориеву. Это, очевидно, предоставляет ему большую свободу (хотя, как видно из первой повести исторического цикла, писатель-постмодернист достаточно свободно обращается и с киевским князем Кьем, и с варягом Рориком и его свойственником Хельги, а из последней на сегодняшний момент – что его не смущает и фигура Ивана IV Грозного, но всё же по большей части Акунин предпочитает делать главными героями своего повествования второстепенных либо вымышленных персонажей русской истории).

Таким образом, можно заметить, что исторический (научный / публицистический) и литературный дискурс позволяют писателям продемонстри-

¹ Здесь имеются в виду боярыня Анастасия, вдова Ивана Григорьева, и Евфимия, жена посадника Андрея Горшково. Анастасия Григорьева («богатая Настасья») упоминается как участница «заговора больших и житых людей», её «велено было схватить наряду с другими делателями смуты» [6, с. 52.]; в 1475 г. Иван III, приехав в Новгород, посетил её дом (не удостоив этой чести дом Марфы Борецкой). Про Евфимию Горшкову сведения чрезвычайно скудны, источники ограничиваются лишь её упоминанием в контексте новгородского женского триумvirата начала второй половины XV в.

ровать разные стороны события, осветить аспекты, на которые важно обратить преимущественное внимание читателя, задать определённую схему восприятия обстоятельств, контекста, действующих лиц и т. д. При этом для Карамзина всё-таки характерно движение от литературы к истории, в связи с чем его литературные опыты на исторические темы достаточно часто трактуются как своеобразные «пробы пера», подступы к главному делу всей его жизни – «Истории государства Российского». Для Акунина

взаимодействие разных дискурсивных пластов – главная идея его постмодернистского проекта по популяризации отечественной истории в широких читательских кругах и одновременно способ привлечь внимание к полифонии Истории. Н.Я. Эйдельман отмечал в своё время, что после Карамзина – в середине XIX века – история и литература принципиально (и, казалось, окончательно) разошлись, но в начале века XXI-го, на новом уровне осмысления исторического прошлого, они снова встретились.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Акунин Б. Вдовий плат. М., 2016. 304 с.
2. Акунин Б. Между Азией и Европой: История российского государства: От Ивана III до Бориса Годунова. М., 2016. 384 с.
3. Алпатова Т.А. Проза Н.М. Карамзина: поэтика повествования. М., 2012. 560 с.
4. Карамзин Н.М. История государства Российского. В 6-ти кн. Т. V-VI. М., 1993. 432 с.
5. Карамзин Н.М. Сочинения. В 2-х тт. Т. 1. Л., 1984. 672 с.
6. Пушкирева Н.Л. Женщины Древней Руси. М., 1989. 286 с.
7. Фризман Л.Г. . Марфа-посадница в русской литературе // Известия РАН. Серия литературы и языка. 2014. Т. 73, № 2. С. 20–33.
8. Эйдельман Н.Я. Последний летописец. М., 1983. 176 с.

REFERENCES:

1. Akunin B. *Vdovii plat* [Widow's blanket]. Moscow, 2016. 304 p.
2. Akunin B. *Mezhdru Aziei i Evropoi: Istoriya rossiiskogo gosudarstva: Ot Ivana III do Borisa Godunova* [Between Asia and Europe: History of Russia: From Ivan III to Boris Godunov]. Moscow, 2016. 384 p.
3. Alpatova T.A. *Proza N.M.Karamzina: poetika povestvovaniya* [Prose of N. Karamzin: the poetics of narrative]. Moscow, 2012. 560 p.
4. Karamzin N.M. *Istoriya gosudarstva Rossiiskogo. V 6-ti kn. T. V–VI* [History of the Russian state. In 6 books. Vol. V–VI]. Moscow, 1993. 432 p.
5. Karamzin N.M. *Sochineniya. V 2-kh tt. T. 1* [Works. In 2 vols. V. 1]. Leningrad, 1984. 672 p.
6. Pushkareva N.L. *Zhenshchiny Drevnei Rusi* [Women Of Ancient Russia]. Moscow, 1989. 286 p.
7. Frizman L.G. Martha-Governor in Russian literature. In: *Izvestiya RAN. Seriya literatury i yazyka. T. 73*. [Russian Academy of Sciences News. Series of literature and language. Vol. 73]. 2014, no. 2, pp. 20–33.
8. Eidel'man N.YA. *Poslednii letopisets* [The last chronicler]. Moscow, 1983. 176 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Архангельская Анна Валерьевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры истории русской литературы филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова;
e-mail: arhanna@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Anna V. Arkhangelskaya – PhD in Philological sciences, associate professor at the department of the history of the Russian literature of the philological faculty of Lomonosov Moscow State University;
e-mail: arhanna@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ:

Архангельская А.В. Женское лицо новгородской политики XV века в литературном и историческом дискурсе Н.М. Карамзина и Б.Акунина // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2017. № 4. С. 68-75.
DOI: 10.18384/2310-7278-2017-4-68-75

CORRECT REFERENCE TO THE ARTICLE

A. Arkhangelskaya. The woman of Novgorod politics of the 15th century in literary and historical discourse of N. Karamzin and B. Akunin. In: Bulletin of Moscow Region State University. Series: Russian philology. 2017, no. 4, pp. 68-75.
DOI: 10.18384/2310-7278-2017-4-68-75

УДК 821.111(73)

DOI: 10.18384/2310-7278-2017-4-76-86

ОТ МАРКСИЗМА К ЭКЗИСТЕНЦИАЛИЗМУ: ТВОРЧЕСТВО РИЧАРДА РАЙТА 1940-1950-Х ГГ. В КОНТЕКСТЕ ВЛИЯНИЯ САРТРА И КАМЮ

Егорова Е. Г.*Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова**119192, Москва, Ломоносовский проспект, д. 31, к. 1, Российская Федерация*

Аннотация. В статье рассматривается эволюция мировоззрения и творческой манеры Р. Райта: переход от увлечения коммунизмом и марксизмом к экзистенциализму, роль знакомства с Ж.-П. Сартром и А. Камю, их творчеством и философскими взглядами. Раскрывается специфика генезиса экзистенциализма в афро-американской литературе, вырастающего из «романа протеста» (protest novel); в этой связи анализируется роман Р. Райта «Сын Америки» (Native Son, 1940) как произведение, переходное от социальной прозы Райта к философской экзистенциалистской прозе 1940-1950-х гг. Особое внимание уделяется творческой истории романа Р. Райта «Аутсайдер» (1953) и проблеме переключек между этим романом Райта и романом А. Камю «Посторонний».

Ключевые слова: Ричард Н. Райт, А. Камю, Ж.-П. Сартр, французский экзистенциализм, афро-американская литература, американо-французские литературные связи.

FROM MARXISM TO EXISTENTIALISM: THE CREATIVITY OF RICHARD WRIGHT IN 1940-50S, IN THE CONTEXT OF INFLUENCE OF JEAN-PAUL SARTRE AND ALBERT CAMUS

E. Egorova*Lomonosov Moscow State University**31, Bld. a, Lomonosov str., Moscow, 119192, Russian Federation*

Abstract. The article explores the evolution of Richard Wright's worldview and his creative manner during the period of his ideological shift from Communism to existentialism, prompted by his contacts with Jean-Paul Sartre and Albert Camus, their work and philosophical views. The author reveals the peculiar features of the genesis of existentialism in African-American literature, emerging from the "protest novel"; in this connection, R. Wright's novel "Native Son" (1940) has been analysed as the work transitional from his social prose to the philosophical existential prose of 1940-1950s. Special attention has been given to the creative history of R. Wright's novel "The Outsider" (1953) with a focus on its interconnections with "L'Étranger" by A. Camus.

Key words: Richard N. Wright, A. Camus, J.-P. Sartre, French existentialism, African-American literature, American-French literature links.

Афро-американский прозаик Ричард Натаниэл Райт принадлежит к тому же поколению, что и французские писатели-экзистенциалисты: он на три года моложе Сартра и на пять лет старше Камю. Райт родился 4 сентября 1908 г. на плантации под Натчезом в штате Миссисипи, детство провёл в столице штата Джексоне, рос без отца (типичная ситуация для южной негритянской семьи). Не закончив среднюю школу, начал работать, чтобы помогать матери и брату. В 1927 г. переехал в Чикаго, работал рассыльным, мойщиком посуды и занимался самообразованием. В 1932 г. стал членом клуба Джона Рида, а в 1933 г. вступил в компартию. Его «роман с коммунизмом» длился до конца 1930-х; на исходе «красного десятилетия» нарастает его разочарование в партии. Компартия закрывает журнал **«Left Front»**, несмотря на протесты его редактора – Райта. Затем Райт попадает в унижительную ситуацию, когда в 1937 г. один из нью-йоркских коммунистов приглашает его жить к себе, но, как выяснилось вскоре, не из дружеских чувств, а чтобы бросить вызов расистски настроенному квартирному хозяину. Этот автобиографический материал будет использован Райтом в романе «Аутсайдер» (**«The Outsider»**, 1952). В Нью-Йорке в 1937 г. Райт пытается укрепить свои связи с коммунистами: он сотрудничает с **«Daily Worker»**; его сборник рассказов «Дети дяди Тома» (**«Uncle Tom's Children»**, 1938) встречает одобрение коммунистов. Однако с начала 1940-х гг. Райт окончательно понимает, что с коммунистами ему не по пути, и в 1942 выходит из партии. Рубежным произведением, обозначившим момент перелома и началом превращения Рай-

та из писателя-коммуниста в писателя-экзистенциалиста стал роман «сын Америки» (**«Native Son»**, 1940).

С этим романом, который стал главным произведением Райта, связана поистине детективная история. Роман делится на три части – «Страх» (Fear), «Бегство» (Flight), «Судьба» (Fate). История чернокожего юноши Биггера Томаса, жителя чикагского гетто, совершившего два убийства, поражает сходством с романом А. Камю «Посторонний» (1942). Однако, несмотря на поразительные схождения между «Сыном Америки» и «Посторонним», на данный момент считается точно установленным, что Камю и Райт ничего не знали друг о друге, и любые моменты влияния здесь исключены. Роман Райта был написан за два года до романа Камю и за семь лет до того, как Райт прочёл «Постороннего» в августе в 1947 года. Тогда и самого Райта поразило почти дословное совпадение мыслей, высказанных Камю, с теми, которые он вложил в уста своего «сына Америки» Биггера Томаса шесть лет назад.

«Сын Америки» наглядно демонстрирует, как негритянский вариант американского экзистенциализма «прорастает» из социальной реальности, в которой живёт чёрный американец – постоянное пребывание в «пограничной ситуации», в агрессивной среде, неизменное чувство опасности, тревога, страх, вина, комплекс жертвы, легко оборачивающийся комплексом мстителя / палача, ненависть и отвращение к себе, которые проецируются на других.

Если до начала 1940-х Райт был стихийным экзистенциалистом, то после расставания с коммунистами, начина-

ется «воспитание экзистенциалиста». Интерес Ричарда Райта к экзистенциализму, как и его эмиграция во Францию в 1946 г. получили негативную оценку американской литературной критики при жизни писателя, Райта обвиняли в слепом следовании интеллектуальной моде, вторичности и искусственности экзистенциалистских тем и мотивов как не имеющих ничего общего с жизнью негров в США, в его творчестве конца 1940-1950-х гг. Достаточно просмотреть, например, рецензии, во множестве выходившие в прессе в 1953 г. на роман «Аутсайдер», – в «New York Times Book Review» (22 марта), «The Saturday Review» (11 апреля), «New York Herald Book Review» (3 мая) и мн. др. В 1960-1970-е гг. возникла обратная реакция – Райт был признан прирождённым экзистенциалистом [9], причём влияние на него французского экзистенциализма (Сартр, Симона де Бовуар, Камю) было явно преувеличено, в то время как роль немецких философов (Ясперс, Хайдеггер) и «прото-экзистенциализма» Достоевского, Кьеркегора, Ницше столь же явно недооценивалась.

Между тем, движение Райта к экзистенциализму начинается именно со знакомства с сочинениями Ясперса, Хайдеггера, Кьеркегора, а также Ницше и Достоевского. В начале 1940-х за «Сыном Америки» последовали повесть «Человек, который жил под землёй» («The Man Who Lived Underground», 1942, полная версия – 1944), построенная на кьеркегоровско-ясперсовских идеях и на мотивах, восходящих к Достоевскому (уже название повести указывает на «Записки из подполья»). Затем последовала беллетризованная автобиография «Чёр-

ный» («Black Boy», 1945) – драма взросления и становления самосознания в мире жестокости и насилия, абсурда, угнетения; страх, агрессия, опасность, вина предстают как константы и основные составляющие существования чёрных в Америке.

В это время Райт тесно общается с Р. Эллисоном, и они часто говорят об экзистенциализме, особенно о Хайдеггере и Кьеркегоре. Райта и Эллисона волнуют те же вопросы, которые поднимаются в сочинениях экзистенциалистов: свобода и выбор, ответственность интеллигенции, защита гуманистических ценностей, индивидуализм и солидарность. Эллисон в 1945 г. послал Райту номер журнала «Horizon» со статьёй о современных литературных течениях во Франции и в своих письмах первой половины 1940-х гг. привлекал его внимание к достижениям французских экзистенциалистов, особенно Мальро и Сартра, а также к драматургии и театральным постановкам, делавшимся в условиях оккупации [6], [7]. Райт, который на тот момент уже хорошо представляет себе идеи немецких философов-экзистенциалистов и Кьеркегора, стремится вникнуть во французский экзистенциализм.

Знакомство Райта с французским экзистенциализмом произошло в середине 1940-х гг. – в тот самый момент, когда, разочаровавшись в коммунизме и разорвав свои связи с компартией, Райт оказался в «идеологическом вакууме», который усугублялся неприятием возникавших после второй мировой в США реалий общества потребления. Об этом свидетельствует, во-первых, его автобиографическое эссе «Я пробовал быть коммунистом»

(«I Tried to Be a Communist», 1944), где ставятся вопросы индивидуальной воли и коллектива (партии), морали в политике; во-вторых, переписка с Гертрудой Стайн в первой половине 1940-х: она ясно показывает отвращение Райта к консьюмеризму и материализму, которые Г. Миллер назвал «кондиционированным кошмаром» (air conditioned nightmare), а идеолог феминизма Бетти Фридан – «уютным концлагерем» (comfortable concentration camp).

В 1945 г. Райт посещает Париж, а в 1946-м эмигрирует во Францию вместе с семьёй. В 1947 он получает французское гражданство. В это время он штудировал работы Гвидо де Руджьеро («Экзистенциализм», 1946), Жана-Андре Валя («Краткая история экзистенциализма», 1949). С середины 1940-х гг. он следит за публицистикой Сартра, Симоны де Бовуар и Камю, тем более, что каждый из них побывал в США с лекциями и выступлениями и говорил о своём понимании современной ситуации в Европе и Америке – Сартр и Симона де Бовуар – в январе 1945, Камю – с марта по май 1946 г. Райт читает Сартра в английских переводах, особенно «Экзистенциализм – это гуманизм» и «Психология воображения» (перевод «Бытие и ничто» появился только в 1957 г., и Райт недостаточно знал французский, чтобы освоить трактат в оригинале). Метафизика Сартра, тем самым, оставалась для него неясной и не играла большой роли в отличие от эссеистики («Что такое литература?», «Антисемит и еврей»), художественной прозы («Дороги свободы», «Интим»), пьес, которые были созвучны проблематике, разрабатывавшейся Райтом [3].

Райт познакомился с Сартром через свою подругу, журналистку «New York Post» Дороти Норман. Вначале Сартр показался ему человеком закрытым и необщительным; но это впечатление быстро сменилось восхищением и чувством сродства душ. Искреннее и немного наивное преклонение перед интеллектом Сартра звучит в статье «Искусство и действие» – предисловии Райта к «Респектабельной шлюхе», которое представляло пьесу американской публике.

Райт принимает участие в политических акциях французских экзистенциалистов под знаменем РДР (Ressemblément démocratique révolutionnaire) в 1946-1952 гг. и сотрудничает с группой «Temps Modernes». Активизм и знакомство с опытом Сартра-романиста укрепляют решение Райта попробовать себя в качестве *romancier a thuse*. Работу над новым романом он начал ещё до своей поездки в Париж 1945 г. В первых набросках появляется главный герой – Кросс Дэмон, почтовый клерк из Чикаго, который загнан в угол жизненными обстоятельствами, удручён рутинной существования, полон страха и отвращения – почти как Рокантен с его «тошнотой» и отвращением к липким, вязким существованиям. Однако довольно быстро Райт понимает, что *roman a thuse* неорганичен его писательскому темпераменту. После чтения «Постороннего» Камю в 1947 году Райт меняет поэтику своего романа, прежде всего, стремясь к занимательности – оживляет сюжет, создавая криминально-политический триллер с элементами детектива, а также к интимности и исповедальности, пробуя вести повествование от лица героя (в окончательном варианте Райт вернётся к повествованию от автора).

О Камю Райт впервые услышал весной 1946 г., вскоре после знакомства с Сартром. В 1946 г. в апрельском номере журнала «Twice a Year» (редактором которого была Дороти Норман) он прочёл перевод лекции Камю «Кризис человека» («Human Crisis»), с которой тот выступил в Америке 28 марта 1946 г. Взгляды, которые высказывает здесь Камю, отличаются мрачным пессимизмом, хотя в финале и содержится призыв к лучшему в человеке и человечестве. Камю остановился на очевидных симптомах кризиса гуманизма. Выступая в Америке, Камю, вопреки обыкновению, не говорил о дегуманизирующем воздействии войны, а предпочёл говорить о подмене целей и ценностей, ориентированных на человека, материализмом, стремлением к успеху и процветанию. Тема эта сама по себе была не нова – французские интеллектуалы обвиняли американское общество в материализме и в 1920-е, и в 30-е годы. Однако Райт был поражён тем, как созвучны его собственным мыслям и чувствам идеи и эмоциональная доминанта лекции Камю, в которой он преподносил консьюмеризм и материализм как главное зло современности, как удел современного человека и проводил параллель между обществом потребления и тоталитаризмом.

В 1946 г. Райт и Камю по-разному оценивали политику. Осудив фашизм и коммунизм, Райт, тем не менее, как и Сартр, и Симона де Бовуар, полагал, что политика предоставляет возможность для деятельности и самовыражения личности, – и это убеждение побудило его участвовать в РДР. Камю отводил политике гораздо более скромную роль и утверждал, что она не имеет ничего общего с внутренним миром.

Позже, в самом конце 1950-х, Райт пересматривает своё отношение к политике. В рецензии на роман Мишеля дель Кастильо «Лишённые наследства» (1958) Райт пишет: «Кто не согласится с тем, что чувство, будто тебя лишили наследства, по большей части не связано с политикой, что политика – всего лишь временное средство, что марксизм – лишь паллиатив в ожидании точного диагноза, что коммунизм – нелёгкий компромисс, искажённо и неполно определяющий человека?» [11, p. 22]

Знакомство с идеями Камю сыграло в этой переоценке ценностей важную роль. Уже в конце 1940-х Райт откликается на мысли Камю о политике, поскольку он уже видит в коммунизме и обществе потребления «зоны отчуждения», навязывающие «урезанное» определение человека. Мысли и тон публикаций Райта и Камю, напечатанных в рубрике «Искусство и действие» («Art and Action») в журнале «Twice a Year», поразительно схожи. В письме главному редактору журнала Дороти Норман Райт пишет: «Правые и левые, каждые со своей стороны, приходят к выводу, что человек – животное, чьи потребности можно удовлетворить за счёт увеличения предметов потребления... Предполагается, что, если у всех будет полно еды и набитые желудки, это и будет мир довольства и свободы, а тех, кто будут недовольны таким режимом, обвинят в предательстве. Это печально. Все мы – соучастники этого преступления. Неужели слишком поздно пытаться остановить это, пытаться что-то изменить?» [12, p. 73]

Рядом в журнальной рубрике была помещена статья Камю «Мы тоже убийцы» («We Too Are Murderers»),

которая начинается так: «У нас нет будущего, нынешний мир не предлагает ничего, кроме смерти и молчания, войны и ужаса – и это факт. Однако мы не обязаны это терпеть, поскольку мы знаем, что жить стоит во имя любви, разума, красоты, что человек стремится к этому, но, чтобы добиться этого, нужно время. И это тоже факт» [2, р. 74].

Хотя эти тексты оказались рядом, созданы они были в разное время. Статья Камю, впервые опубликованная во «Franchise» в 1946 г., во многом продолжает темы, поднятые в лекции «Кризис человека». Письма же Райта к Дороти Норман от 9 марта 1948 г. изначально не предназначались для публикации и не являются «комментарием» к статье Камю. Однако именно на период 1947-1952 гг. приходится пик интереса Райта к Альберу Камю. Райт прочёл «Постороннего» (август 1947), «Калигулу» (в том же 1947-м), в 1948-м – «Чуму». Это как раз то время, когда Райт работает над философским романом «Аутсайдер».

В романе «Аутсайдер» оппоненты Кросса Дэмона – фашист Херндон и коммунисты Джил Блаунт, Джек Хилтон – отрицают индивидуальные потребности, чувства, стремления, ратуя за политическое, тоталитарное мышление. Поиск главного героя нацелен на открытие или сотворение заново индивидуальных, личных представлений, норм и ценностей; в совсем отрицании общих, тотальных, обезличенных социальных норм он идёт до предела, до логического конца.

«Метафизический эгоизм» Кросса коренится как в его личных обстоятельствах (особенности душевного и интеллектуального склада, запутан-

ные отношения с женщинами – матерью, женой, несовершеннолетней любовницей, друзьями и коллегами), так и в социальных условиях (расовая принадлежность, которая ставит его в положение аутсайдера и диктует неприятие американских ложных ценностей – материализма и консьюмеризма). Пройдя «искушение коммунизмом», он открывает то, что Камю называет «абстракцией» – авторитарность, полное отрицание индивидуальности; однако за этой абстракцией кроется ницшевская воля к власти, обладание которой дарит чувственное наслаждение, столь всепоглощающее, что с ним не сравнится даже наслаждение сексуальное. Мир, который предстаёт перед Кроссом, – это мир без Бога и без морали, в котором человек, лишённый той защиты, которую дают общечеловеческие ценности и нормы, не верит ни во что – только в самого себя.

Взгляд в духе Камю на человека как «ни доброго, ни злого» и лишённого ценностей объясняет путь Кросса Дэмона, который может стать жертвой или палачом, не желая быть ни тем, ни другим. Идеи Камю проливают свет на заключительную сцену романа, когда умирающий Кросс с ужасом признаётся Хьюстону, что не чувствует вины. Как и Мерсо, Кросс не способен на раскаяние, ему незнакомы угрызения совести. Он невинен, потому что не несёт ответственности за «удел человеческий», за то, что мир абсурден и человек в нём ничего не значит.

Э. Марголис, сравнивая главных героев Райта и Камю, отмечает, что «оба убивают бесстрастно, обоих оставляет равнодушными смерть матери, оба, очевидно, должны демонстрировать

моральный и эмоциональный крах нашего века» [5, р. 135].

На замысел экзистенциалистского романа Райта действительно сильно повлияло знакомство с романом «Посторонний», который Райт прочёл в августе 1947 г. Райт прочёл американское издание «Постороннего», восхищаясь отличной прозой и мастерством повествователя. 7 августа 1947 года он записывает в дневнике: «Чистая работа, но совершенно бесстрастная. Он чётко и доходчиво выражает свою точку зрения, это плотная и добротная проза. В Америке такая книга не привлекла бы особого внимания; сочли бы, что в ней недостаёт чувства. Однако главный персонаж нарисован очень хорошо. Самое интересное в этой книге – использование художественной прозы для выражения философской точки зрения. Ему это легко удаётся. Хочу прочесть, что он ещё написал» [4, р. 175].

Райт обращает внимание на то, как уверенно и искусно использует Камю роман (художественную прозу) для выражения философских идей – он попытается соединить повествование и послание (*narrative and message*) в «Аутсайдере», но гораздо менее успешно: беседы, споры и монологи на политические и философские темы воспринимаются как философско-дидактические отступления, вторжение эссеистики в «тело романа». Отмечая «бесстрастие» «Постороннего», Райт имеет в виду не характер Мерсо, а манеру повествования, лишённую теплоты и эмоциональности. Однако протагонист Райта Кросс Дэмон сочетает холодный аналитический ум со страстностью натуры, он часто действует импульсивно, под влиянием порыва,

неудержимого желания или сильной эмоции и этим разительно отличается от Мерсо с его «экзистенциальной индифферентностью». Повествование у Райта также не является «холодным», «отстранённым» – и это объясняется не столько стремлением удовлетворить запросы американского читателя, сколько темпераментом Райта как писателя, которому органически необходимы страстность и эмоциональность для того, чтобы вести повествование. Райт воздействует на читателя в том числе и методом «психического заражения», эмоционально втягивая его в свой романный мир. По прочтении «Постороннего» Райт почувствовал необходимость писать задуманный роман от первого лица, вести рассказ от имени Кросса Дэмона – так сильна была его противоположная интенция: «недостаёт остроты, мучительной непосредственности, которую сможет дать повествование от первого лица» – записывает он 7 августа 1947 г. [4, р. 175]. Чтение «Постороннего» заставляет Райта острее осознать сходство философских идей и отличие своего писательского темперамента, особенности своего индивидуального стиля. Однако идея сменить повествование от автора на рассказ от первого лица осталась неосуществлённой: Райт не смог радикально поменять привычную повествовательную стратегию.

Влияние «Постороннего» особенно сильно ощущается в описании отношений Кросса с его матерью. В то же время фрейдистские компоненты, внесённые и акцентированные Райтом, делают отношения матери и сына личностно окрашенными, эмоциональными и мучительно-надрывными. Непонимание, комплекс любви-ненависти,

которые связуют-разделяют Кросса и его мать, отличаются от метафизической отчуждённости и эмоциональной отдалённости героев Камю.

Как сходство, так и отличие заметны и в сюжете романа. Как и у Камю, у Райта показаны отношения героя с его окружением, коллегами, женщинами, матерью, убийства, совершённые им, расследование; однако сюжет «Аутсайдера» не отличается стройностью и классической простотой, как сюжет «Постороннего»; в романе Райта слишком ощутимы мелодраматизм и риторичность, а также ангажированность, отсутствующие у Камю.

На обложке первого издания «Аутсайдера» Райт поясняет, что его герой мог принадлежать любой расе, что автор старался передать своё ощущение современного бытия, как он его видит и понимает. Тем не менее, расовая проблематика значимо присутствует в его романе, а первая, «чикагская», часть явно напоминает натуралистические зарисовки Саут Сайда в «Сыне Америки»; показывается, что герой сталкивается с унижениями на расовой и гендерной почве (запутанные отношения с матерью, женой и любовницей загоняют героя в угол), денежными проблемами и переживает распад семьи, родственных и супружеских отношений. На втором месте оказывается участие в политике и протест героя против манипуляций, авторитарности и тоталитаризма. Только на третьем месте оказывается метафизический бунт героя. Это дало основание М. Фабру констатировать, что «мотивации и поведение Мерсо воспринимаются как более современные и знаковые, по сравнению с Дэмоном» [4, p. 172].

В американской критике нередко подчёркивается нереалистичность «Аутсайдера», поскольку поведение Кросса Дэмона недостаточно мотивировано. Однако немотивированность убийств, которые совершает герой, как раз указывает на сближение Райта с французским экзистенциализмом, на характерный мотив взаимосвязи между свободой и желанием убить. Навязчивое влечение Кросса к насилию сходно с тем, которое описано Райтом в более ранних романах «Сын Америки» и «Чёрный». Однако у Биггера ненависть и насилие направлены вовне, на других; самого героя насилие не разрушает, а, напротив, созидает, становится основанием, на котором созидается новая личность; ничем не ограниченная свобода Кросса приводит к тому, что его ненависть к другим трансформируется в ненависть к себе и оборачивается саморазрушением. В отличие от знаменитого сартровского «ад – это другие», герой Райта мог бы сказать «ад – это я»; эту тему он последовательно развивал начиная с повести «Человек, который жил под землёй» (1942) ещё до знакомства с французским экзистенциализмом. Если в военные и послевоенные годы французский экзистенциализм озабочен проблемой восстановления коммуникаций, норм и морали, Дэмон идёт путём отрицания всех социальных и моральных норм. Взгляд Дэмона на мир ещё более мрачно-пессимистичный и индивидуалистичный, чем у Мерсо; очень по-американски Дэмон понимает чувственное влечение как демоническое начало; это открытая дверь в ад. Хотя Дэмон символически расправляется с тоталитаризмом (убивая убеждённого фашиста и убеждён-

ного коммуниста), обнаруживает родственную душу в окружном прокуроре Хьюстоне и даже находит любовь, однако ему так и не удаётся преодолеть пропасть между «я» и другими; это доказывает самоубийство Евы, узнавшей жуткую правду о своём возлюбленном. Как и Мерсо, Дэмон перед смертью не испытывает раскаяния, чувства вины. Но если Камю утверждает, что наша жизнь принадлежит другим, а смерть – нам самим, то Дэмон не в силах распорядиться и своей смертью.

Итак, Райта и Камю сближает их видение современной цивилизации, балансирующей между сходящимися крайностями тоталитаризма и консьюмеризма, их понимание ответственности и миссии художника. Что касается отличий, то, помимо расового момента, Райта и Камю различает отношение к политике и писательский темперамент: здесь Райт ощущал, что ему гораздо ближе Сартр. Ещё одна запись в дневнике Райта от 7 августа 1947 г. гласит: «Всё-таки что-то в этом Камю меня беспокоит. Может быть, это от того, что он в первую очередь художник – в отличие от Сартра и де Бовуар, для которых это не главное» [4, p. 175].

Райт чувствует, что Сартр, де Бовуар и он сам не способны достичь такого эстетического совершенства, какое поражает в «Постороннем» Камю. Возможно, Райт сожалеет об этом, но чувствует, что изменить свою авторскую индивидуальность он не может. Что же касается личного знакомства, то Райт познакомился с Камю сразу по переезде в Париж, однако близкой дружбы не получилось. Настороженное отношение, которое зафиксировано в дневнике Райта, касалось не только отношения к творчеству, но

и отношения к личности их автора. Не сближаясь с Камю, Райт время от времени сотрудничал с ним – до того времени, когда Камю в 1954 г. поддержал французскую общину в Алжире во время алжирской войны. Райт воспринял это как проявление расизма, как поддержку колониализма. После 1954 г. Камю и Ричард Райт больше не встречались.

Разрыв Райта с коммунистами, его движение от марксистских убеждений к экзистенциализму вкупе с выбором им судьбы экспатрианта – тема, которая продолжает занимать умы исследователей, как американских, так и российских. Примером тому могут послужить глава о Райте в новой академической «Истории литературы США» [1] или сравнительно недавняя монография Алана Уолда, знаменитого американского историка левого движения в Соединённых Штатах [8]. Как в классических, так и в новейших работах о Райте внимание авторов приковывает сложная диалектика его движения от прозы в духе «красных тридцатых» к философской прозе второй половины 1940 – начала 1950-х гг. Как ни парадоксально на первый взгляд, но у райтовского раннего «романа протеста» (*protest novel*) и зрелого идейно-философского романа (*roman a thèse*) есть существенная общая черта, а именно: идеологическая заданность. Смена ориентиров не изменила природы дарования Райта: он остаётся писателем-идеологом. Очевидно также, что в этой смене мировоззренческих установок Райта немалую роль сыграло не только его послевоенное знакомство с европейскими властителями дум, но и тот потенциал, который уже был заложен в его прозе в конце 1930-х гг.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Башмакова Л.П. Ричард Натаниэль Райт // История литературы США: В 6 т. Т. VI. Кн. 2. М.: ИМЛИ РАН, 2013. С. 595-640.
2. Camus A. *We Too Are Murderers* // *Art and Action* / ed. by D. Norman. New York: Twice a Year Press, 1948. pp. 74-75.
3. Fabre M. Richard Wright and the French Existentialists // *MELUS*. Vol. V, no. 2, Summer 1978, pp. 39-51.
4. Fabre M. *The World of Richard Wright*. Jackson, MS: The University Press of Mississippi, 1985. 268 p.
5. Margolies E. *The Art of Richard Wright*. Carbondale, IL: Southern Illinois University Press, 1969. 180 p.
6. Rampersad A. *Ralph Ellison: A Biography*. N.Y.: Knopf, 2007. 657 p.
7. Rowley H. *Richard Wright: The Life and Times*. Chicago; London: The University of Chicago Press, 2001. 608 p.
8. Wald A. *American Night: The Literary Left in the Era of the Cold War*. Chapel Hill: University of North Carolina Press, 2012.
9. Webb C. *Richard Wright: A Biography*. N.Y.: G.B. Putnam's Sons, 1968. 443 p.
10. Wright R. *The Outsider*. N.Y.: Harper & Row, 1953. 406 p.
11. Wright R. *The Voiceless Ones* // *Saturday Review*. 43. April 16, 1960. pp. 21-22.
12. Wright R. *Two Letters to Dorothy Norman* // *Art and Action* / ed. by D. Norman. New York: Twice a Year Press, 1948, pp. 73-79.

REFERENCES

1. Bashmakova L.P. Richard Nathaniel Wright. In: *Istoriya literatury SSHA: V 6 t. T. VI. Kn. 2* [History of American literature. Vol. VI. Book 2]. Moscow, IMLI RAN Publ., 2013. pp. 595-640.
2. Camus A. *We Too Are Murderers*. In: *Art and Action* / ed. by D. Norman. New York: Twice a Year Press, 1948. pp. 74-75.
3. Fabre M. Richard Wright and the French Existentialists. In: *MELUS*. Vol. V, no. 2, Summer 1978, pp. 39-51.
4. Fabre M. *The World of Richard Wright*. Jackson, MS: The University Press of Mississippi, 1985. 268 p.
5. Margolies E. *The Art of Richard Wright*. Carbondale, IL: Southern Illinois University Press, 1969. 180 p.
6. Rampersad A. *Ralph Ellison: A Biography*. N.Y.: Knopf, 2007. 657 p.
7. Rowley H. *Richard Wright: The Life and Times*. Chicago; London: The University of Chicago Press, 2001. 608 p.
8. Wald A. *American Night: The Literary Left in the Era of the Cold War*. Chapel Hill: University of North Carolina Press, 2012.
9. Webb C. *Richard Wright: A Biography*. N.Y.: G.B. Putnam's Sons, 1968. 443 p.
10. Wright R. *The Outsider*. N.Y.: Harper & Row, 1953. 406 p.
11. Wright R. *The Voiceless Ones*. In: *Saturday Review*. 43. April 16, 1960. pp. 21-22.
12. Wright R. *Two Letters to Dorothy Norman*. In: *Art and Action* / ed. by D. Norman. New York: Twice a Year Press, 1948, pp. 73-79.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Егорова Елена Геннадьевна – старший преподаватель кафедры английского языка для гуманитарных факультетов факультета иностранных языков и регионоведения МГУ имени М.В.Ломоносова;
e-mail: lengor1964@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Elena G. Egorova – senior lecturer at the Department of English for the Humanities in the Faculty of Foreign Languages and Regional Studies of Lomonosov Moscow State University;
e-mail: lengor1964@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Егорова Е.Г. От марксизма к экзистенциализму: творчество Ричарда Райта 1940-1950-х гг. в контексте влияния Сартра и Камю // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2017. № 4. С. 76-86.

DOI: 10.18384/2310-7278-2017-4-76-86

CORRECT REFERENCE TO THE ARTICLE

E. Egorova. From Marxism to Existentialism: the creativity of Richard Wright in 1940-50s, in the context of influence of Jean-Paul Sartre and Albert Camus. In: Bulletin of Moscow Region State University. Series: Russian philology. 2017, no. 4, pp. 76-86.

DOI: 10.18384/2310-7278-2017-4-76-86

УДК 81-1/-9

DOI: 10.18384/2310-7278-2017-4-87-95

«МЕЧТА» И «СУЕТА» В ПОЭЗИИ РУССКОГО СЕНТИМЕНТАЛИЗМА: ЛОГИКА СХОЖДЕНИЙ И РАСХОЖДЕНИЙ*

Иваницкий А.И.*Российский государственный гуманитарный университет**125993, г. Москва, Миусская площадь, д. 6, Российская Федерация*

Аннотация. В статье показывается, что взаимоотношения концептов «мечты» и «суеты» в поэзии сентиментализма отразили эволюцию связей последнего с просветительским «первоисточником». Наделив цивилизацию негативными признаками «мечты» и «суеты», сентиментализм впоследствии распространил их на мир в целом, включая обожествляемые им прежде Природу и любовь. Однако, сделав поэтическую «мечту» орудием сентименталистского постижения природы, сентиментализм превратил её в источник цивилизации и антипода «суеты».

Ключевые слова: суета, мечта, свет, сентиментализм, просвещение, поэзия, любовь, природа.

“DREAM” AND “VANITY” IN THE RUSSIAN SENTIMENTAL POETRY: LOGIC OF THE CONVERGENCE AND DIVERGENCE

A. Ivanitskiy*Russian State University for the Humanities**6, Miusskaya sq., Moscow, 125993, Russian Federation*

Abstract. It is shown in the article, that the relationships between the “dream” and the “vanity” in the Russian sentimental poetry are reflecting the evolution of its bonds with the enlightenment ideology. Having given the civilization, the negative signs of the “dream” and the “vanity” sentimentalism had later expanded them to the world as the whole, including nature and love. But having identified the poetical “dream” as the key to nature’s perception, the sentimentalism had transformed “dream” in the source of the civilization and the opposite of the “vanity”.

Key words: vanity, dream, light, sentimentalism, enlightenment, poetry, love, nature.

Взаимоотношение мотивов «мечты» и «суеты» в поэзии сентиментализма отражает, как представляется, эволюцию его картины мира. Важно иметь в виду, что, хотя исторически сентиментализм стал коррекцией просветительской модели мира и поведения, сами поэты сентименталистского направления вышли именно из неё. Поэтому эволюция носила во многом личностный характер и состояла не в смене ключевых концептов, но, скорее, в смещении смысловых

* Работа выполнена по программе гранта РФФИ № 15-04-00494 «Н.М. Карамзин: энциклопедический словарь».

© Иваницкий А.И., 2017.

акцентов в них. А обращение к общему фонду расхожих поэтических мотивов приводит к тому, что логическое движение не всегда совпадает с хронологическим.

В просветительском классицизме довлеющие друг другу «мечта» и «суета» означали, соответственно, праздное фантазирование, отвлекающее человека от реальности, и столь же праздное (бесполезное) деяние – прежде всего, угождающее телесным страстям:

...Смертный суетен родился / И на веки осудился

Суетой себя прельщать; / Он чувствителен, он страстен... [7, с. 119].

Сердце – верный советник человека в выборе между «суетами» и «пользой»:

...Между сует... / Я стану только слушать [...]

...Что мне вещает сердце: / “Люби... науки, / А паче добродетель!

Люби ты общу пользу...” [10, с. 76-79].

И музу Херасков благодарит за то, что «...Суеты мирские гонишь / От моих смущённых мыслей...» [10, с. 88-89].

Однако в условиях кризиса идеалов Просвещения на рубеже XVIII – XIX вв. в «Послании Александру Алексеевичу Плещееву» (1794) Карамзин, в русле канонических для сентиментализма «Метаморфоз» Овидия, объявляет «суетами» любые социальные устремления (власть, славу, богатство) и отсюда – цивилизацию в целом. Явление «сует» в мир составляет сентименталистское понимание перехода «золотого века» в «железный»:

Судьбы рекли: “Да будет свет / Жилищем призраков, сует...”

...Одни престолов захотели, / Другие самых алтарей;

...мощными руками / Отверзли в землю тёмный ход,

Чтоб взять пригоршни светлой пыли!.. [6, с. 142-143].

Ср.: «...Живём, родимся с суетою, / Из света с ней выходим вон...» [8, с. 90]; «...Рождаемся мы с суетою, / Не знаем и живя покою...» [9, с. 198], поскольку – «...Суета есть идол мира...» [7, с. 119].

Эти «суеты» Карамзин и именуется «мечтами»: «...Мечты всем головы вскружили...», – поскольку побуждают людей преследовать цели, не стоящие осуществления. Это и переходит из подтекста в текст в лирико-философской элегии Карамзина «Опытная Соломонова мудрость, или Мысли, выбранные из Экклезиаста» (1796):

...Как власть и слава ненадёжна! / И мы хотим мечтам служить,

Любить, чего любить не должно, / Искать, чего найти не можно!.. [6, с. 201. Здесь и далее курсив мой – А.И.].

В этом контексте «мечты» как «суеты» выступают в лирике Карамзина социоисторической актуализацией бесовского искушения людского рода: «Чёрная кровь возмущала / Ночи мои... / Адской мечтой...» («Выздоровление», 1790), [6, с. 80]. Именно «инфернальная» (апокалиптическая) подоплёка явившихся «сует» толкает людей к злодеяниям – «...пороки, подлость, лезть, / Которых цель есть **суетная честь...**» [6, с. 104].

Это обуславливает программную для сентиментализма демаркацию мира в целом и человеческого естества. «Внешний» человек, живущий социальной и телесной жизнью («суетами») и краткосрочными «мечтами»:

«...Для суетных забав жизнь наша скоротечна...» [6, с. 314], – противопоставляется «внутреннему» (подлинному и упорядоченному): «...Сердечный звук столь тих, что он невятен / В мятежных суетах...» [6, с. 290].

Главным же проявлением «несуетного» и «немечтательного» начал в человеке объявляется любовь: «... душа моя полна /...тобою, – / Другое кажется мне скучной суетою...» («Послание к женщинам», 1795), [6, с. 289].

В элегическом послании Карамзина «К Эмилии» (1802) земная любовь становится новым монопольным содержанием религии:

“...любовь ...такая / Есть небесная, святая!

Ум блестящий, красота / Перед нею суета” [6, с. 125];

...Он рай нашёл в глазах прелестных...

... Он умер – для сует житейских; / ...и зрит любовь одну

Во всём творении обширном... [6, с. 172].

Отсюда внутрлическому» разграничению сопутствует общемировое. Цивилизации («свету» и прежде всего столице) как области химерических «мечтаний» и «сует»: «...Я ...в Москве обитаю, / В жилище сует...» [3, с. 117], – противопоставляется Природа – островок утраченного «золотого века», где только и возможна любовь:

...Мы в мире жить с собой могли, / Гнушаться издали пороком

И ясным, терпеливым оком / Взирать на... вихрь сует,

От... бури укрываясь... [6, с. 138].

Та же Природа – единственное поле «мечты» как интуитивного (и единственно подлинного) познания и самопознания. Особой формой таково-

го выступает «меланхолия» – как это объявляется в одноименной элегии Карамзина (1800):

...Пусть веселится свет / И счастье грубое в рассеянии новом

Старается найти: тебе в нём нужды нет;

Ты счастлива мечтой... [6, с. 260].

Однако в той же «...Соломоновой мудрости...» эти базовые для сентиментализма мировые / человеческие антиподы подвергаются подспудной, коренной ломке. Во-первых, атрибуты мирового зла, «мечты» и «суеты», предстают уже не соблазнами, привнесёнными извне по воле рока («судеб»), а атрибутом первой половины жизни:

...Любил я пышность в летах зрелых...

Но вместо счастья, дней веселых, / Заботы, скуку обретал;

Простился в старости с мечтою / И назвал пышность суетою... [6, с. 199].

Именно к «мечтаниям» причисляются пусть прекрасные, но заведомо неосуществимые общественные идеалы Просвещения, «преодолённые» сентиментализмом:

...И я мечтами обольщался – / Любил с горячностью людей,

Как нежных братьев и друзей... («Послание к Дмитриеву...», 1794) [6, с. 136];

...Свобода мудрая свята, / Но равенство одна мечта... («На торжественное коронавание... Александра I...», 1801) [6, с. 266].

В то же время в разряд юношеских «мечтаний» зачисляется и сама любовь – ранее противостоявшая им и обожествляемая сентиментализмом:

...Во цвете пылких, юных лет / Я нежной страстью услаждался;

Но ах! увял прелестный цвет, / Которым взор мой восхищался!

*...Осталась в сердце **пустота**, / И я сказал: "Любовь – **мечта**!"* [6, с. 199].

Ср. в элегическом послании Карамзина «К неверной» (1796):

...Ах! было время мне мечтать и заблуждаться:

... Киприда свой венок / Мне часто подавала... [6, с. 206].

Вместе с юношеской «мечтой» любви исчезает и рождаемая / питаемая ею «мечта» поэзии:

...Любви обязаны мы первыми стихами...

*Прощаясь с её эфирными мечтами,
Поэт и с музами прощается навек –
Или стихи его теряют цвет и сладость...* [6, с. 248].

Жалобы музам (в том числе в одноименной элегии М.Н. Муравьева) состоят в том, что они покидают героя вместе с юностью и её «мечтами»: «... скорые года без пользы прокатились, / С мечтами вы ушли и вспять не возвратились!..» [7, с. 145] Впоследствии эти мотивы разовьются в программной элегии К.Н. Батюшкова «Мечта» (1802–1803): «Увы, но с юностью исчезнут и мечтанья, / Исчезнут граций лобызанья...» [2, с. 42].

Это готовит подспудный смысловой сдвиг. Ущербность старости состоит не в разочаровании в юношеских идеалах, оказавшихся «мечтой» (т. е. иллюзией), а в утрате самой способности мечтать, не отделимой от ключевой для сентиментализма способности чувствовать: «...мечтания, **чувствительности** глас... / ...Вместишь ли в сердце их, переступивши двадцать...» [7, с. 216–217]; ср.: «Увы! Несчастлив вовсе ты, / Когда не льстят уж и мечты!» [5, с. 293]

Именно «пустота» (а не альтернативные, подлинные ценности!), обретаемая в результате прощания с «мечтами» и «суетами» юности, отражает глубокую бытийную проблему позднего сентиментализма. У Карамзина проявлениями фундаментальной «пустоты» мира выступает эфемерность («мечтательность») его красот – в пространстве (привлекательное издали и ничтожное вблизи):

...Он в горести гласит: "О слава! ты мечта,

И лишь вдали твои призраки светозарны;

Теряется вблизи их блеск и красота... («Протей, или несогласия стихотворца», 1797) [6, с. 247],

– и во времени. Так, эфемерной оказывается женская красота, что и предопределяет принадлежность любовной «мечты» одной лишь юности:

...Как розы юные прелестны! / И как прелестна красота!

Но что же есть она? мечта, / Темнеет цвет её небесный,

Минута – и прекрасной нет! / Вздохнув, любовник прочь идет... («Опытная Соломонова мудрость...») [6, с. 203].

«Мечтательность» любви, красоты и славы означает, что и «...Счастье – ложная мечта» («Куплеты из одной сельской комедии...», 1800) [6, с. 258].

Способность и свойство мира рождать соблазны – «мечты», влекущие человека, но заведомо недоступные ему и превращающие любое дело в «суету»: «...дети! вам отец... / Не показал всего здесь в зеркале сует, / Чтоб преждевременно не опостыл вам свет» [5, с. 274], – квалифицируется как роковая непознаваемость. Отсюда «мечтой» в той же «...Соломоновой

мудрости» Карамзин объявляет всю человеческую мудрость в принципе:

Искал я к истине пути, / Хотел узнать всему причину, –

Но нам ли таинств ключ найти, / Измерить мудрости пучину?

Все наши знания – мечта, / Вся наша мудрость – суета! [6, с. 199].

Отсюда и всякий стремящийся к этой «мудрости» переqualифицируется им в «мечтателя»:

...Для счастья веков трудись умом своим, –

В награду прослывишь мечтателем пустым... («Протей, или Несогласия стихотворца») [6, с. 248].

Иррациональность мира, не основанного на разумных началах и потому непостижимого разумом, делает неосуществимой «мечтой» и сам (рациональный, по сути) сентименталистский идеал:

...Прелестный домик сей вдали нас ожидает...

в нём буду жить с тобой / Или мечту сию... возму я в гроб с собой («К Верной», 1796) [6, с. 211].

Это парадоксальным образом ведёт к барочному агностицизму, где самой реальности отказывается в её фундаментальном признаке именно по причине неполноценности. Она предстаёт фантомом человеческого «я», то есть, опять-таки «мечтой»:

...Рассудок говорит: “Всё в мире есть мечта!”

Увы! несчастлив тот... / Кому же стокий рок то опытом докажет... («К Неверной») [6, с. 205].

Потенциальным, а затем и реальным выводом становится понимание иного, горнего мира как всеобщей «мечты», которая осуществляется с кончиной: «...Почтём мы жизнь и

свет мечтою; / Что мы ни делаем, то сон...» [8, с. 90];

Мы видим счастья тень в мечтах земного света;

Есть счастье где-нибудь: нет тени без предмета.

... Здесь всё мечта и сон; но будет пробужденье!.. [6, с. 312]

Однако нарастающее чувство недостоверности пробуждения (см. подробнее [4, с. 72-73]) заставляет лирического героя любить и этот, несовершенный и эфемерный мир «сует»: «...Сколько ни видим / В мире сует, / Не ненавижим – / Любим мы свет...» [10, с. 113].

Это парадоксальным образом реабилитирует в поэзии Карамзина рокайльную и предромантическую сказочную поэзию – обольстительную «мечту» как убежища героя от жизни как «мечты» / химеры. Теперь он «...Удовольствие находит / [...] В ... мечтах воображения...» («Илья Муромец. Богатырская сказка», 1794) [6, с. 149]. Это воплощается в заповеди Карамзина «К бедному поэту» (1796):

... Мой друг! сущность бедна: / Играй в душе своей мечтами,

Иначе будет жизнь скучна... [6, с. 193]¹.

Это легло в основу «мечты» предромантизма. Прежде всего, она воплотится в упомянутой элегии Батюшкова, где поэтическая «мечта» по сути, творит другую жизнь – не менее реальную, чем химерическая эмпирика, но пленительную, в отличие от неё:

¹ Здесь же преимущество поэтической «мечты» / фантазии получает уже принципиально новое обоснование: желание / воображение более плодотворно, чем обладание:

...Избыток благ и наслажденья / Есть холодный гроб воображенья;

В мечтах, в желаниях своих / Мы только счастливы бываем... [6, с. 194].

...Мечтанье есть душа поэтов и стихов...

*[...] Найдём ли в истинах мы голых
Печальных стойков и твёрдых мудрецов*

Всю жизни бренной сладость? / От них эфирна радость

Летит, как бабочка от терновых кустов... [2, с. 42].

В подоплёке, очевидно, лежит эпикурейская реабилитация праздной «суеты» (развлечений) как альтернативы «пустой» социально-карьерной «суеты»:

...Впредь что будет, мы не знаем, / Что прошло – позабываем:

Настоящее для нас. / Презрим суетность земную,

Важность скучную, пустую; / Час веселья – сладкий час... [6, с. 132].

Фактически понятие «суеты» раздваивается. «Негативная» суета – это погоня за мнимыми (социальными) благами, то есть «труд»:

...Тщетно... / Ты кружишься средь сует:

Алчно сердце, век алкая, / Льстящий зрит вдали предмет.

Лучше ж, труд и попеченье / Брося, жить летящим днём... [5, с. 266].

Подлинная же «суета» означает как раз блаженное эпикурейство:

*...Игры мечтания, которых суета
Имеет более цены и наслажденья,
Чем радости скупых, честолюбивых бдений*

И света шумного весь блеск и пустота!.. [7, с. 236–238]

Для эпикурейца, живущего минутой, негативной и отвергаемой «суетой» оказывается и забота о будущем: «...Когда ты в радости сей день, / О завтрашнем не суетися...» [5, с. 148–150].

Именно в русле эпикурейства и анакреонтики М. Муравьёв противопоставляет взрослой, карьерной «суетности» подлинно блаженные (то есть эпикурейские) суеты детства и юности:

Отдай мне суеты ребячества; доставь

Ещё мне счастье зреть старинны басни въявь

И воздыхать ещё о нимфах и эротах... [7, с. 236–238].

Таким образом, переквалифицировав весь эмпирический мир в «мечту» и служащую ей «суету», сентиментализм, по сути, приходит к самоотрицанию. Он отвергает собственные идеалы – Природу и Любовь – и бросается в объятия «мечты» как пленительного самообмана ради забвения жизни как «мечты» / «пустоты».

Принципиальные шаги к преодолению этого бытийного тупика делает в своей поэзии Карамзин – сначала в упомянутом выше «Послании... Плещееву», а затем в стихотворном трактате «Дарования» (1796). В них последовательно снимается раздел мира на «цивилизацию» и «природу», что неизбежно переосмысляет взаимоотношения «мечты» и «суеты». В «Послании...» «свет» / цивилизация оказывается полем как «сует», так и противостоящих им эпикурейских радостей – «тихих», но подлинных, питающих «душу» и «ум», то есть частично вбирает в себя признаки сентименталистской природы:

...Но мы для света рождены, / Душой, умом одарены

И должны в нём, мой друг, остаться. / Чем можно, будем наслаждаться,

Как можно менее тужить, / Как можно лучше, тише жить,

*Без всяких суетных желаний, /
Пустых, блестящих ожиданий...* [6,
с. 144].

В «Дарованиях», отразивших энтузиазм первых месяцев правления Павла I, поэтическая «мечта», посланная человеку Богом, становится орудием рационального познания мира.

Во-первых, это гармонизирует отношения людей со временем. Мечта в своём первичном значении страстного желания осуществления чего-либо в будущем становится одной из ключевых форм рефлексии человеком своей жизни во времени:

*...Их прежде время угнетало, / Те-
перь оно крылатым стало –*

*...Его ... желанье призывает, / Его ...
надежда озлащает*

И красят розою мечты... [6, с. 217].

При этом мечта «координируется» Карамзиным с другими формами как радостного, так и «сурового» восприятия человеком прошлого и будущего:

*...Ах! слабость жить мечтой, от
рока ожидать*

*Всего, что мыслям льстит, – наде-
яться, бояться,*

*От удовольствия и страха трепе-
тать,*

*Слезами радости и скорби обли-
ваться!.. («Протей...»)* [6, с. 245].

Во-вторых, поэзия как ключ познания человеком мира и самого себя ставит государство (одухотворённое в монархе) на фундамент его прежнего антипода, Природы. Это отождествляет государство с универсальным, высшим «благам» и обороняет от «сует»:

*...росс, царя усердно чтущий, / С
Природой, с музами живущий,*

Любитель блага, не сует... («На
смерть князя Г.А. Хованского», 1796)
[6, с. 190].

Поэтому и «свет», и подлинно «светское» (социальное) поприще становится неуязвимым для сует и ложных «мечтаний»:

*...Уже я вижу пред собой / Весь путь,
на коем знатность, слава*

*Тебя с дарами ждуют. Души твоей и
нрава / Ничто не пременит...*

*...Не ослепят тебя блестящие
мечты...* («На разлуку с П[етровым],
1791) [6, с. 104].

В то же время «сентименталистский» побег из мира цивилизации в мир природы уже отрицается как возможный источник «мечты» в значении дьявольского искушения человеческой гордыни – осмысленный уже не как **источник** «душевной пустоты», а как её **плод**:

*...Увы! Анахорет не будет / В пу-
стыне счастливее нас!*

*Хотя земное и забудет, / Хотя
умолкнет страсти глас*

*... Но сердце станет унывать, / ...
Не зная, чем ему заняться.*

*Тогда пустынноiku явятся / Химеры,
адские мечты,*

*Плоды душевной пустоты!.. («По-
сание к ...Плещееву»)* [6, с. 143].

Сами идеи бегства от цивилизации в мир природы как локуса «золотого века» теперь оцениваются Карамзиным как непредсказуемый и сменяемый плод поэтической «мечты»:

*...Гуляя, видит он Природы красо-
ты,*

*Нимф сельских хоровод, играющих,
поющих,*

*Тогда в душе его рождаются меч-
ты / О веке золотом...* («Протей...»)
[6, с. 243].

Как видим, взаимосвязи и противопоставления «мечты» и «суеты» в поэтической картине мира Карам-

зна отразили эволюцию отношений сентиментализма с его просветительским «первоисточником». Сделав их ключевыми признаками отвергаемой «цивилизации» («света»), сентиментализм распространил их на мир в целом, включая обожествляемые им прежде

Природу и любовь. Сделав поэтическую «мечту» орудием постижения природы, поздний сентиментализм превратил последнюю из антипода цивилизации в её источник. Соответственно, «мечта», наоборот, превратилась из спутника «суеты» в её антипод.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Алпатова Т.А. Проза Н.М. Карамзина: поэтика повествования. М.: МГОУ, 2012. 560 с.
2. Батюшков К.Н. Сочинения. М.: ГИХЛ, 1955. 452 с.
3. Дмитриев И.И. Полное собрание стихотворений. Л.: Советский писатель, 1967. 502 с.
4. Иваницкий А.И. «Свет» как мир и «свет» как общество в поэзии Н.М. Карамзина: механизм эволюции значений // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2017. № 3. С. 69-76.
5. Капнист В.В. Избранные произведения. Библиотека поэта. Л.: Советский писатель, 1973. 614 с.
6. Карамзин Н.М. Полное собрание стихотворений. М.-Л.: Художественная литература, 1966. 424 с.
7. Муравьев М.Н. Стихотворения. Библиотека поэта. 2-е издание. Л., 1967.
8. Сумароков А.П. Избранные произведения. Библиотека поэта. 2-е издание. Л.: Советский писатель, 1957. 607 с.
9. Хемницер И.И. Полное собрание стихотворений. М.-Л.: Советский писатель, 1963. 380 с.
10. Херасков М.М. Избранные произведения. М.-Л.: Советский писатель, 1961. 408 с.

REFERENCES:

1. Alpatova T.A. *Proza N.M.Karamzina: poetika povestvovaniya* [Prose of N. Karamzin: the poetics of narrative]. Moscow, MGOU Publ., 2012. 560 p.
2. Batyushkov K.N. *Sochineniya* [Works]. Moscow, GIKHL Publ., 1955. 452 p.
3. Dmitriev I.I. *Polnoe sobranie stikhotvorenii* [Complete collection of poems]. L., Sovetskii pisatel' Publ., 1967. 502 p.
4. Ivanitskiy A.I. "Svet" as world and "svet" as society in N. Karamzin's poetry: mechanism of the evolution of meanings. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Russkaya filologiya* [Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Russian philology]. 2017, no. 3, pp. 69-76.
5. Kapnist V.V. *Izbrannye proizvedeniya. Biblioteka poeta* [Selected works. The poet's library]. Leningrad, Sovetskii pisatel' Publ., 1973. 614 p.
6. Karamzin N.M. *Polnoe sobranie stikhotvorenii* [Complete collection of poems]. Moscow-Leningrad, Khudozhestvennaya literatura, 1966. 424 p.
7. Murav'ev M.N. *Stikhotvoreniya. Biblioteka poeta* [Poems. The poet's library]. 2nd ed. Leningrad, 1967.
8. Sumarokov A.P. *Izbrannye proizvedeniya. Biblioteka poeta* [Selected works. The poet's library]. 2nd ed. Leningrad, Sovetskii pisatel' Publ., 1957. 607 p.
9. Khemnitser I.I. *Polnoe sobranie stikhotvorenii* [Complete collection of poems]. Moscow-Leningrad, Sovetskii pisatel' Publ., 1963. 380 p.
10. Kheraskov M.M. *Izbrannye proizvedeniya* [Selected works]. Moscow-Leningrad, Sovetskii pisatel' Publ., 1961. 408 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Иваницкий Александр Ильич – доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник Института высших гуманитарных наук им. Е.М. Мелетинского РГГУ;
e-mail: meisster@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Aleksandr I. Ivanitskiy – Doctor in Philological Sciences, Senior Researcher at Meletinskiy Institute of the Humanitarian Studies, Russian State University for the Humanities;
e-mail: meisster@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Иваницкий А.И. Мечта и суета в поэзии русского сентиментализма: логика схождения и расхождений // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2017. № 4. С. 87-95.
DOI: 10.18384/2310-7278-2017-4-87-95

CORRECT REFERENCE TO THE ARTICLE

A. Ivanitskiy. “Dream” and “Vanity” in the Russian Sentimental poetry: logic of the convergence and divergence. In: Bulletin of Moscow Region State University. Series: Russian philology. 2017, no. 4, pp. 87-95.
DOI: 10.18384/2310-7278-2017-4-87-95

УДК 821.161.1

DOI: 10.18384/2310-7278-2017-4-96-105

МОДЕЛИ ИНТЕРПРЕТАЦИИ ПРОБЛЕМЫ ВРЕМЕНИ В СОВРЕМЕННОМ РОМАНЕ: «ЛАВР» Е. ВОДОЛАЗКИНА, «МИУССКАЯ ПЛОЩАДЬ» М. ГОЛУБКОВА

Кротова Д.В.*Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова
119991, г. Москва, Ленинские горы, д. 1, Российская Федерация*

Аннотация. Статья посвящена анализу проблемы времени в литературе рубежа XX–XXI вв. Исследуются различные модели интерпретации феномена времени на примере романов «Лавр» Е. Водолазкина и «Миусская площадь» М. Голубкова. Эти произведения отчасти сходятся в трактовке заявленной проблематики: время как иллюзия, представление об одномоментном существовании событий прошлого, настоящего и будущего, сочетание линейной и нелинейной повествовательных моделей. Но при этом понимание самой сущности феномена времени в анализируемых романах глубоко различно: в «Лавре» концепция времени подчинена религиозно-нравственной доминанте, время понимается как средство этического совершенствования личности, в «Миусской площади» оно обладает ценностью само по себе, не случайно одним из ключевых в романе является понятие «родного времени». Обосновывается, что проблема времени играет важнейшую роль в тех произведениях современной литературы, которые продолжают модернистскую традицию.

Ключевые слова: русская литература, современная литература, проблема времени, Водолазкин, «Лавр», Голубков, «Миусская площадь».

THE MODELS OF INTERPRETATION OF TIME PROBLEM IN CONTEMPORARY NOVEL: “LAURUS” BY E. VODOLAZKIN, “MIUSSKAYA SQUARE” BY M. GOLUBKOV

D. Krotova*Lomonosov Moscow State University
1, GSP-1, Leninskie Gory, Moscow, 119991, Russian Federation*

Abstract. The article is devoted to the problem of time in contemporary literature. It studies the models of interpretation of time as a phenomenon on the example of the novels “Laurus” by E. Vodolazkin and “Miuskaya Square” by M. Golubkov. These works demonstrate a convergence in the interpretation of this problem: time as an illusion, simultaneous existence of past, present and future, the combination of linear and non-linear narrative models. But the understanding of the substance of time phenomenon in these novels is deeply different: in “Laurus”, the concept of time is guided by the religious and moral dominant, time is understood as a tool of moral development. In “Miuskaya Square”, the phenomenon of time has a value in and of

itself, and one of the key concepts of the novel is the concept of “native time”. It is proved that the problem of time plays very important role in contemporary literary works that continue the modernist tradition.

Key words: Russian literature, contemporary literature, the problem of time, Vodolazkin, “Laurus”, Golubkov, “Miuskaya Square”.

Проблема времени – одна из центральных в современной литературе. К ней обращается целый ряд авторов: помимо тех писателей, произведения которых вынесены в заглавие статьи, это и П. Крусанов, и Т. Толстая, и А. Варламов. Так, Крусанов заявил о своём интересе к проблеме времени уже в первом крупном произведении – романе «Где венку не лечь» (1990; в редакции 2001 года – «Ночь внутри»), где писатель экспериментировал с совмещением разных временных планов; значимость проблемы времени для Крусанова доказывают и его рассказы, например, «Бессмертник», «Другой ветер», «Глина». В прозе Т. Толстой читатель тоже встречает размышления о времени и возможности или невозможности преодолеть его линейное движение («Милая Шура», «Круг»). Вопрос времени становится объектом художественной рефлексии А. Варламова (затрагивается, в частности, в романе «Мысленный волк»). Есть в современной литературе авторы, для которых проблема времени не является главным предметом осмысления, но, так или иначе, оказывается в орбите их внимания – например, В. Сорокин, создающий условный мир будущего («День опричника», «Сахарный Кремль», «Метель», «Теллурия»), или В. Пелевин, причудливо соединяющий в одном произведении элементы разных временных континуумов («Чапаев и Пустота»). Свообразные модели будущего разворачивают и П. Крусанов

в «Укусе ангела», и Т. Толстая в романе «Кысь».

Принципиально значимую роль проблема времени играет для тех авторов, произведения которых рассматриваются в данной статье. Анализируемые романы М. Голубкова и Е. Водолазкина являют собой полярно противоположные подходы, мировоззренческие крайности в осмыслении проблемы времени и, вместе с тем, демонстрируют явные точки схождения в интерпретации этого феномена. Рассмотрение проблемы времени в «Миусской площади» и «Лавре» сопряжено и с размышлениями об особенностях творческой манеры, писательского метода их авторов.

Романы «Миусская площадь» М. Голубкова и «Лавр» Е. Водолазкина написаны приблизительно в одно и то же время (2007 и 2012 гг. соответственно). Проблематика и объекты художественного исследования этих романов кардинально различны: «Миусская площадь» посвящена русской истории XX века, в романе «Лавр» речь идёт о Руси эпохи Средних веков. В центре внимания автора «Миусской площади» находится проблема взаимоотношений личности и истории, главный вопрос «Лавра» – человек и Бог, путь человека к Богу. Но одним из важнейших аспектов обоих романов становятся размышления о времени. Проблема времени выходит на первый план в этих произведениях, на наш взгляд, потому, что авторы обоих романов,

размышляя об ушедших эпохах – совсем далёких, как Средние века, или тех, что в памяти многих читателей сегодня, как советская история, – на самом деле говорят и о современности. Вопросы, обсуждаемые на материале прошлого, понимаются авторами этих романов как наиболее актуальные в современном мире – будь то проблема нравственного выбора (как в романе Водолазкина) или проблема взаимоотношений человека и истории («Миусская площадь»). Эпохи, о которых размышляют авторы анализируемых романов, непосредственно соотнесены с современностью – более очевидно у Водолазкина, менее прямолинейно у Голубкова. Поэтому и проблема времени как таковая, проблема соотношения разных временных пластов обретает в обоих романах первостепенную значимость. Исследователи (как и сам автор) уже не раз обращали внимание на значимость этой темы в романе «Лавр» (напр.: [12; 1; 8; 9]), а «Миусская площадь» уже в одном из первых критических отзывов была названа произведением, где «концепция мистической предрешённости истории связана с концепцией времени» [7, с. 207]. Действительно, оба романа выражают определённое понимание феномена времени, и это понимание оказывается и кардинально различным, и одновременно во многом сходным. Анализ целесообразно начать со сходных элементов.

И в «Миусской площади», и в «Лавре» ставится под сомнение само явление времени, очевидность его существования. В обоих романах звучит мысль о том, что время – это иллюзия, условность. В «Миусской площади» об этом говорит один из героев пер-

вой части, Вальтер фон Штайн: в его понимании время – это, «возможно, самая большая иллюзия», «возможно, что времени-то и нет» [5, с. 34]. Это суждение почти совпадает с мыслью о времени, выраженной в романе Водолазкина: «Существование времени под вопросом. Может быть, *после* просто нет» [4, с. 289]. Герой романа Голубкова размышляет о том, что «нет прошлого, которое вроде бы за нашей спиной, нет будущего, которое вроде бы впереди. То есть они существуют, но, как бы это выразиться, одновременно <...> Время, с позволения сказать, превращается в пространство, если встать на такую точку зрения, а мы с вами как бы идём по этому пространству в строго определённом направлении – из прошлого в будущее. Но некоторым иногда удаётся, ну, не то чтобы погулять по этому пространству, самим выбирая маршруты, побродить, что ли, хотя возможно и такое, а чуть-чуть заглянуть вперёд, увидеть нечто вроде тропинки, по которой направляешься» [5, с. 34]. В «Миусской площади» есть персонажи, которые обладают такой способностью, – это Мессинг, Ганусен, это и персонажи, не имеющие исторических прототипов (Вальтер или гадалка в кафе в Бресте, верно предсказавшая одному из героев романа долгую жизнь, а другому – смерть через несколько дней). Будущее оказывается, таким образом, проницаемой субстанцией, его можно увидеть, а иногда и исправить, изменить predetermined план событий, к чему стремятся, например, Константин Алексеевич и Вальтер.

В романе «Лавр» воплощается во многом сходное представление о времени. В «Лавре», так же, как и в «Миус-

ской площади», разделение времени на прошлое, настоящее и будущее трактуется как условность. На самом деле все события существуют одновременно, синхронно. Действие романа происходит в XV в., но постоянно ощущаются отзвуки современности, «романное время одновременно и вовлекает в себя настоящее, сегодняшний день» [1, с. 114] – герои порой обладают знанием о том, что будет происходить в мире в последующие столетия. Так, дед Арсения Христофор, выбирая себе место для жизни в уединении, подальше от деревни, «вполне отчётливо представлял себе дальнейшую судьбу этого места»: «уже в то отдалённое время знал о постройке на месте его избы кладбищенской церкви в 1495 году <...> В 1609 году церковь разрушена поляками. Кладбище приходит в запустение, и на его месте вырастает сосновый лес. Со сборщиками грибов время от времени заговаривают привидения. В 1817 году для производства досок лес приобретает купец Козлов. Через два года на освободившемся месте строят больницу для бедных. Спустя ровно сто лет в здание больницы въезжает уездная ЧК. В соответствии с первоначальным предназначением территории ведомство организует на ней массовые захоронения. В 1942 году немецкий пилот Хайнрих фон Айнзидель метким попаданием стирает здание с лица земли. В 1947 году участок переоборудуется под военный полигон и передаётся 7-й Краснознаменной танковой бригаде им. К.Е. Ворошилова. С 1991 года земля принадлежит садоводству «Белые ночи» <...> Подробное это предвидение указывало Христофору, что на его веку земля останется нетронутой» [4, с. 14-15]. Разные временные

пласты для Христофора словно существуют синхронно, и человек, живя в своём веке, в то же время «видит» все века сразу.

Такой способностью обладают и другие герои романа «Лавр». Например, юродивый Фома, которого Арсений встречает во Пскове, велит Арсению возвращаться «в Завеличье, где на будущей Комсомольской площади стоит монастырь Иоанна Предтечи» [4, с. 179]. Подобные детали в беседе жителей средневековой Руси не могут не создавать комического эффекта, но за этим стоит не столько стремление автора вызвать улыбку читателя, сколько размышления об условности времени, о том, что будущее на самом деле уже существует, и кому-то дана способность заглянуть туда, увидеть его (как удаётся сделать это и некоторым героям «Миусской площади»).

Представления о времени, выраженные в романах М. Голубкова и Е. Водолазкина, объединяет и то, что в обоих случаях сочетается последовательная (линейная) и нелинейная временные модели. Так, в романе «Лавр» время движется, с одной стороны, от детства к старости главного героя, т. е. здесь реализуется линейная модель, с другой стороны – по кругу, поскольку движение времени оказывается возвращением к исходному. В «линейном времени обнаруживаются свои концентрические круги» [1, с. 114]: завершение романа перекликается с его началом, события, которые переживает старец Лавр, сходны с теми, что произошли в жизни юноши Арсения (образы возлюбленной Арсения Устины и пришедшей к Лавру за помощью Анастасии явно соотнесены). Этот круг – не буквальное возвращение к исход-

ному, а возврат на новом уровне, ибо «ничто на свете не повторяется» [4, с. 411]. Но, так или иначе, время в романе оказывается циклично, замкнуто кругом. Водолазкин здесь во многом следует христианскому пониманию времени, поскольку для религиозного сознания время движется именно по кругу. Так, события церковного года в понимании христианина происходят вновь во всякий год, церковные праздники – это не воспоминание о том, что было в начале нашей эры, а переживание этих событий заново, потому что они вновь и вновь совершаются. В «Лавре» Водолазкина, таким образом, сочетаются, накладываются друг на друга линейная и нелинейная временные модели. Время жизни героев «то ускоряется, то замедляется, то течёт линейно, то по кругу (в монастыре), то по спирали» [8, с. 70].

В романе М. Голубкова читатель тоже встречает подобное совмещение линейного и нелинейного движения времени. С одной стороны, это линейный принцип – в романе прослеживаются значимые фрагменты жизни каждого из персонажей, и события в рамках этих фрагментов выстроены в хронологической последовательности. Так, читатель точно знает о ходе событий 1933 года в жизни Константина Алексеевича Грачёва, героя первой части романа: получение Константином Алексеевичем важного государственного задания (собрать информацию о Ганусене и узнать, каким образом можно ограничить влияние этого человека на фюрера), знакомство с немцем Вальтером фон Штайном, совместная поездка Константина и Вальтера в Берлин, остановка в Бресте и эпизод гадания, пребывание в Берлине

(посещение «психологических опытов» В. Мессинга, вновь предсказание убийства, гибель Вальтера), возвращение в Москву. Во второй части романа в хронологическую линию выстраиваются события последнего года жизни Бориса Алексеевича Грачёва (1937), равно как и в третьей части – события, связанные с Тоней, Афанасием Шумелко, Любовью Исааковной Рубинштейн.

Вместе с тем, линейная форма повествования сочетается в романе с нелинейной – так, первая часть романа представляет собой совмещение двух временных планов. Повествование о событиях 1933 года перемежается с рассказом о том, что происходит с Константином Алексеевичем в 1973 году: описан последний день его жизни и смерть в зале ожидания Белорусского вокзала. Фрагменты 1933 и 1973 годов чередуются, сопоставляются, внимание читателя переключается из одного времени в другое. Этот приём заставляет вспомнить о литературной традиции – например, о романе «Старик» Ю. Трифонова, но если у Трифонова события прошлого представлены именно как воспоминания Летунова, то в «Миусской площади» речь идёт не столько о воскрешении в памяти героя событий 30-х годов, сколько именно о совмещении двух «объективных» повествовательных планов.

Сочетание последовательного изложения событий с отступлениями от хронологической схемы повествования читатель встречает и во второй части романа: первая и последняя главы второй части рассказывают о дне накануне ареста Бориса Алексеевича Грачёва (1 мая 1937 года), а то, что происходило в его жизни за несколько месяцев до этого, становится содержанием второй – одиннадцатой глав.

В романе М. Голубкова, как и в «Лавре» Е. Водолазкина, действует и круговая, или концентрическая, модель времени. Это особенно очевидно в первой части романа, которая завершается смертью Константина Алексеевича: уход из жизни становится для героя возвратом в 1933 год, в своё «родное» время. Как Лавр в старости «возвращается» к самому важному и трагическому эпизоду своей жизни, так и Константин Алексеевич «возвращается» к тем людям и событиям, которые были ему наиболее дороги. И в «Лавре», и в «Миусской площади» конец и начало человеческой жизни оказываются сомкнуты, и точкой их соединения служит наиболее значимый, поворотный жизненный момент.

Казалось бы, два современных романа – «Миусская площадь» и «Лавр» – демонстрируют явные сходжения в трактовке феномена времени: время как иллюзия, представление об одномоментном существовании событий прошлого, настоящего и будущего, возможность перемещаться по времени как по пространству и предвидеть события, которые ещё только должны случиться. В обоих случаях сочетаются линейная и нелинейная модели времени.

Вместе с тем, при определённом сходстве в трактовке проблемы времени глубинную сущность этого феномена М. Голубков и Е. Водолазкин понимают принципиально различно. Несколько схематизируя, можно признать, что Водолазкин понимает время как средство, а Голубков – как цель. Что имеется в виду?

Мировоззренческая основа романа Водолазкина религиозна. В основе «Лавра» лежит нравственный вопрос,

это роман о пути человека к Богу. Все другие аспекты романа носят подчинённый, вторичный характер по отношению к этому центральному вопросу. Проблема времени тоже подчинена религиозно-нравственной доминанте романа. Время в «Лавре» рассматривается прежде всего как средство – оно дано Богом для того, чтобы человек имел возможность пройти путь нравственного совершенствования, чтобы совершать добрые дела. «Человек не рождается готовым. Он учится, осмысливает опыт и строит свою личную историю. Для этого ему и нужно время» [4, с. 281]. Путь нравственного роста личности возможен только во времени, и время служит этой цели. Феномен времени в понимании Водолазкина имеет, таким образом, религиозно-нравственный смысл, а само время становится средством самосовершенствования и восхождения по пути богопознания.

В романе «Миусская площадь» суть феномена времени понимается принципиально иначе. Автор не ставит нравственных или религиозных акцентов в понимании времени. Если для Водолазкина время – это средство, то в романе Голубкова время обладает ценностью само по себе, как таковое. Более того, целью и смыслом человеческой жизни (а также целью и смыслом человеческой смерти) оказывается именно возвращение в «своё», «родное» время. Таким временем для Константина Алексеевича и становится 1933 год. Подлинным итогом последнего в жизни Константина Алексеевича путешествия (через всю Москву, из Черёмушек в Миуссы) и становится возврат в «родное» время: «Оказалось, что умереть – это вовсе не перестать

существовать, но вернуться в своё время, когда ты любишь и любим, когда ты нужен и тебе нужны, когда есть дом, где тебе рады и тебя ждут» [5, с. 93].

Для героев Водозазкина понятие «родного» времени было бы немыслимо, поскольку на самом деле все события существуют одновременно, сразу, и они лишь условно распределены по отдельным этапам человеческой жизни. У Арсения принципиально не может быть «родного» времени, ведь Арсений даже не всегда понимает, «какое время следует считать настоящим» [4, с. 10]. Водозазкин здесь может быть соотнесён в своём понимании времени скорее не с Голубковым, а с Крусановым, который размышляет в одном из своих рассказов о том, что «время слипается в голове в одно вязкое *всегда*, где нет места календарю, временам года, памятным датам» [10, с. 270]. И в романе Водозазкина события «не всегда протекают во времени <...> Порой они протекают сами по себе. Вынутые из времени» [4, с. 205]. То или иное событие далеко не всегда связывается с определённым периодом жизни человека.

Время для героев Водозазкина – не более чем частность, «во времени нуждается лишь материальный мир» [4, с. 281]. Смыслом жизни для героев Водозазкина ни в коем случае не может быть возвращение в то или иное время (в «родное время»), смысл их жизни – в воссоединении с Богом и преодолении времени. «Мы заперты во времени из-за слабости нашей» [4, с. 279], – размышляют герои «Лавра», и рано или поздно плен времени, клетка времени должны рухнуть.

Концепция «Миусской площади» вовсе не связана с представлением об отмене времени. Напротив, «родное

время» (то, в котором человек внутренне укоренён, время расцвета его душевных и физических сил) – ключевое понятие романа. Невозможно представить себе, что в романе «Миусская площадь» герои размышляли бы о событиях, существующих вне времени, как у Водозазкина. Наоборот, каждое событие строго привязано к определённому моменту времени, тот или иной комплекс событий определяет лицо, облик каждого временного этапа. События вовсе не смешиваются в сознании героя в единый вневременной поток, как в романе Водозазкина или в «Глине» Крусанова.

Таким образом, мировоззренческая основа понимания феномена времени у Е. Водозазкина и М. Голубкова оказывается принципиально различной. Водозазкин трактует феномен времени в религиозном, христианском ключе: время воспринимается как принадлежность несовершенного человеческого мира, оно оказывается в конечном счёте преодолимо, и в пространстве «вечности», за чертой физического бытия, будет отменено. Концепция романа «Миусская площадь» не религиозна, и время понимается М. Голубковым не в соответствии с христианскими представлениями, а как нечто константное, изначально присущее мироустройству и не подлежащее отмене. Хотя настоящее время может быть иллюзией, условностью по отношению к прошлому или будущему, хотя герои романа размышляют о том, что на самом деле будущее уже существует, но при этом время как таковое не отменяется. Время – то, что будет всегда. В своей трактовке феномена времени М. Голубков в какой-то мере близок бергсоновскому понима-

нию: для обоих авторов время «не есть нечто абстрактное, текущее независимо от нас: оно составляет внутреннюю суть нашего сознания, живёт и звучит в нас» [3, с. 220]. Но есть и существенные различия между бергсоновской интерпретацией феномена времени и той, которая выражена в романе «Миусская площадь». Для Бергсона время – единый поток, длительность, «непрерывная мелодия нашей внутренней жизни, которая тянется, как неделимое, от начала до конца нашего сознательного существования» [2, с. 949], «эту мелодию нельзя разбить на отдельные моменты» [3, с. 220]. В понимании же Голубкова время принципиально дискретно – оно дробится на фрагменты, связанные с теми или иными событиями человеческой жизни. Поэтому «вечность» – это вовсе не отмена и преодоление времени (как для героев «Лавра»), а, наоборот, возвращение, проникновение в тот или иной временной отрезок, установление неразрушимой связи между бытием человека и его «родным» временем.

При различной основе понимания самого феномена времени (религиозно-нравственной у Е. Водолазкина, эмоционально-субъективной у М. Голубкова), авторы «Миусской площади» и «Лавра», как мы убедились, отчасти сходятся и в восприятии этого феномена, и используют общие приёмы писательской техники – в частности, сочетание линейных и нелинейных повествовательных моделей.

На примере анализа текстов Голубкова и Водолазкина очевидно, что проблема времени выходит на первый план именно у тех писателей рубежа XX–XXI вв., которые наиболее тесно связаны с модернистской традицией.

У модернистов в период 1920–30-х гг. эта проблема порой играла ключевую роль – например, в ряде произведений А. Белого, А. Грина, М. Булгакова, О. Мандельштама, В. Набокова. У всех этих авторов читатель встречается и нелинейные временные модели, и нелинейные повествовательные схемы. «Ещё М. Пруст, основоположник импрессионистического романа, сделал законы субъективной памяти организующей основой романа, цементирующей его композиционную структуру <...> Это привело к трансформации художественного времени: повествователь как бы скользит по времени, свободно перемещается в художественном пространстве между прошлым и будущим» [6, с. 217]. Голубков и Водолазкин – авторы, наследующие и преломляющие на новом этапе закономерности модернистского литературного мышления. Проблематику времени они во многом разрабатывают в модернистском ключе, но их эксперименты с художественным временем выглядят более радикально, нежели у модернистов, а понимание феномена времени ещё дальше отстоит от классических моделей.

Д.С. Лихачёв отмечал, что «категория времени имеет всё большее и большее значение в современном понимании мира и в современном отражении этого мира в искусстве. Развитие представлений о времени – одно из самых важных достижений новой литературы» [11, с. 209]. Пристальное внимание к вопросу времени у авторов XXI в., причём столь различных по своим мировоззренческим ориентирам, как Е. Водолазкин и М. Голубков, говорит о том, что именно эта проблема во многом и определяет облик современной литературы.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Архангельская А.В. Время древнерусское и современное в романе Евгения Водолазкина «Лавр»: материалы Научной конференции «Ломоносовские чтения» 2013 года и Международной научной конференции студентов, аспирантов и молодых учёных «Ломоносов-2013» / под ред. М.Э. Соколова, Г.А. Голубева, В.А. Иванова, Н.Н. Миленко, В.В. Хапаева. Севастополь: Экспресс-печать, 2013. С. 113-114.
2. Бергсон А. Восприятие изменчивости // Бергсон А. Творческая эволюция. Материя и память. Минск: Харвест, 1999. С. 926-959.
3. Блауберг И.И. Анри Бергсон // Путь в философию. Антология. М.: ПЕР СЭ; СПб.: Университетская книга, 2001. 445 с.
4. Водолазкин Е.Г. Лавр. М.: Издательство АСТ, 2016. 440 с.
5. Голубков М.М. Миусская площадь. М.: ЗАО Центрполиграф, 2007. 399 с.
6. Голубков М.М. Русская литература XX в.: После раскола. М.: Аспект Пресс, 2001. 267 с.
7. Ермакова А. Михаил Голубков. Миусская площадь. Версия правды // Знамя. 2008. № 12. С. 206-208.
8. Иванова Е.А. Лингвокультурологический потенциал романа Е. Водолазкина «Лавр» // Мир русского слова. 2014. №3. С. 66-71.
9. Калдыбекова Ж.А. Художественное время в романе Е. Водолазкина «Лавр» // Наука и современность. 2015. № 37-1. С. 103-107.
10. Крусанов П.В. Царь головы. М.: АСТ: Редакция Елены Шубиной, 2014. 314 с.
11. Лихачёв Д.С. Поэтика древнерусской литературы. М.: Наука, 1979. 360 с.
12. «Я знал, второго «Лавра» писать нельзя». Интервью с Е. Водолазкинским [Электронный ресурс]. URL: <http://www.culture.ru/materials/158683/evgeniy-vodolazkin-ya-znal-vtorogo-lavra-pisat-nelzya> (дата обращения: 1.04.2017).

REFERENCES:

1. Arkhangel'skaya A.V. Time ancient and modern in the novel by Eugene Vodolazkin "Laurus". In: *Materialy Nauchnoi konferentsii «Lomonosovskie chteniya» 2013 goda i Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii studentov, aspirantov i molodykh uchenykh «Lomonosov-2013»* [Materials of the Scientific conference "Lomonosov readings 2013" and International scientific conference of students, postgraduates and young scientists "Lomonosov-2013"]. Sevastopol, Ekspress-pechat' Publ., 2013, pp. 113-114.
2. Bergson A. The perception of variability. In: *Bergson A. Tvorcheskaya evolyutsiya. Materiya i pamyat'* [Bergson A. Creative evolution. Matter and memory]. Minsk, Kharvest Publ., 1999, pp. 926-959.
3. Blauberg I.I. *Anri Bergson. Put' v filosofiyu. Antologiya* [Henri Bergson. The path to philosophy. Anthology]. Moscow, PER SE Publ. St. Petersburg, Universitetskaya kniga Publ., 2001. 445 p.
4. Vodolazkin E.G. *Lavr* [Laurus]. Moscow, AST Publ., 2016. 440 p.
5. Golubkov M.M. *Miusskaya ploshchad'* [Miusskaya square]. Moscow, ZAO Tsentrpoligraf, 2007. 399 p.
6. Golubkov M.M. *Russkaya literatura XX v.: Posle raskola* [Russian literature of the 20th century: After the split]. Moscow, Aspekt Press Publ., 2001. 267 p.
7. Ermakova A. Mikhail Golubkov. Miusskaya square. Version of the truth. In: *Znamya* [Banner]. 2008, no. 12, pp. 206-208.
8. Ivanova E.A. Linguistic and cultural potential of the E. Vodolazkin. In: *Mir russkogo slova* [World of Russian word]. 2014, no. 3, pp. 66-71.
9. Kaldybekova ZH.A. Art time in the novel «Laurus» by E. Vodolazkin. In: *Nauka i sovremennost'* [Science and modernity]. 2015, no. 37-1, pp. 103-107.

10. Krusanov P.V. *Tsar' golovy* [The tsar of the head]. Moscow, AST Publ.: Elena Shubina ed., 2014. 314 p.
11. Likhachev D.S. *Poetika drevnerusskoi literatury* [The poetics of old Russian literature]. Moscow, Nauka Publ., 1979. 360 p.
12. «YA znal, vtorogo «Lavra» pisat' nel'zya». Interv'yū s E. Vodolazkinym ["I knew the second "Laurus" can not be written". Interview with E. Vodolazkin [E-source]] In: *Kul'tura* [Culture]. Available at: <http://www.culture.ru/materials/158683/evgeniy-vodolazkin-ya-znal-vtorogo-lavra-pisat-nelzya> (accessed 1.04.2017)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Кротова Дарья Владимировна – кандидат филологических наук, преподаватель кафедры истории новейшей русской литературы и современного литературного процесса филологического факультета Московского государственного университета имени М.В.Ломоносова;
e-mail: da-kro@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Daria V. Krotova – PhD in Philological sciences, lecturer at the Department of History of newest Russian literature and contemporary literary process, Philological faculty, Lomonosov Moscow State University;
e-mail: da-kro@yandex.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Кротова Д.В. Модели интерпретации проблемы времени в современном романе: «Лавр» Е. Водолазкина, «Миусская площадь» М. Голубкова // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2017. № 4. С. 96-105.
DOI: 10.18384/2310-7278-2017-4-96-105

CORRECT REFERENCE TO THE ARTICLE

D. Krotova. The models of interpretation of time problem in contemporary novel: "Laurus" by E. Vodolazkin, "Miusskaya square" by M. Golubkov. In: Bulletin of Moscow Region State University. Series: Russian philology. 2017, no. 4, pp. 96-105.
DOI: 10.18384/2310-7278-2017-4-96-105

УДК 82-1/-9

DOI: 10.18384/2310-7278-2017-4-106-115

ЛИТЕРАТУРНО-КРИТИЧЕСКАЯ ПОЗИЦИЯ Н.М. КАРАМЗИНА ПЕРИОДА «ВЕСТНИКА ЕВРОПЫ» (1802-1803)*

Сапченко Л.А.

Ульяновский государственный педагогический университет имени И.Н. Ульянова
432700, г. Ульяновск, пл. 100-летия со дня рождения В.И. Ленина, д. 4,
Российская Федерация

Аннотация. Публикации Карамзина 1802–1803 гг. рассматриваются с точки зрения задач литературного дела в новую для России эпоху. Установка на доброжелательную критику трактуется как способ содействия творческим возможностям автора, призванного служить благу Отечества. В статье ставится проблема, было ли искусство для Карамзина явлением самоценным, или же оно всегда оставалось способом достижения внеположных целей (европеизации русской культуры, забвению печальной реальности, воспитанию добродетели и патриотизма). Парадокс сочетания творческой деятельности с определением жизни как сновидения перекрывается убеждением Карамзина, что раскрытие всех душевных способностей человека есть путь к бессмертию.

Ключевые слова: Н.М. Карамзин, «Вестник Европы» 1802–1803 гг., задачи литературной критики, назначение искусства.

LITERARY-CRITICAL POSITION OF N. KARAMZIN IN THE PERIOD OF THE “HERALD OF EUROPE” (1802–1803)

L. Sapchenko

Ulyanov Ulyanovsk State Pedagogical University
4, sq. of 100-letiya so dnya rozhdeniya V. I. Lenina, 432700, Ulyanovsk, Russian Federation

Abstract. Publications of Karamzin of 1802–1803 are examined from the point of view of the tasks of literature in a new era for Russia. Orientation towards benevolent criticism is interpreted as a way of promoting the creative abilities of the author, who is called up to serve the good of the fatherland. The article poses the problem: was art an inherently valuable phenomenon for Karamzin, or was it always a way to achieve the external goals (Europeanization of Russian culture, the oblivion of sad reality, breeding virtue and patriotism). The paradox of the combination of creative activity with the definition of life as a dream is overlaid by Karamzin's conviction that the realization of all the spiritual faculties of a man is a way to immortality.

Key words: N. Karamzin, “The Herald of Europe” 1802–1803, tasks of literary criticism, the purpose of art.

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 15-04-00494 «Н.М. Карамзин: энциклопедический словарь»

© Сапченко Л.А., 2017.

С началом царствования Александра I изменилось мировосприятие Карамзина, стали иными его воззрения и на литературу, и на действительность. Теперь все виды деятельности – и художническая, и практическая – должны были служить, по Карамзину, одной цели: благу Отечества, просвещению и добродетели. В связи с этим большая польза ожидалась от одобрения, поощрения талантов, а не от критики. Всё это отразилось в содержании и структуре «Вестника Европы» (1802–1803). Хотя жанр рецензии в значительной мере уступает в журнале место программным материалам о просветительской роли и нравственном значении литературы в жизни русского общества, всё же Карамзин остаётся верен своим главным эстетическим установкам. Он призывает быть снисходительным, не указывать на недостатки, а вдохновлять русских сочинителей, хвалить, а не бранить их творения: «Мы не аристократы в литературе: смотрим не на имена, а на произведения и сердечно рады способствовать известности молодых авторов» [6, с. 127].

Печатная критика, по убеждению Карамзина, должна быть непременно доброжелательной. Резкие, строгие суждения он отрицал, ибо они пугают «всякое нежное самолюбие» и «своею грубою строгостию» могут «совершенно отвратить» писателя от авторства [6, с. 154]. Верный принципу, что нельзя подходить к произведению со своими требованиями, с заранее готовыми установками, будь то даже правила Аристотеля, Карамзин пишет статью «О Богдановиче и его сочинениях» [4]. «Грации и их любимцы» боятся педантов, считает Карамзин. «Душеньку» Богдановича он называет «лёгкой

игрой воображения, основанной на одних правилах нежного вкуса, а для них нет Аристотеля. В таком сочинении всё правильно, что забавно и весело, остроумно выдуманно, хорошо сказано» [6, с. 135]. Критик предлагает «без всякого учёного масштаба» идти вслед за стихотворцем. Отметив «хорошие и прекрасные места» в «Душеньке», Карамзин замечает, что она, конечно, «не вся писана такими счастливыми стихами, но вообще столь приятна, что благоразумный критик, чувствительный красотах искусства и дарования», не захочет «на счёт её доказывать своей тонкой разборчивости» и не забудет оценить художественные открытия поэта. Противоположный подход Карамзин называет «пустословием или злословием» [6, с. 149], говорит о неуместности строгой оценки.

В статье о Богдановиче Карамзин идёт по пути, намеченному ещё в «Пантеоне российских авторов»: «то же внимание к биографии писателя, активное использование характерных анекдотов, воспоминаний современников» в сочетании с «попыткой психологического анализа» [9, с. 69-70].

Между тем для нового периодического издания оказались характерны не критические отклики разных жанров, а статьи, посвящённые насущным задачам литературного и культурного развития России. Карамзин назвал свой журнал «Вестник Европы», однако принципиальное значение приобретает в нём русская тема.

Если в «Письмах русского путешественника» Карамзин утверждал, что путь образования или просвещения один для всех, и национальная специфика воспринималась им как помеха на пути к «братству просвещённых наро-

дов», то в «Вестнике Европы» ставится проблема своеобразия исторического пути России. Провозглашённая ранее идея ученичества у Европы и усвоения её опыта вводится в определённые рамки и противопоставляется идее неповторимости нравственной «физиогномии» нации.

Кроме того, формирование полноценной личности связывается с её включением в мир русской истории и культуры, в мир семьи и родной природы.

Одна из программных статей «Вестника Европы» [4] «О книжной торговле и любви к чтению в России» детально характеризует просветительскую концепцию Карамзина, которая обрела у него новое дыхание с воцарением Александра I и была связана с надеждами русского общества на благое обновление жизни. В основании статьи, многоаспектной и энциклопедически насыщенной, но отличающейся от других особой степенью убеждённости (вместо характерной для Карамзина диалогичности), лежит уверенность автора не только в возможности, но уже в самой реальности умственного и нравственного прогресса [см.: 7]. При этом стремление Карамзина согласовать позиции, снять противоречия, гармонизировать отношения проявилось здесь в его желании примирить словесность и коммерцию, объединить выгоды книжной торговли и просветительские цели.

Назначение словесного искусства видится Карамзину в том, чтобы учить добру, а заодно и логике, риторике, сообщать в увлекательной форме разнообразное знание, занимать сердце, развивать воображение, давать уроки добродетели и нравственности.

Статьи «Вестника Европы» свидетельствуют о различиях в отношении Карамзина к тем или иным литературным жанрам. Как и прежде, понятие «роман» неизменно сопровождается снисходительной интонацией и располагается на нижних ступенях иерархической лестницы, верхние же отделы документальным и историческим жанрам, в которых Карамзин отмечает следы трудолюбия, систематического ума, «соединённого с талантом писать» [3, с. 35].

Тем не менее, роман предстаёт как наиболее востребованный массовым читателем жанр, поскольку «не всякий может философствовать или ставить себя на месте героев истории; но всякий любит, любил или хотел любить и находит в романическом герое самого себя» [6, с. 118]. «Всякий» – это и есть главный адресат журнальной и книжной продукции, призванной решать культурно-просветительские задачи. Критик должен был признать, что «роман более способствует прогрессу человечества, чем проповедь: художник успешнее действует на людей, чем моралист» [10, с. 25-26].

Проблема читателя становится в статьях Карамзина принципиально важной. Его литературно-критические отзывы обращены, прежде всего, к читателю. Карамзин постоянно делает акцент на восприятии произведения публикой (литературными кругами и «массовым» читателем). Нередко именно с упоминания о том, как приняла произведение публика, какое впечатление произвело на неё то или иное сочинение, начинаются карамзинские рецензии. К восприятию книги читателями разных групп и уровней критик не раз и не два может обращаться

в самой краткой журнальной заметке. Предполагаемое мнение публики всегда учтено у Карамзина. Оценка произведения отнюдь не навязывается критиком: он даёт слово самому автору (цитируя его) и апеллирует к справедливому суждению и благородному вкусу читателя.

В карамзинских литературно-критических текстах присутствуют, по крайней мере, три точки зрения – критика, читателя и автора. При этом Карамзин постоянно ставит себя в положение рецензируемого автора, передаёт его ощущения. Так, он приводит слова Расина, который говорил, что «огорчение, которое делала ему самая худая критика, несравненно превосходило ту радость, которую чувствовал он от величайших похвал» [6, с. 63]. Но нельзя не отметить, что ценностный мир самого критика, его нравственный и философско-эстетический идеал (необходимость «представлять характеры в их эстетической и нравственной истине» [6, с. 112]) зримо просвечивают сквозь «беспристрастное» суждение.

Статья «От чего в России мало авторских талантов?» хотя и не является откликом на какое-либо творение словесного искусства, но чрезвычайно важна для понимания литературно-эстетической позиции издателя, представляя собой своего рода рекомендации российским авторам. «Автору надобно иметь не только собственно так называемое дарование, – то есть какую-то особенную деятельность душевных способностей, – но и многие исторические сведения, ум, образованный логикой, тонкий вкус и знание света» [6, с. 124], – пишет Карамзин. Кроме того, «Работа есть условие ис-

кусства; охота и возможность преодолевать трудности есть характер таланта» [6, с. 125].

Карамзин касается актуальных тогда споров о языке: «Истинных писателей было у нас ещё так мало, что они не успели дать нам образцов во многих родах; не успели обогатить слов тонкими идеями; не показали, как надобно выражать приятно некоторые, даже обыкновенные, мысли. <...> Что ж остаётся делать автору? Выдумывать, сочинять выражения; угадывать лучший выбор слов; давать старым некоторый новый смысл, предлагать их в новой связи, но столь искусно, чтобы обмануть читателей и скрыть от них необыкновенность выражения!..» [6, с. 124].

В статье «Мысли об уединении» автор представляет свою концепцию литературы и действительности, которые соотносятся, по его мнению, так же, как игра воображения (магия слов, «чародейство красных вымыслов») и «бедная существенность». Заметим, что и в статье «От чего в России мало авторских талантов?» искусство сопрягается с понятием «обмана».

Критик с почтением упоминает учёных, мыслителей – Бюффона, Вольтера, Руссо, и со снисхождением – пользующихся популярностью Эмина, Коцебу и пр. Науки, философия, история стоят для Карамзина выше беллетристики и имеют иную, более высокую цель – познание действительного мира, т. е. то, что доступно «не всякому» и что определило внутреннюю готовность Карамзина перейти от жанров, построенных на вымысле, к произведениям, основанным на истине: к написанию «Истории...».

С уступительной интонацией сообщается о том, что автор «Атеноровых

путешествий по Греции и Азии», господин Лантье «советуется более с воображением, нежели с историей и хронологией», но доставляет приятность «некоторого роду читателей», которые «читают для забавы, не разбирая, что История и что роман» [5, с. 143].

Иным предстаёт отзыв на «Историческое описание Российской торговли, сочинённое А. Шторхом» [3, с. 55-56]. «Сия важная книга» почтительно характеризуется как «произведение не только великого трудолюбия, но и систематического ума, соединённого с талантом писать» и в этом смысле противопоставляется «томам г. Чулкова» – «беспорядочному собранию материалов, изданных под именем Истории» [3, с. 55].

Почти каждая фраза Карамзина включает в себе критерии его литературно-критических оценок: достоверность содержания, умение увлекательно и талантливо его передать, логика, систематичность в изложении, правильность языка (или перевода [см.: 8]), доступность широкому читателю («всякому»).

Желание автора «только забавлять» получает более скромную оценку, чем его учёность, которой он не хвастает, и знания, которые он не демонстрирует.

Искусство должно украшать жизнь, улучшать нравственную природу человека, воспитывать патриотов, но оно не может постигнуть законы бытия. Художественное произведение может быть «зеркалом окружающих предметов», но приблизиться к пониманию истины могла лишь человеческая история, понимаемая Карамзиным как осуществление «плана Провидения». Не литература, и не критика, и даже не философия – лишь история, как по-

лагал Карамзин, могла дать истинное знание о настоящем и будущем человечества.

В начале 1800-х годов Карамзин видит цель писателя в том, чтобы сказать правду о прошлом и настоящем, а не уйти в страну воображения. В очерке «Исторические воспоминания, вместе с другими замечаниями на пути к Троице и в сём монастыре» Карамзин отметил: «История в некоторых летах занимает нас гораздо более романов; для зрелого ума истина имеет особую прелесть, которой нет в вымыслах» [3, с. 46].

«Обращение к “Истории”» выдвигало требование точности, абсолютной верности материалу, фактам. <...> Для него теперь главным было стремление изображать действительный мир. <...> Отсюда стремление Карамзина-художника ссылаться на источник – летопись, документ, мемуары» [11, с. 104].

Прежде чем оставить литературу и журналистику и обратиться полностью к истории, Карамзин не раз высказывал предположение о том, что историю и литературу (т.е. истину и воображение) можно соединить. Само название его статьи «О случаях и характерах в российской истории, которые могут быть предметом художеств» [1] **содержит эту мысль.** «Писатель – это уже не “лжец”, умеющий “вымышлять приятно”, заставляющий читателя забываться в “чародействе красных вымыслов”. Литература должна стать “зеркалом ума и чувства народного”, а писатель, художник или ваятель – “органом патриотизма”» [11, с. 95]. Художник должен обратиться к исторической реальности, к эпохам испытаний и бедствий Отечества, к героическим личностям русской исто-

рии, к их патриотическим подвигам и подать нравственный пример своим современникам и потомкам.

Для самого Карамзина это был путь к созданию «Истории». «История не роман и мир не сад, где всё должно быть приятно: она изображает действительный мир» [6, с. 234]. История стала для него источником вдохновения.

Карамзина всё более привлекают теперь летописи, изустные предания, исторические анекдоты, народные песни и пословицы – всё то, что несёт на себе печать исторической истины. Истина, по его мнению, кроется в фактах, в научном знании. Искусство может играть здесь лишь вспомогательную роль. «Совершенно очевидно, что поискам “выдумки” и “необыкновенности” в поэзии в истории соответствуют у Карамзина живописность и “раскраска”» [12, с. 53].

Искусство для историка – лишь способ подачи достоверного материала. Оно может создать образ видимого мира, отразить его («зеркало»), но не проникнуть в его сущность. Способность постигать истину с помощью воображения писатель, видимо, считал уделом лишь гениев.

По-видимому, разговор о Карамзине-критике не может обойтись без суждений о нём как о писателе. И дело здесь не в том, в каком качестве он был весомее и значительнее для отечественной литературы, а в том, какова была карамзинская концепция искусства.

Вопрос, сам по себе непростой, осложняется ещё и тем, что понимание сущности искусства и его функций менялось у Карамзина с течением времени. Кроме того, «критерий вкуса»,

который, как обычно пишут, лежал в основе сентименталистских представлений о прекрасном, весьма относителен.

Допущение разности вкусов делает бесполезными оценочные суждения, и, по сути, пренебрегает чужим мнением, поскольку «уважение к чужому мнению есть поражение аргументации, а значит, в перспективе – прекращение содержательной коммуникации» [14, с. 132]. «Критерий вкуса» есть, по сути, равнодушие к иному воззрению, безразличие к нему, отношение к нему как к несуществующему, т. е. игнорирование. Не случайно поэтому Карамзин не отвечал на критику в свой адрес. В этой ситуации становится проблематичной, если не бессмысленной, сама необходимость критики. Чем является она, если не выражением субъективной оценки, данной критиком? «Оценочное суждение сообщает не только о книге, но и о вас, о вашей субъективности, о вашем жизненном пути, о ваших ценностных предпочтениях, а это может быть не всякому интересно» [14, с. 132], тем более что не всякий примет эту субъективность, этот взгляд, этот ракурс в рассмотрении произведения.

Однако в сентименталистской критике такого рода вопросы не представлялись столь уже неразрешимыми. Во-первых, «субъективность» взгляда как раз и представляла собой определённую эстетическую ценность. Во-вторых, литература сентиментализма, включая критику, исходила из принципиальной, если не сказать субстанциональной, установки – найти взаимопонимание, обрести сочувственников, объединиться в партию друзей человечества и добра. Это казалось возможным. Причём желаемое единство мыс-

лилось не как узкий круг знатоков, а как человечество в целом. Не случайно в карамзинских отзывах реципиентом того или иного произведения назван солидаризирующийся с критиком «всякий». В то же время прав В.А. Недзвецкий, определяя сентименталистскую критику как «суждение изящного вкуса» [13, с. 20]: «Критика как суждение изящного вкуса ничего общего не имеет с чисто вкусовой оценкой. В отличие от поверхностного, а порой и морально нетребовательного характера последней литературно-критические нормы Карамзина и его единомышленников строились на эстетическом основании и гуманистической концепции искусства» [13, с. 26].

Дополнительные трудности создаёт вопрос: было ли искусство для Карамзина явлением самоценным? Или же оно всегда (в его понимании) играло вспомогательную роль: должно было служить чему-либо, было способом достижения каких-либо внеположных ему целей (европеизации русской культуры, забвению печальной реальности в «чародействе красных вымыслов», воспитанию добродетели и патриотизма и т. п.)?

Одновременно с пониманием сущности искусства менялось и представление Карамзина о назначении критики.

1) Европеизация русской культуры, намерение поднять отечественную словесность на более высокий уровень художественного совершенства (период «Московского журнала»).

2) Осмыслить роль и задачи автора в ситуации, когда искусство воспринимается как способ ухода от действительности (середина 1790-х, альманах «Аглая»).

3) Представить «русский взгляд» на европейское искусство («Письма русского путешественника»).

4) Мобилизовать творческие силы России на создание произведений, укрепляющих любовь к отчеству и народную гордость (период «Вестника Европы»).

В сфере мыслительной деятельности главнейшим был для Карамзина вопрос о существовании истины и возможности её познания. Первая половина вопроса решалась Карамзиным утвердительно, вторая – отрицательно или же оставалась без ответа. В то же время отношение Карамзина к искусству как к области воображения, вымысла, фантазии сочеталось с требованиями правдивости описаний и истинности передаваемых чувств. Именно этим определялись границы познавательных возможностей искусства. Хотя за ним оставалось высокое значение – сближать родственные души, всё же Карамзин не воспринимал его как жреческое служение, как божественную миссию, как путь к познанию истины. Односторонне было бы полагать, что в истории Карамзин обрёл для себя искомую реальность, познал «настоящее» через прошлое. Едва ли не большую трудность, чем определение статуса «искусства» в сознании Карамзина, представляет собой его понимание «действительности». Формулой земного бытия стала для него неоднократно повторённая в письмах и стихах фраза «Жизнь есть сон». Однако не случайно Пушкин называл отличительной чертой карамзинского мышления парадоксальность. «Сновидение жизни» соединялось у Карамзина с желанием наполнить её душевными наслажде-

ниями, исполнить свой долг, избежать «мучительных снов». Земной сон и загробное пробуждение соединяются у Карамзина всеобъемлющим понятием «душа», верой в её бессмертие.

Идеал человеческого сообщества на каждом этапе его движения к нравственному совершенству, понимаемому как смысл культуры, был связан у Карамзина с успехами просвещения, т. е. наук и художеств, языка и литературы. Они же, в свою очередь питают, обогащают и возвышают душу человека. Карамзин был убеждён в том, что состояние государства, уровень его просвещённости, степень развития словесности способствуют «раскрытию великих способностей души человеческой» [6, с. 176] (см. его «Речь,

произнесенную на торжественном собрании императорской Российской Академии»).

В свете этой концепции яснее становится причина приверженности Карамзина к доброжелательной критике. Именно она, а не строгое суждение, помогает реализации человеческих талантов. Установка на доброжелательную критику предстаёт как способ содействия творческим возможностям автора, призванного служить благу отечества. Парадокс сочетания творческой деятельности с определением жизни как сновидения преодолевается убеждением Карамзина, что раскрытие всех дарований, всех лучших душевных свойств человека есть путь к бессмертию.

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ ИСТОЧНИКИ:

1. Вестник Европы. 1802. № 4.
2. Вестник Европы. 1802. № 10.
3. Вестник Европы. 1802. № 17.
4. Вестник Европы. 1803. № 9.
5. Вестник Европы. 1803. № 10.
6. Карамзин Н.М. Сочинения: в 2 т. Т. 2. Л.: Художественная литература, 1984. 456 с.

ЛИТЕРАТУРА:

7. Блудилина Н.Д. «Дух нового времени» в публицистических статьях Н.М. Карамзина в «Вестнике Европы» // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2015. № 5. С. 82-91.
8. Кросс Э. «Вестник Европы» Н.М. Карамзина. 1802-1803 // Вестник Европы. 2002. № 6. URL: <http://magazines.russ.ru/vestnik/2002/6/kross.html>
9. Куляпин А.И. Жанрово-стилевая природа критики Н.М. Карамзина // Проблемы метода и жанра. Томск, 1989. Вып. 15. С. 58-70.
10. Лотман Ю.М. Сотворение Карамзина. М.: Книга, 1987. 336 с.
11. Макогоненко Г.П. Литературная позиция Н.М. Карамзина в XIX столетии // Русская литература. 1962. № 1. С. 68-106.
12. Мордовченко Н.И. Русская критика первой четверти XIX в. М.-Л.: АН СССР, 1959. 431 с.
13. Недзвецкий В.А. Русская литературная критика XVIII-XIX веков. Курс лекций. М.: МГУ, 1994. 182 с.
14. Фрумкин К. «Хорошо» и «нравится». Нужны ли оценочные суждения в разговоре о литературе и искусстве // Новый мир. 2017. № 3. С. 125-132.

REFERENCES & SOURCES

SOURCES

1. *Vestnik Evropy* [Herald of Europe]. 1802. no. 4.
2. *Vestnik Evropy* [Herald of Europe]. 1802. no. 10.
3. *Vestnik Evropy* [Herald of Europe]. 1802. no. 17.
4. *Vestnik Evropy* [Herald of Europe]. 1803. no. 9.
5. *Vestnik Evropy* [Herald of Europe]. 1803. no. 10.
6. Karamzin N.M. *Sochineniya: v 2 t. T. 2* [Works in 2 vols. Vol. 2.]. Leningrad, Khudozhestvennaya literatura Publ., 1984. 456 p.

REFERENCES

7. Bludilina N.D. "The new Zeitgeist" in N. Karamzin's publicistic articles in the "Herald of Europe". In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Russkaya filologiya* [Bulletin of Moscow Region State University. Series: Russian philology]. 2015, no. 5, pp. 82–91.
8. Kross E. "Herald of Europe" by N. Karamzin. 1802-1803. In: *Vestnik Evropy*. 2002. № 6. [Herald of Europe. 2002. No. 6.]. Available at: <http://magazines.russ.ru/vestnik/2002/6/kross.html>
9. Kulyapin A.I. Genre-stylistic nature of the criticism of the N. Karamzin. In: *Problemy metoda i zhanra* [Problems of method and genre]. 1989, no. 15, pp. 58–70.
10. Lotman YU.M. *Sotvorenie Karamzina* [The Creation of Karamzin]. Moscow, Kniga Publ., 1987. 336 p.
11. Makogonenko G.P. Literary position of N. Karamzin in the 19th century. In: *Russkaya literatura* [Russian literature]. 1962, no. 1, pp. 68–106.
12. Mordovchenko N.I. *Russkaya kritika pervoi chetverti XIX v.* [Russian criticism the first quarter of the 19th century]. Moscow-Leningrad, AN SSSR Publ., 1959. 431 p.
13. Nedzvetskii V.A. *Russkaya literaturnaya kritika XVIII-XIX vekov. Kurs lektsii* [Russian literary criticism of the 18-19th centuries. A course of lectures]. Moscow, MGU Publ., 1994. 182 p.
14. Frumkin K. "Good" and "like". Are evaluative judgments necessary in talking about literature and art. In: *Novyi mir* [New world]. 2017, no. 3, pp. 125–132.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ:

Сапченко Любовь Александровна – доктор филологических наук, профессор Ульяновского государственного педагогического университета им. И.Н.Ульянова;
e-mail: ssj-sla@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Ljubov' A. Sapchenko – Doctor in Philological sciences, Professor of Ulyanov Ulyanovsk State Pedagogical University;
e-mail: ssj-sla@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Сапченко Л.А. Литературно-критическая позиция Н.М. Карамзина периода «Вестника Европы» (1802-1803) // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2017. № 4. С. 106-115.

DOI: 10.18384/2310-7278-2017-4-106-115

CORRECT REFERENCE TO THE ARTICLE

L. Sapchenko. Literary-critical position of N. Karamzin in the period of the “Herald of Europe” (1802-1803). In: Bulletin of Moscow Region State University. Series: Russian philology. 2017, no. 4, pp. 106-115.

DOI: 10.18384/2310-7278-2017-4-106-115

УДК 82-312.1

DOI: 10.18384/2310-7278-2017-4-116-124

ОСМЫСЛЕНИЕ ТЕМЫ ОТЦОВСТВА В РОМАНЕ Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО «БРАТЬЯ КАРАМАЗОВЫ»

Степченко В.Н.*Московский государственный областной университет**105005, г. Москва, ул. Радио, д. 10А, Российская Федерация*

Аннотация. Статья посвящена раскрытию феномена отцовства в романе Ф.М. Достоевского «Братья Карамазовы». Производится анализ и сравнение двух видов отцовства: биологического (Фёдор Павлович Карамазов) и духовного (старец Зосима). Утверждается, что всякое действие «отцов», равно как и бездействие, имеет нравственные последствия. Как результат эманации отеческой злой воли Карамазова-отца рассматривается явление отцеубийства, которому противостоит добрая воля старца Зосимы, разрывающего порочный «карамазовский» круг. Художественный мир Ф.М. Достоевского определяется как вобравший в себя христианское представление об отеческой ответственности и возможности победы духа над плотью.

Ключевые слова: отец, старец, отцовство, сын, ответственность, воспитание, обязанности, карамазовщина.

COMPREHENSION OF PATERNITY IN THE DOSTOEVSKY'S NOVEL «THE BROTHERS KARMAZOV»

V. Stepchenko*Moscow Region State University**10A, Radio st., Moscow, 105005, Russian Federation*

Abstract. The article is devoted to the phenomenon of fatherhood in F. Dostoevsky's novel «The Brothers Karamazov». A comparison is made of two types of paternity: biological (Fedor Pavlovich Karamazov) and spiritual (elder Zosima). It is argued that every action of the «fathers», as well as inaction has moral consequences. Discussed is the phenomenon of patricide as a result of the emanations of the paternal evil will of the father Karamazov, which is opposed to the good will of the elder Zosima, tearing vicious «Karamazov's» circle. The artistic world of Dostoevsky gives us the Christian idea of the concept of paternal responsibility, and an example of the victory of the spirit over the flesh.

Key words: father, elder, fatherhood, son, responsibility, upbringing, duties, karamazovism.

В своём романе «Братья Карамазовы» Ф.М. Достоевский раскрывает различные стороны человеческого бытия, религиозные вопросы, пути и движения человеческой души, а также показывает взаимоотношения отцов и детей. Писатель вскрывает не только физиологическую, но и духовную составляющую феномена

отцовства, опосредованно, но настойчиво говорит об отеческой ответственности. Ф.М. Достоевский пытается донести знание о важности роли родителей в период становления духовно-нравственного облика человека.

В Священном Писании говорится о том, что родители имеют власть над детьми, и дети должны признавать эту установленную свыше иерархию: «Почитай отца твоего и мать, это первая заповедь с обетованием: да будет тебе благо, и будешь долголетен на земле» [8, с. 238]. Но вместе с властью на родителей возлагается и ответственность за детей. Об этом Св. Дмитрий Ростовский писал: «Юнаго отрока можно уподобить доске, приготовленной для изображения картины: что живописец изобразит, – доброе или худое, святое или грешное, ангела или беса, – то и останется на ней. Так и дитя: какое родители дадут ему первоначальное воспитание, к каким нравам – богоугодным или богоненавистным, к ангельским или бесовским – приучат его, с такими оно и будет жить» [13, с. 158]. В зависимости от того, насколько ответственно или, напротив, безответственно отец относится к вверенной ему миссии по воспитанию своих чад, настолько будут сладки или, наоборот, горьки его плоды: «Не обманывайтесь: Бог поругаем не бывает. Что посеет человек, то и пожнёт» [8, с. 233]. Эту мысль подтверждает С.Л. Шараков в статье «Евангельское слово в поэтике Достоевского»: «Евангельское слово двояко выражается в романах писателя – на уровне художественного слова и на уровне сюжета. В первом случае оно порождает логику образа, во втором – воплощается в виде духовных законов, от исполнения или наруше-

ния которых так или иначе складывается судьба героев» [15, с. 52], в данном случае это закон сеяния и жатвы.

В романе Ф.М. Достоевского «Братья Карамазовы» показаны два типа отцовства: естественное (Фёдор Павлович Карамазов) и духовное (прежде всего – старец Зосима).

Был ли Фёдор Павлович настоящим отцом, в общечеловеческом, библейском понимании этого слова, и выполнял ли он свои отцовские обязательства? У Фёдора Павловича было три сына от двух браков и один внебрачный. Жизнь с первой женой трудно назвать счастливой. От первой жены, Аделаиды Ивановны, родился первенец – Дмитрий. Когда Мите было три года, мать бросила его. Но и отцу мальчик был не нужен. Автор характеризует Карамазова – отца как человека «дрянного и развратного», «бестолкового», сладострастника [3, с. 11]. О своём сыне он просто-напросто забыл, мальчик скитался по чужим семьям, родственникам. Не имея отчего дома, ему пришлось поменять несколько семейных гнёзд. От второго брака родились Иван и Алёша. И их ждала та же участь, что и Митю: и они были забыты отцом. Но их судьба была более благополучна, большую часть времени они воспитывались в семье Ефима Петровича Поленова, благороднейшего и гуманнейшего человека. Он встретил с любовью мальчиков и полюбил их настолько искренне, насколько мог, в особенности младшего, Алёшу. За старшим Ваней заметил необыкновенные способности и сделал всё, чтобы по максимуму их развить, но, к сожалению, так и не смог заменить мальчику отца. Душевная и психологическая травма, полученная Иваном в детстве,

была так велика, что впоследствии ему трудно было оттаять: «Он рос угрюмым и замкнувшимся отроком, ещё с десяти лет проникнувшим в то, что растут они всё-таки в чужой семье и на чужих милостях и что отец у них какой-то такой, о котором даже и говорить стыдно» [3, с. 22].

Для отца у ребёнка воплощена прямая возможность продолжения рода, ведь именно мужчине необходимо воспитать наследника, хранителя семейных обычаев и родовой памяти. Но Фёдор Павлович настолько был занят удовлетворением своих потребностей и наживой, что его нисколько не волновало, кто после него останется и кому он в итоге завещает всё своё имущество. Фёдору Павловичу чуждо понятие родовой памяти: когда Григорий просил барина поставить памятник над могилкой Софьи Ивановны, второй жены Карамазова, то тот «махнул рукой на воспоминания» [3, с. 31] и уехал на несколько лет в Одессу. В итоге даже «глупого, угрюмого и мрачного» лакея больше интересовал вопрос увековечивания памяти и почтения умершей, чем её собственного мужа, и он сам воздвиг памятник на могилке на собственное небольшое жалование.

Дети Карамазовы совершенно не чувствовали никакой привязанности к отцу, доверия, они никак не могли рассчитывать на него в трудную минуту. Молодые люди понимали, что Фёдор Павлович был лишь биологическим отцом, но ничего более. Даже при описании детства мальчиков их называли «сиротами» [3, с. 13]. Отец же не испытывал никаких угрызений совести по этому поводу, и не было ни малейшей мысли искупить свою вину, больше всего он боялся, что его сыновья при-

едут и будут просить у него денег. И вот настал момент, когда сыновья всё же съехались к отцу. Но никто не хотел стать ему ближе. У всех лишь были свои дела: Митя желал получить положенную часть имущества, Иван приехал по просьбе Мити, а Алеша приехал, чтобы посетить могилу матери.

Было бы несправедливо говорить, что Фёдор Павлович никогда не вспоминал о том, что он отец, например, при скандале в монастыре, после которого Карамазов-отец грозился забрать своего сына Алешу: «У меня здесь сын Алексей спасается; я отец, я об его участии забочусь и должен заботиться... Нет, отцы, с вами тут, пожалуй, в хлыстовщину втянешься... Я при первом же случае напишу в синод, а сына своего Алексея домой возьму... Непщуйте, отцы, а я пойду. А сына моего Алексея беру отселе родительскою властью моею навсегда» [3, с. 116]. Но здесь, как отмечает сам автор, нота bene: Фёдору Павловичу не было дела до сына, и до монастыря тоже, просто очередное шутовство и вздор. И когда вскоре после этого случая Алёша пришёл к отцу, Фёдор Павлович встретил его не очень гостеприимно: «Вздор всё это. Напрасно изволил потревожиться. Я так, впрочем, и знал, что ты тотчас притащишься...» [3, с. 169]. Другой случай, когда на Карамазова нахлынули отцовские чувства и воспоминания – это «за коньячком». Старик начал рассказывать различные и не самые лучшие истории о своей второй жене (матери Ивана и Алеши), что и закончилось припадком Алёши.

Однако можно усмотреть несомненное благо в том, что по воле судьбы мальчики росли вдали от отца, что им не приходилось каждодневно ви-

деть отцовский непотребный образ жизни. В книге «Христианское воспитание детей» 1905 года говорится: «Мало того, что в детстве нужно учить всему хорошему и разумному; нужно, кроме того, в раннем впечатлительном детстве оберегать от всего дурного – от дурных слов, действий и всяких дурных примеров, ибо наукою доказано, что человеческая душа с самого раннего младенчества, – даже с двухмесячного возраста всё запоминает и усваивает. А потому при грудных даже детях нельзя ничего худого ни делать, ни говорить» [10, с. 9]. Знаменитый народный проповедник протоиерей Родион Путятин говорит по поводу осторожного поведения родителей к детям следующее: «Так почти всё то остаётся на всю жизнь в детях, что они видят и слышат в младенчестве. И потому, чему вы хотите со временем учить детей, то надобно внушить им и тогда, когда они бывают младенцами. И потому-то родители Пресвятой Девы Марии весьма премудро сделали, когда рано отпустили своё дитя жить в храм. Там всё мирское от Нея было скрыто; она видела и слышала божественное; Она жила и дышала божественным. Напротив, весьма неосторожно поступают те из родителей, которые при младенцах делают и говорят худое или позволяют другим говорить и делать непристойное» [12, с. 35]. И.Б. Павлова в своей статье «Детский вопрос» в постановке М.Е. Салтыкова-Щедрина и Ф.М. Достоевского» также особо отмечает период раннего детства: «Первоначальные впечатления оказывают определяющее влияние на натуру, формируют личность, через родителей и воспитателей ребёнок приобщается к социальным отношениям» [9, с. 126].

Таким образом, у мальчиков, поскольку они возрастали вдали от отчего дома, была возможность видеть другие семьи и других отцов, помимо своего «дрянного» отца с его порочным образом жизни.

Есть ещё четвёртый внебрачный сын Фёдора Павловича – Смердяков. Он жил в непосредственной близости к отцу, и, пожалуй, его детская психика оказалась больше, чем у других детей, подвержена негативному влиянию со стороны Карамазова-старшего: «Человек ещё молодой, всего лет двадцати четырёх, он был страшно нелюдим и молчалив. Не то чтобы дик или чего-нибудь стыдился, нет, характером он был, напротив, надменен и как будто всех презирал» [3, с. 158]. Предыдущих сыновей Фёдора Павловича разобрали родственники, и неизвестно, как бы сложилась судьба у этого ребёнка, если бы не слуга Григорий, который взял его к себе и воспитал как своего сына. Но никакого намёка на отцовско-сыновние отношения со стороны Фёдора Павлович не было. Павел Фёдорович рос на правах лакея.

И вот перед нами встаёт целостная картина: мальчики при живом отце приравнены к сиротам, отец живёт своей жизнью, наполняя её земными удовольствиями. Сыновья презирают своего отца, не желая знаться с ним и, соответственно, считая себя лучше, благороднее, порядочнее, чем он. Так ли это на самом деле? И что происходит, когда отец не выполняет свои обязательства, установленные Богом, по воспитанию и наставлению сыновей? Какие плоды приходится вкушать? Царь Соломон в своих притчах говорит: «Мудрый сын радуется отцу, а глупый человек пренебрегает мать

свою» [2, с. 656]. Так и в случае с Фёдором Павловичем, плоды оказались довольно горькие. Ф.М. Достоевский показывает, что отцовство – это ответственность, которую невозможно снять с себя. Об этом нам наглядно говорит притча о талантах: Господин раздал своим рабам таланты, одному пять, другому два, а иному один. Первые два раба употребили доверенное им имущество в дело и получили доход, а третий раб закопал, чтобы и то, что есть, не пропало. Когда Господин вернулся и раб отдал Ему принадлежавший талант, то заключение Хозяйина было таково: «негодного раба выбросьте во тьму внешнюю: там будет плач и скрежет зубов» [8, с. 30]. Господин рассердился на раба, назвав его негодным, лукавым и ленивым. В данном случае бездействие – это уход от ответственности, от своих обязанностей, проявление лени. Когда раб сказал, что он был не способен пустить в ход своё имущество, то он лукавил, и за это он заслужил наказание. Так и Фёдор Карамазов своим бездействием и неучастием в жизни детей совершил некое сеяние. Что же он пожал?

Начнём с Мити – старшего сына. По всем общечеловеческим понятиям поведение его выходило за рамки, Дмитрий чувствовал к своему отцу нескрываемую ненависть, готов был поднять руку, грозился убить. Насколько горек этот плод? Священное Писание нам говорит, что злословие отца – крайне недопустимое поведение: «Кто будет злословить отца своего или мать свою, тот да будет предан смерти; отца своего и мать свою он злословил: кровь его на нём» [2, с. 128].

Средний сын – Иван. Внешне его поведение более благопристойное,

нежели у Дмитрия. Иван образован, занимается умственным трудом, его нельзя уличить в каких-либо распутствах. Да, он так же, как и Дмитрий, ненавидит своего отца, но это ненависть на первый взгляд безобидна, ибо не выходит наружу в виде рукоприкладства и неконтролируемых эмоций, как у Мити.

Младший незаконнорождённый сын – Смердяков. Это единственный сын, который жил рядом с отцом. Святые отцы вот что говорят о воспитании детей: «Некоторые из родителей совершенно пренебрегают воспитанием детей в раннем их возрасте... и растёт ребёнок, как дикая яблоня в лесу. Отведайте плода с этой яблони в лесу и не возрадуется, – так он кисел и горек. И вот, никем не останавливаемый, не наказываемый и не вразумляемый становится он негодным членом общества, горем для своих родителей, бременем и соблазном для многих» [12, с. 11]. Смердяков – человек, вешавший кошек в детстве и в итоге убивший своего отца. Нет ничего страшнее отцеубийства. Но Смердяков совершил это преступление не один: он был лишь исполнителем, а его идейным вдохновителем был, как выяснилось, средний сын, внешне спокойный Иван. Таким образом, Иван в духе совершил убийство, а Смердяков на деле, тем самым воплотив в жизнь идею Ивана. В случае с Иваном отцеубийство совершено в мысли, а у Смердякова физически [5, с. 52-64].

Таким образом, все трое детей оказались убийцами своего отца: Митя – на словах, Иван – идейно, а Смердяков – фактически. Как тот негодный раб, зарывший талант, получил в высшей мере суровое воздаяние за своё

бездействие, так и Фёдор зарыл в землю своё отцовство и получил за своё бездействие воздаяние – вкусил плод, о котором страшно и помыслить, он, сам того не желая и не предполагая, вырастил в лице своих детей своих убийц.

Особняком в романе стоит Алёша. Несмотря на отдалённость от отца, он также является плодом той же яблони. Ракитин подмечает это: «Ведь я только на тебя, Алеша, дивлюсь: как это ты девственник? Ведь и ты Карамазов! Ведь в вашем семействе сладострастие до воспаления доведено. Ну вот эти три сладострастника друг за другом теперь и следят... с ножами за сапогом. Столкнулись трое лбами, а ты, пожалуй, четвёртый...» [3, с. 103]. Алёша в свою очередь не отрицает этого и в разговоре с Мишей признаётся, что понимает отцовские чувства в отношении Грушеньки, на что проницательный семинарист заключает: «Ты это нечаянно брякнул, это вырвалось. Тем драгоценнее признание: стало быть, тебе уж знакомая тема, об этом уж думал, о сладострастье-то. Ах ты, девственник! Ты, Алёшка, тихоня, ты святой, я согласен, но ты тихоня, и чёрт знает о чём ты уж не думал, чёрт знает что тебе уж известно! Девственник, а уж такую глубину прошёл, – я тебя давно наблюдаю. Ты сам Карамазов, ты Карамазов вполне – стало быть, значит же что-нибудь порода и подбор» [3, с. 103].

Вопреки тому, что Алёша имел прямое отношения к карамазовщине, у него было доброе семя, которое вложила в него его мать – это живая память о духовной жизни. Среди тяжёлых и мрачных безрадостных будней она водила маленького сына в мона-

стырь, чтобы благодать святого места могла оставить хоть какой-то добрый след в маленькой душе. И это семечко по прошествии многих дней дало свой добрый плод: «Из воспоминаний его младенчества, может быть, сохранилось нечто о нашем подгородном монастыре, куда могла возить его мать к обедне. Может быть, подействовали и косые лучи заходящего солнца пред образом, к которому его протягивала его кликуша-мать. Задумчивый, он приехал к нам тогда, может быть, только лишь посмотреть: всё ли тут или и тут только два рубля, и – в монастыре встретил этого старца» [3, с. 36]. Так произошло знакомство старца Зосимы и Алёши. Молодой человек сам выбрал себе в наставники Зосиму и в свою очередь так понравился старцу, что даже был пущен жить к нему в келью. Алёша беспрекословно верил в чудесную силу старца, любил его горячо и сильно, не сомневался в том, что после смерти старец прославит их монастырь, считал его хранителем Божьей правды в глазах народа. Японский исследователь Достоевского К. Итокава отмечал, что община монастыря является тоже своего рода семьёй с духовными отцами и детьми-послушниками и представляет единственный противовес Карамазовым [4].

Старца привлекала чистая душа мальчика. Возможно, старцу Духом Божьим было открыто, что этот юноша должен быть рядом, чтобы «вступить на драгоценный путь сей», иначе велика вероятность, что молодой человек может уклониться на безбожную дорогу: «Если бы он порешил, что бессмертия и Бога нет, то сейчас бы пошёл в атеисты и в социалисты (ибо социализм есть не только рабочий вопрос, или так на-

зываемого четвёртого сословия, но по преимуществу есть атеистический вопрос, вопрос современного воплощения атеизма, вопрос Вавилонской башни, строящейся именно без Бога, не для достижения небес с земли, а для сведения небес на землю)» [3, с. 36].

Земной отец физически рождает дитя, а духовный отец помогает возродиться человеческому духу и направляет очи его сердца к Богу. Старец Зосима смог стать для юноши тем образцом духовного идеала, которого так не хватало мальчику. Старец взял на себя высокую и святую обязанность учить молодого человека истинам веры и деятельности и не только словами наставлять на всякое доброе дело, но и собственным примером показывать святой путь, угодный Богу. Все сыновья Фёдора Павловича виновны в страшном убийстве, но благодаря своей матери, которая смогла посеять в мальчика семена добра, и благодаря духовному отцовству старца Зосимы Алёша вырвался из порочного карамазовского круга.

Ф.М. Достоевский нам ясно показывает два типа отцовства и тот горький плод, который отец может вкусить, имея безответственное отношение к миссии, которую сам Бог доверил человеку, благословив его потомством. Писатель даёт понимание того, каким должен быть отец, – это человек, который здесь, на земле, даёт представление о Боге; в Библии много раз проводится параллель между земным отцом и Небесным Отцом [2, с. 617]. Ф.М. Достоевский показывает, что отец – это человек, который, помимо земных обязанностей по воспитанию и содержанию, является наставником своих детей в начале жизненного пути, учит Божьим заповедям. Таким отцом стал для Алёши старец Зосима, и в дальнейшем, взяв этот светлый образ как пример истинного отцовства, Алёша также начинает опекать мальчиков в лице Коли Красоткина и его друзей, показывая им образ благочестивого и богобоязненного наставника.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Ветловская В.Е. Роман Ф.М. Достоевского «Братья Карамазовы». СПб.: Издательство «Пушкинский дом», 2007. 640 с.
2. Ветхий Завет // Библия: Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета, канонические, в русском переводе с параллельными местами и приложением. М.: Российское Библейское общество, 2006. 925 с.
3. Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений: В 10 т. Т. IX. Братья Карамазовы. М.: ГИХЛ, 1958. 623 с.
4. Итокава К. Фёдор Достоевский. Преодоление самоочевидности. М.: МАКС-Пресс, 2000. 104 с.
5. Кантор В.К. Бердяев о Достоевском: теодицея и свобода // Философские науки. 2014. № 4. С. 52-64.
6. Карякин Ю.Ф. Достоевский: “всё “дитё””. К 150-летию со дня рождения // Наука и религия. 1971. № 10. С. 45-51.
7. Касаткина Т.А. Характерология Достоевского. М.: Наследие, 1996. 336 с.
8. Новый Завет // Библия: Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета, канонические, в русском переводе с параллельными местами и приложением. М.: Российское Библейское общество, 2006. 292 с.

9. Павлова И.Б. Детский вопрос в постановке М.Е. Салтыкова-Щедрина и Ф.М. Достоевского // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2011. № 3. С. 125-129.
10. Парений, епископ Подольский и Брацлавский. Христианское воспитание детей // Общедоступная религиозно-нравственная библиотека. М.: Синодальная Типография, 1905. 70 с.
11. Померанц Г.С. Дети и детское в мире Достоевского // Открытость бездне. Встречи с Достоевским. М.: Советский писатель, 1990. С. 235-255.
12. Протоиерей Родион Путятин. Проповеди: краткие поучения. М: Благовест, 2000. 173 с.
13. Федотова М.А. Житие, почитание и прижизненные чудеса св. Димитрия Ростовского // Святитель Димитрий, митрополит Ростовский: исследования и материалы. Ростов: Спасо-Яковлевский монастырь, 2008. С. 273-310.
14. Фокин П.Е. Категория "отцовства" в идейно-художественной системе Ф.М. Достоевского // Три века русской литературы. Актуальные аспекты изучения. Межвуз. сб. Иркутск, 2003. Вып. 2. С. 13-25.
15. Шараков С.Л. Евангельское слово в поэтике Достоевского // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2012. № 4. С. 51-56.

REFERENCES:

1. Vetlovskaya V.E., Roman F.M. *Dostoevskogo «Brat'ya Karamazovy»* [Dostoevsky's novel "The Brothers Karamazov"]. St. Petersburg, «Pushkinskii dom» Publ., 2007. 640 p.
2. *Vetkhii Zavet // Bibliya: Knigi Svyashchennogo Pisaniya Vetkhogo i Novogo Zaveta, kanonicheskie, v russkom perevode s parallel'nymi mestami i prilozheniem* [The Old Testament / Bible: Holy Scriptures of the Old and New Testament, canonical, in Russian translation with parallel passages and annexes]. Moscow, Rossiiskoe Bibleiskoe obshchestvo Publ., 2006. 925 p.
3. Dostoevskii F.M. *Polnoe sobranie sochinenii: V 10 t. T. IKH. Brat'ya Karamazovy* [Complete works: In 10 vols. Vol. IX. The Brothers Karamazov]. Moscow, GIKHL Publ., 1958. 623 p.
4. Itokava K. *Fedor Dostoevskii. Preodolenie samoochevidnosti* [Fyodor Dostoevsky. Overcoming self-evidence]. Moscow, MAKSPress Publ., 2000. 104 p.
5. Kantor V.K. Berdyaev on Dostoevsky: theodicy and freedom. In: *Filosofskie nauki* [Philosophical science]. 2014, no. 4, pp. 52-64.
6. Karyakin YU.F. Dostoevsky: "all "child". The 150th anniversary of the birth. In: *Nauka i religiya* [Science and religion]. 1971, no. 10, pp. 45-51.
7. Kasatkina T.A. *Kharakterologiya Dostoevskogo* [Characterology Dostoevsky]. Moscow, Nasledie Publ., 1996. 336 p.
8. *Novyi Zavet // Bibliya: Knigi Svyashchennogo Pisaniya Vetkhogo i Novogo Zaveta, kanonicheskie, v russkom perevode s parallel'nymi mestami i prilozheniem* [New Testament / Bible: Holy Scriptures of the Old and New Testament, canonical, in Russian translation with parallel passages and annexes]. Moscow, Rossiiskoe Bibleiskoe obshchestvo Publ., 2006. 292 p.
9. Pavlova I.B. Children's question in the vision of M. Saltykov-Shchedrin and F. Dostoyevsky. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Russkaya filologiya* [Bulletin of Moscow Region State University. Series: Russian philology]. 2011, no. 3, pp. 125-129.
10. Pareenii, episkop Podol'skii i Bratslavskii. Christian parenting. In: *Obshchedostupnaya religiozno-nravstvennaya biblioteka* [Public moral and religious library]. Moscow, Sinodal'naya Tipografiya publ., 1905. 70 p.

11. Pomerants G.S. Children and childish in the world of Dostoevsky. *V kn.: Otkrytost' bezdne. Vstrechi s Dostoevskim* [In the book: The openness to the abyss. Meeting with Dostoevsky]. Moscow, Sovetskii pisatel' Publ., 1990, pp. 235–255.
 12. Protoirei Rodion Putyatin. *Propovedi: kratkie poucheniya* [Sermon: a short speech]. Moscow, Blagovest Publ., 2000. 173 p.
 13. Fedotova M. A. The life, worship and a lifetime of miracles of St. Dimitriy of Rostov. In: *Svyatitel' Dimitrii, mitropolit Rostovskii: issledovaniya i materialy* [St. Dimitriy, Metropolitan of Rostov: studies and materials]. Rostov, Spaso-Yakovlevskii monastyr' Publ., 2008, pp. 273–310
 14. Fokin P.E. The category of “paternity” in the ideological and artistic system of F. Dostoevsky. In: *Tri veka russkoi literatury. Aktual'nye aspekty izucheniya. Mezhevuz. sb.* [Three centuries of the Russian literature. Relevant aspects of the study. Interuniv. coll.]. Irkutsk, 2003, pp. 13–25.
 15. Sharakov S.L. The gospel word in the poetics of Dostoevsky. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Russkaya filologiya* [Bulletin of Moscow state regional University. Series: Russian philology]. 2012, no. 4, pp. 51–56.
-

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Степченкова Валентина Николаевна – аспирант кафедры русской классической литературы Московского государственного областного университета.
e-mail: st_valentina007@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Stepchenkova Valentina Nikolaevna – postgraduate student at the Russian classical literature Department of the Moscow Region State University.
e-mail: st_valentina007@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Степченкова В.Н. Осмысление темы отцовства в романе Ф.М.Достоевского «Братья Карамазовы» // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2017. № 4. С. 116–124.
DOI: 10.18384/2310-7278-2017-4-116-124

CORRECT REFERENCE TO THE ARTICLE

Stepchenkova V.N. Comprehension of paternity in the Dostoevsky's novel «The Brothers Karamazov». In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Russian philology*, 2017, no. 4, pp. 116–124.
DOI: 10.18384/2310-7278-2017-4-116-124

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

DOI: 10.18384/2310-7278-2017-4-125-127

XXII МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ «СОВРЕМЕННЫЙ РУССКИЙ ЯЗЫК: ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ И ПРОБЛЕМЫ ПРЕПОДАВАНИЯ»

Хамшовски С.А.¹, Волкова Е.П.²

¹Будапештский экономический университет прикладных наук, Венгрия

²Сегедский университет, Венгрия

XXII INTERNATIONAL SCIENTIFIC PRACTICAL CONFERENCE «MODERN RUSSIAN LANGUAGE. FUNCTIONING AND PROBLEMS OF TEACHING»

S. Hamsovszki¹, E. Volkova²

¹Budapest Economic University of Applied Sciences, Hungary

²University of Szeged, Hungary

26–27-го мая 2017 г. в Российском культурном центре в Будапеште состоялась XXII Международная научно-практическая конференция «Современный русский язык: функционирование и проблемы преподавания», организованная представительством Россотрудничества совместно с Венгерской ассоциацией преподавателей русского языка и литературы и Будапештским университетом прикладных наук.

В работе конференции приняли участие русисты из Австрии, Азербайджана, Венгрии, Грузии, Италии, Казахстана, Китая, Польши, России, Словакии, Украины, Финляндии, Хорватии, Чехии. Среди многочисленных слушателей были представители из Венгрии и других стран.

Участников конференции приветствовала ведущий специалист-эксперт представительства Россотрудничества в Венгрии Алина Айжарыковна Уразбекова. Доклады пленарного заседания были заслушаны с большим интересом. Открыла пленарное заседание профессор, декан факультета русского языка и общеобразовательных дисциплин РУДН Наталья Владимировна Поморцева. Её доклад был посвящён современным подходам к преподаванию русского языка как иностранного в условиях отсутствия языковой среды. Зав. отделом экспериментальной

лексикографии Института русского языка РАН, профессор Высшей школы экономики Анатолий Николаевич Баранов выступил с докладом «Справедливость» в дискурсе российских СМИ: слово и ценностная категория». Профессор, член-корреспондент Международной академии наук педагогического образования Олег Иванович Федотов рассказал о Гамлете и Офелии как лирических героях Александра Блока. В заключение автор многочисленных пособий по деловому русскому языку Татьяна Николаевна Базванова ознакомила участников конференции с применением гибкой модели иноязычного образования к работе по учебному пособию для специалистов-нефилологов «Бизнес-корреспонденция: пособие по обучению деловому письму для изучающих русский язык как иностранный».

В ходе работы конференции были рассмотрены важные теоретические, практические и методические проблемы: «Вопросы методики преподавания русского языка как иностранного», «Русский язык делового общения», «Лингвистические исследования и возможности их использования в практике преподавания русского языка как иностранного», «Вопросы литературоведения, лингвокультурологии и художественного перевода». На секционных заседаниях выступили специалисты в области преподавания русского языка как иностранного, авторы учебных пособий из ВШМОП СПбПУ Петра Великого, ВШЭ, МГОУ, МГПУ, МПГУ, РГГУ, РУДН, СПбГУ и других университетов России, а также были представлены университеты стран, указанных выше. Венгерские участники представили основные цен-

тры русистики страны: университеты Будапешта, Печа, Сегеда, Сомбатхея, а также средние учебные заведения и образовательный центр «Алфавит». В целом прозвучало около 90 докладов по указанным проблемам.

В конференции приняли участие преподаватели Московского государственного областного университета. Они успешно выступили с докладами, которые вызвали живой интерес и дискуссию. Профессор, почётный работник высшего профессионального образования РФ, академик Международной академии наук педагогического образования Наталья Аркадьевна Герасименко представила доклад «Бисубстантивные предложения как средство выражения мыслительных операций при изучении русского языка как иностранного». Доцент, научный сотрудник ресурсного центра русского языка Дарья Андреевна Савостина провела анализ грамматических особенностей поэтического текста как средства формирования межкультурной компетенции в практике преподавания русского языка как иностранного. Доклад профессора, академика Международной академии наук педагогического образования Татьяны Егоровны Шаповаловой был посвящён словам и событиям: темпоральной синтаксеме в курсе русского языка как иностранного.

Венгерскую русистику достойно представили Балог Эдит, Балогне Петкевич Ольга, Варга Эва Каталин, Вицаи Наталья, Вицаи Петер, Волкова Елена, Калафатич Жужанна, Магочи Нина, Киселёва Екатерина, Орос Арпад, Палади Ангела, Панго Инга, Смирнов Иван, Федосов Олег, Хамшовски Светлана, Хамшовски Юлия, Чак Эва, Ч. Йонаш Эржебет, Янкович Мария.

Они выступили с интересными и содержательными докладами.

По материалам конференции представительством Россотрудничества планируется издание специального сборника.

В подготовке и проведении конференции с венгерской стороны приняли активное участие Барта Эва, Варга Эва Каталин, Калафатич Жужанна, Надь Габор, Тромбиташ Эндре, Хамшовски Светлана, Шимон Ольга, Янкович Мария, Янчикити Эржебет.

Участникам конференции была предложена культурная программа, знакомящая с достопримечательностями Будапешта.

На закрытии конференции руководители секций высказали общее мнение, что мероприятие прошло на высоком научном уровне, актуальность выбранных докладчиками проблем была подтверждена оживлёнными дискуссиями. Все участники выразили огромную благодарность организаторам конференции.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Хамшовски Светлана Алексеевна – кандидат педагогических наук, профессор; Будапештский экономический университет прикладных наук, Венгрия; e-mail: vaprjal@gmail.com

Волкова Елена Петровна – кандидат филологических наук, Сегедский университет, Венгрия; e-mail: helen8357@mail.ru

INFORMATION ABOUT AUTHORS

Svetlana A. Hamsovszki – PhD in Pedagogical sciences, professor, Budapest Economic University of Applied Sciences, Hungary; e-mail: vaprjal@gmail.com

Elena P. Volkova – PhD in Philological sciences, University of Szeged, Hungary; e-mail: helen8357@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Хамшовски С.А., Волкова Е.П. XXII международная научно-практическая конференция «Современный русский язык: функционирование и проблемы преподавания» // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2017. № 4. С. 125-127.

DOI: 10.18384/2310-7278-2017-4-125-127

CORRECT REFERENCE TO THE ARTICLE

S. Hamsovszki, E. Volkova. XXII international scientific practical conference «Modern Russian language. Functioning and problems of teaching». In: Bulletin of Moscow Region State University. Series: Russian philology. 2017, no. 4, pp. 125-127.

DOI: 10.18384/2310-7278-2017-4-125-127

РЕЦЕНЗИИ

DOI: 10.18384/2310-7278-2017-4-128-132

РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ: СЛОВАРЬ ЯЗЫКА ИНТЕРНЕТА.RU / ПОД РЕДАКЦИЕЙ М.А. КРОНГАУЗА. М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2016. 288 С.

Доронина П.Д.

*Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова
119991, г. Москва, Ленинские горы, ГСП-1, Российская Федерация*

REVIEW OF THE BOOK: DICTIONARY OF INTERNET.RU LANGUAGE / ED. BY M. KRONGAUZ'S. M.: AST-PRESS BOOK, 2016. 288 P.

P. Doronina

*Lomonosov Moscow State University
1, Leninskie gory, Moscow, 119991, Russian Federation*

«Словарь языка интернета.ru» под редакцией М.А. Кронгауза представляет собой уникальное издание, при составлении которого авторский коллектив поставил задачу профессионально зафиксировать слова и выражения русского языка, используемые в интернет-коммуникации последние двадцать лет. В работе над словарём участвовали пять исследователей – лингвисты и культурологи (Е.А. Литвин, В.Н. Мерзлякова, А.Ч. Пиперски, А.А. Сомин, Ю.А. Черненко) под руководством заведующего лабораторией лингвистической конфликтологии НИУ ВШЭ профессора М.А. Кронгауза, целью которых явилось описание общего лексического пространства, тенденций и механизмов, формирующих современный сленг. Авторам пришлось столкнуться с проблемой взаимного влияния живого общения и интернет-коммуникации, при котором границы между сетевым жаргоном и лексикой разговорной речи стираются. Таким образом, ставится вопрос происхождения многих современных сленговых слов и выражений. «Мы пошли ещё дальше и включили в словарь слова, про которые точно известно, что возникли они вне интернета, но именно в нём стали необычайно популярными и заиграли новыми красками: *ламповый*, *диванный* или прерывание беседы *ой все*» [с. 5].

Необходимо отметить, что в данном случае, авторы имеют дело с некодифицируемым и изменчивым материалом. Поскольку в интернет-коммуникации не существует чётких правил, многие сленговые слова употребляются в несколь-

ких вариантах. Создателям словаря пришлось опираться на речевую и письменную практику при описании подобных случаев. Определённые проблемы возникают во время работы над толкованием смыслов. В качестве примера в предисловии приводится слово *жесть*. «Слово *жесть* – это всё-таки положительная или отрицательная оценка?» [с. 6] Таким образом, авторы ограничивают массив лексем и словоформ, которые будут рассматриваться в данном словаре.

«Словарь языка интернета.ru» имеет чёткую структуру и состоит из трёх основных разделов: «Слова и выражения», «Термины» и «Субкультуры». В конце издания также приводится алфавитный указатель, который значительно облегчает работу со словарём. Важно отметить то, что многие лексемы упоминаются в статьях несколько раз, и в алфавитном указателе приводятся ссылки на все страницы, где то или иное слово употребляется.

Лексика словаря в рамках соответствующих разделов также упорядочена по алфавитному принципу. В данном издании статьи чётко отделены друг от друга. Определяемое слово имеет чёрный цвет и напечатано жирным крупным шрифтом. Само толкование выделено зелёным маркером. Далее приводится история возникновения той или иной лексемы. В конце каждой статьи можно увидеть по два примера употребления описываемого жаргонизма. Заметим также, что в некоторых случаях текст сопровождается цветными иллюстрациями, как, например, в статьях, раскрывающих слова *норм*, *ванговать*, *оч*, *слоупок*, *ржунимагу* и др.

Чтобы лучше понять структуру толкований жаргонизмов, содержащихся в данном издании, возьмём в качестве иллюстрации статью, посвящённую слову *ржунимагу* [с. 110].

Первый раздел словаря «Слова и выражения» посвящён толкованию лексем современного интернет-жаргона. Здесь приводятся конкретные слова и выражения, а также частные случаи их употребления в коммуникации. Например, в статье про *баттхёрт* также объясняются случаи употребления слов *троллинг*, *школота*, *бомбануло* [с. 18-19]. Особый интерес представляют описания целых фраз, распространённых в интернет-среде, таких, как *Совпадение? Не думаю, тот неловкий момент, когда..., твоё лицо когда...* и др. Во втором разделе «Термины» рассматриваются общие поня-

тия и явления, наиболее часто встречающиеся в сети интернет. В качестве иллюстрации можно привести толкования понятий *блог*, *вай-фай*, *тред*, *смайлик* и др.

Тем не менее очевидна проблема разграничения этих разделов. Сами авторы в предисловии акцентируют внимание читателя на этом вопросе: «Граница между первыми двумя разделами – «Слова и выражения» и «Термины» – условна, но важна. С точки зрения содержания первый раздел – это раздел словаря, второй – в большей степени энциклопедия» [с. 7]. Предполагается, что во втором разделе описываются понятия и термины, имеющие строгое определение. Однако такие слова, как *бан* (ограничение возможностей пользователя в блогах, социальных сетях и на других сайтах) [с. 176] и *холивар* (яростный спор на значимую тему с большим количеством оппонентов, возникающий многократно – в разное время и на разных площадках) [с. 158], предполагают идентичные явления (в данном случае протяжённое во времени действие либо состояние, происходящее в рамках цепочки сообщений дискуссии, то есть *треда*). Эти лексемы также имеют чёткое определение, общеизвестны в интернет-среде и могут употребляться как в частных конкретных ситуациях, так и в качестве общих понятий. Тем не менее авторы определяют слово *бан* в раздел «Термины», а *холивар* – в раздел «Слова и выражения». Та же проблема возникает с лексемами *пруф* (доказательство, подтверждение чего-либо) [с. 101] и *копипта* (способ создания текста путём копирования и вставки фрагментов другого текста, а также текст такого рода) [с. 195]. Оба

слова могут являться окказионализмами: «Дай мне пруж!»», «Это же копипта!» – и подразумевают некую работу с данными, происходящую за пределами коммуникации. Однако *пруф* относится к разделу «Слова и выражения», а *копипта* – к разделу «Термины».

Обратим внимание читателей и на тот факт, что в книгу не вошли такие популярные слова, как *упороться* и *залипать*. Лексема *упороться* (а также *упоротый*, *упарываться*), происходящая из сленга наркоманов, существует достаточно давно, и изменила своё исконное жаргонное значение. При этом в словаре имеется статья, посвящённая графическому мему *упоротый лис* [с. 147]. Лексема *залипать* также является часто употребительной. Исключение данных слов представляется довольно странным, поскольку авторы в предисловии к изданию выводят в качестве критерия отбора «общеупотребительность» и «общее лексическое пространство» [с. 3]. В свою очередь, в книгу включены такие слова, как *лытдыбр*, *шушпанчик*, *бНОПНЯ*, в настоящее время практически вышедшие из обихода.

Особый интерес вызывает третий раздел словаря, который называется «Субкультуры». Статьи этой части посвящены наиболее ярким течениям интернет-среды и их представителям, «чья языковая активность оказалась важной для сетевого русского языка в целом» [с. 7]. Их всего двенадцать, но каждая из представленных субкультур обладает своим ярким неповторимым жаргоном. Примером может послужить сленг *анимешников* [с. 240-242], которому присущи заимствования из японского языка (*отаку*, *лоли*, *манга*), своеобразное выражение эмоций (*ня!*)

и использование в тексте специфических смайлов, таких как $\wedge$ ___ $\wedge$, T___T. При этом некоторые из упомянутых течений уже не существуют, например *падонки* (первоначально посетители сайтов fuck.ru, udaff.com и идейно близкие к ним, а также их последователи) [с. 259] и *кашенинты* (участники эхоконференции su.kashenko.local сети Фидонет и их последователи) [с. 254]. Наоборот, такие субкультуры, как *школа* (подростки в сетевой коммуникации или те, чьи высказывания расцениваются как незрелые) [с. 266] и *геймеры* (любители видеоигр, играющие в них постоянно) [с. 245] появились давно и в данный момент всё ещё находятся в расцвете. Таким образом, вырисовывается яркая социокультурная картина сетевой коммуникации, которая получила компетентное освещение в лексикографическом источнике.

«Словарь языка интернета.ru» будет понятен и интересен даже неподготовленному читателю. В то же время авторский коллектив предпринял

попытку описать явления постоянно изменяющегося и многослойного интернет-жаргона с научной точки зрения с учётом требований современной лексикографии. В данном издании были отражены наиболее яркие черты интернет-коммуникации: речевые клише, слова и выражения, аббревиатуры и сокращения, термины, мемы, а также собственно сами пользователи веб-сети. Особенно хочется отметить работу над культурологическим аспектом и иллюстрациями к определяемым понятиям. Нужно также сказать, что языковые примеры в статьях приводятся с учётом авторской орфографии и пунктуации, чтобы сохранить их языковые особенности. Отметим, что эта универсальная книга издана небольшим тиражом (3000 экземпляров). Словарь кратко и ёмко описывает понятия, присущие интернет-коммуникации, удобен в использовании, имеет небольшой «карманный формат» и снабжен алфавитным указателем.

ЛИТЕРАТУРА:

Словарь языка интернета.ru / под редакцией М.А. Кронгауза. М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2016. 288 с.

REFERENCE:

Slovar' yazyka interneta.ru [Dictionary of internet.ru language]. Moscow, AST-PRESS KNIGA Publ., 2016. 288 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Доронина Полина Дмитриевна – аспирант второго года обучения кафедры ОСиЯ филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова;
e-mail: dwinterman@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Polina D. Doronina – postgraduate student at the Department of general linguistics,
Lomonosov Moscow State University;
e-mail: dwinterman@yandex.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Доронина П.Д. Рецензия на книгу: Словарь языка интернета.ru / под редакцией М.А. Кронгауза. М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2016. 288 с. // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2017. № 4. С. 128-132.

DOI: 10.18384/2310-7278-2017-4-128-132

CORRECT REFERENCE TO THE ARTICLE

P.Doronina. Review of the book: Dictionary of internet.ru / ed. by M. Krongauz's. M.: AST-PRESS BOOK, 2016. 288 p. In: Bulletin of Moscow Region State University. Series: Russian philology. 2017, no. 4 , pp. 128-132.

DOI: 10.18384/2310-7278-2017-4-128-132

ВЕСТНИК МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ОБЛАСТНОГО УНИВЕРСИТЕТА

Научный журнал «Вестник Московского государственного областного университета» основан в 1998 г. Выпускается десять серий журнала: «История и политические науки», «Экономика», «Юриспруденция», «Философские науки», «Естественные науки», «Русская филология», «Физика-математика», «Лингвистика», «Психологические науки», «Педагогика». Все серии включены в составленный Высшей аттестационной комиссией Перечень ведущих рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание учёной степени кандидата наук, на соискание учёной степени доктора наук по наукам, соответствующим названию серии. Журнал включён в базу данных Российского индекса научного цитирования (РИНЦ).

Печатная версия журнала зарегистрирована в Федеральной службе по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия. Полнотекстовая версия журнала доступна в Интернете на платформе Научной электронной библиотеки (www.elibrary.ru), а также на сайте Московского государственного областного университета (www.vestnik-mgou.ru).

ВЕСТНИК МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ОБЛАСТНОГО УНИВЕРСИТЕТА

СЕРИЯ: РУССКАЯ ФИЛОЛОГИЯ
2017. N 4

Над номером работали:

Литературные редакторы Т.Е. Шаповалова, Д.Д. Дрошнев
Переводчик И.С. Шаповалов
Компьютерная вёрстка Д.А. Заботиной

Отдел по изданию научного журнала
«Вестник Московского государственного областного университета»
Информационно-издательского управления МГОУ
105005, г. Москва, ул. Радио, д.10А, офис 98
тел. (495) 723-56-31; (495) 780-09-42 доб. 6101
e-mail: vest_mgou@mail.ru
сайт: www.vestnik-mgou.ru

Формат 70x108/₁₆. Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура «Minion Pro».
Тираж 500 экз. Уч.-изд. л. 8,25, усл. п.л. 8,5.
Подписано в печать: 27.09.2017 г. Дата выхода в свет: 29.09.2017 г. Заказ № 2017/09-02.
Отпечатано в ИИУ МГОУ
105005, г. Москва, ул. Радио, 10А